СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

и

ЦАРСТВОВАНІЕ

ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШІЙ ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II ВЪ ДѢТСТВѢ.

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

I.

Прошло только шесть лѣтъ послѣ погрома двѣнадцатаго года. У Императора Александра I не было дѣтей, наслѣдникомъ престола былъ Константинъ Павловичъ, тоже бездѣтный, только у Николая Павловича въ 1818 году родился сынъ первенецъ, привѣтствованный пророческими словами его будущаго воспитателя, извѣстнаго нашего поэта Жуковскаго. Онъ говорилъ:

Изображу-ль души смятенной чувство?
Могу-ль найти согласный съ нимъ языкъ?
Что мирный гласъ и что пѣвца искусство?
Ты слышала сей милый первый крикъ,
Младенческій привѣтъ существованью;
Ты зрѣла блескъ проглянувшихъ очей
И прелесть устъ открывшихся дыханью....
О какъ дерзну я мыслію моей
Приблизиться къ симъ тайнамъ наслажденья.
Онъ пролетѣлъ сей грозный часъ мученья,
Его смѣнилъ небесный гость—покой
И тишина исполненной надежды
И, первымъ сномъ сомкнувъ безпечны вѣжды,
Какъ ангелъ спитъ твой сынъ передъ тобой....
О матерь! Кто, какой языкъ земной
Изобразитъ сіе очарованье?
Что съ жизнію прекрасною дано,

Что намъ сулитъ въ грядущемъ упованье,
Чѣмъ прошлое для насъ озарено
И темное къ безвѣстному стремленье.
И ясное для сердца провидѣнье
И что душа небеснаго досель
Въ самой себѣ невѣдомо скрывала—
То все теперь безъ словъ тебѣ сказала
Священная младенца колыбель.
Забуду-ль мигъ на вѣки незабвенный?...
Когда шепнулъ мнѣ тихой вѣсти гласъ,
Что наступилъ рѣшительный твой часъ—
Безвѣстности волненіемъ стѣсненный,
Я ободрить мой смутный духъ спѣшилъ
На ясный день животворящимъ взглядомъ,
О, какъ сей взглядъ мнѣ душу усмирилъ!
Безоблачны надъ пробужденнымъ градомъ,
Какъ благодать лежали небеса;
Ихъ мирный блескъ, младой зари краса,
Всходящая какъ новая надежда,
Туманная, какъ таинство, одежда
Надъ красотой воскресшувшей Москвы.
Безчисленны церквей ея главы
Какъ олтари, сожженныя востокомъ,
И вѣчный Кремль, протекшимъ мимо рокомъ,
Нетронутый свидѣтель божества
И всюду гласъ святаго торжества,
Какъ будто гласъ Москвы преображенной.
Все, все душѣ являло ободренной
Божественный спасенія залогъ
И съ вѣрою, что близко провидѣнье,
Я устремлялъ свой взоръ на тотъ чертогъ,
Гдѣ матери священное мученье
Свершалося какъ жертва въ оный часъ....
Какъ выразить сей часъ невыразимый,
Когда еще сокрыто все для насъ,

Когда два ангела незримы,
Податели конца иль бытія,
Свидѣтели страданія безвластны
Еще стоятъ въ невѣденьи безгласны
И робко ждутъ, что скажетъ судія,
Кому изъ двухъ невозвратимымъ словомъ
Иль жизнь, иль смерть велитъ благовѣстить.
О что въ сей часъ сбывалось тамъ подъ кровомъ,
Царей, гдѣ мигъ былъ долженъ разрѣшить
Намъ промысла намѣреніе тайно
Угадывать я мыслью не дерзалъ;
Но сладкій гласъ мнѣ душу проникалъ:
«Здѣсь Божій миръ, ничто здѣсь не случайно»
И вѣрила безтрепетно душа;
Межъ тѣмъ восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный богъ горѣло солнце славой,
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ,
И тишины исполненъ величавой
Торжественно державный Кремль стоялъ.
Казалось, все съ надеждой ожидало
И въ оный часъ предъ мыслію моей
Минувшее безмолвно воскресало:
Сія рѣка свидѣтель давнихъ дней,
Протекшая межъ столькихъ поколѣній,
Спокойная межъ столькихъ измѣненій,
Мнѣ славною блистала стариной.
И образы великихъ привидѣній
Надъ ней какъ дымъ взлѣтали предо мной,
Мнѣ чудилось: развертывая знамя
На бой и честь скликалъ полки Донской,
Пожарскій мчалъ сквозь ужасы и пламя
Свободу въ Кремль по трупамъ поляковъ.
Среди дружинъ, хоругвей и крестовъ
Романовъ бралъ могущество державы
Вводилъ полки безсмертья и Полтавы

Чудесный Петръ въ столицу за собой.
И праздновать звала Екатерина
Румянцева съ вождями предъ Москвой.
Ужасный пиръ Кагула и Эвксина
И дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремился.
Давно-ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?... Во прахѣ домъ царей,
Безславіе разбитыхъ алтарей.
Святилища, лишенныя святыни
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что-жъ теперь? Стою на мѣстѣ томъ,
Гдѣ супостатъ ругался надъ Кремлемъ
Зажженною любуяся Москвою,
И тишина святая надо мною.
Москва жива, въ Кремлѣ семья царя,
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря
На праздникѣ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
О, какъ у всѣхъ душа заликовала
Когда молва въ громахъ Москвѣ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ.
О, сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный
Гряди въ нашъ міръ младенецъ, гость желанный.
Тебя узрѣвъ—колѣнопреклоненъ
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ словъ лишенъ,
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ.
Уже Москва своимъ тебя зоветъ,
Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
Сбылось съ твоей, младая мать, душой?
О, для нея открылся міръ иной,

Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
О лучшемъ ей сказало бытіи,
Частѣйшія зажглись въ ней упованья,
Не для тебя теперь твои желанья,
Не о тебѣ днѣсь радости твои.
Младенчества обвитый пеленами,
Еще безъ словъ, не зрящими очами
Въ твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ онъ.
Какъ тишина его прекрасенъ сонъ
И жизни вѣсть къ нему не достигала....
Но ужъ судьба свой судъ объ немъ сказала,
Уже въ ея святилищѣ стоитъ
Ему испить назначенная чаша.
Что скрыто въ ней, того надежда наша
Во тьмѣ земной для насъ не разрѣшитъ....
Но онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
На высотѣ воскресшаго Кремля.
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый,
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію въ колыбели—
Здѣсь жизнь отцовъ великая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла.
Обманетъ ли ея знаменованье? ..
Прекрасное Россія упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ во слѣдъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленной достойной счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать встрѣчая рокъ суровый
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,

Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы....
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ,
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!
Жить для вѣковъ, въ величіи народномъ
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать—
Вотъ правила царей великихъ внуку!
Съ тобой начать сію науку.
Теперь едва проснувшійся душой
Предъ матерью, какъ будто предъ судьбой
Безпечно онъ играетъ въ колыбели
И радости младыя прилетѣли
Покой прекрасный оживлять.
Житейское отъ ней еще далеко
Храни ее заботливая мать
Твоя любовь всевидящее око,
Въ твоей любви—святая благодать!

II.

Предзнаменованія.

Это было двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, на второй недѣлѣ великаго поста. По улицамъ московскимъ, было какое-то особенное тревожное движеніе; сновавшій народъ пытливо вглядывался въ глаза встрѣчающихся и находилъ въ нихъ такое же смущеніе, какое чувствовалъ и самъ; всѣ къ чему-то робко прислушивались, — и словно боялись услыхать что-то страшное, необычайное; всѣ разговаривали шепотомъ, боясь громко проронить слово, боясь нарушить царствовавшую и томившую тишину.

Наконецъ Москва дрогнула; страшное, всполошившее всѣхъ слово было произнесено, народъ осиротѣлъ!

— Государь скончался! пронеслось глухо въ толпѣ это страшное слово.

И толпа дрогнула; осѣнилъ себя съ молитвою крестомъ народъ и, по заведенному искони обычаю, двинулся въ свою святыню – Кремль, гдѣ онъ привыкъ слышать все важное, касающееся жизни народа русскаго, гдѣ онъ привыкъ видѣть своихъ царей, слышать ихъ слово.

Мигомъ наполнился Кремль несмѣтною толпою, зачернѣли площади соборная, дворцовая, кремлевская. Всѣ нервы были натянуты, всѣ ждали чего-то съ замираніемъ сердца. Вдругъ въ воздухѣ раздался гулъ, подъ ногами дрогнула земля, заблаговѣстили къ молебну, съ призывомъ помолиться о молодомъ, новомъ царѣ, подававшемъ такія блестящія надежды, о царѣ, любимомъ уже народомъ.

— Дай Богъ ему счастья, дай ему силушки, молился народъ.

А силушка въ это время нужна была и силушка не малая, богатырская, чтобы справиться съ ворогомъ. Въ это время шелъ самый разгаръ Крымской войны, всѣ силы были натянуты, необходимы были страшныя усилія, энергія, чтобы не поддаться врагу, чтобы отстоять честь и славу Россіи.

Молебенъ окончился. Служилъ его памятнѣйшій изъ іерарховъ земли русской, митрополитъ Филаретъ. По окончаніи молебна, онъ приказалъ звонить къ присягѣ. Обыкновенно къ присягѣ призываютъ тремя ударами колокола.

Раздался первый ударъ и снова обнажились головы тысячной толпы, снова эта масса осѣнила себя крестомъ, ожидая втораго удара, но.... вмѣсто него разнеслись въ воздухѣ неслыханное дребезжаніе и какой-то страшный гулъ, какъ будто отъ паденія страшной массы..... что-то простонало и замерло надъ Москвой.... Народъ оцѣпенѣлъ, застылъ!... Отъ колокольни бросились въ Успенскій соборъ вѣстовщики, они были блѣдны, испуганы.

— Отчего-же прекратили звонъ? спрашиваетъ этихъ вѣстовщиковъ покойный митрополитъ.

— Оборвался колоколъ, пробилъ три этажа и передавилъ много народа, отвѣчаютъ тѣ.

Святитель поникъ головой и задумался, по лицу его пробѣжала скорбная, горькая мысль....

— Ужасное, кровавое дѣло! промолвилъ онъ. Славное будетъ это царствованіе, продолжалъ онъ пророчески, славное, но тернистое.... кровью началось оно, кровью же и окончится....

Прошло одиннадцать лѣтъ. 4 Апрѣля 1866 года, жизнь маленькаго городка Раненбурга, рязанской губерніи, текла по обыкновенію своимъ обыденнымъ порядкомъ, тихо, безмятежно. Но вдругъ въ двѣнадцатомъ часу дня весь городъ всполошился....

Съ соборной колокольни, явственно, отчетливо послышался набатъ! Всѣ выбѣжали на улицу, въ ожиданіи какой нибудь бѣды, бросились на колокольню, но тамъ не нашли никого, веревка, привязанная къ языку колокола, висѣла спокойно.... Никто ничего не понималъ, никто не могъ объяснить этого страннаго набата. Но прошло нѣсколько дней, и онъ объяснился. Въ этотъ же день и часъ въ Петербургѣ готовилось страшное преступленіе. Въ это самое время произошло въ Лѣтнемъ саду первое покушеніе на священную жизнь незабвеннаго Александра II, проклятымъ народною памятью Караковымъ.

Прошло еще четырнадцать лѣтъ. Наступилъ день 25-го Декабря, прошлаго 1880 года, день, въ который празднуется незабвенное въ русской исторіи

событіе «изгнанія изъ предѣловъ Россіи двунадесяти языковъ», день, празднуемый повсемѣстно особенно торжественно. Въ этотъ день, нѣтъ ни одного храма на Руси, гдѣ бы не служилось благодарственное по этому случаю молебствіе. Такъ было и на этотъ разъ въ Геѳсиманскомъ скиту, находящемся въ двухъ или трехъ верстахъ отъ нашей славной Сергіево-Троицкой Лавры. Храмъ былъ наполненъ молящимися. Началось молебствіе, во время котораго вышелъ настоятель, чтобы прочесть всѣмъ извѣстную молитву съ колѣнопреклоненіемъ. Во время этой молитвы, когда было произнесено имя покойнаго Государя, въ церкви раздался весьма слышный трескъ. Молящіеся встревожились и невольно взглянули вверхъ, откуда послышался этотъ трескъ.

Въ большомъ паникадилѣ, висящемъ передъ алтаремъ, неизвѣстно по какой причинѣ вдругъ переломилась по поламъ одна изъ свѣчей. Въ этотъ день свѣчи въ паникадило были вставлены новыя въ полтора аршина длины и въ полтора вершка толщины. Верхняя сломленная часть нагнулась и стала подъ прямымъ угломъ къ нижней.

Замѣтивъ смущеніе народа, староста поспѣшилъ къ паникадилу, чтобы опустить его и вынуть сломившуюся свѣчу. Но сдѣлать этого онъ не успѣлъ, такъ какъ верхняя отломившаяся половина упала на землю, а нижняя *зажглась сама собою*. Проходитъ еще немного болѣе полутора мѣсяца. Празднуется, какъ оказалось, въ послѣдній разъ, дорогой и знаменательный для Россіи день 19 февраля. Тотъ же храмъ

по обыкновенію переполненъ молящимися. Литургія окончилась, окончился и молебенъ по случаю восшествія на престолъ почившаго въ Бозѣ Государя Императора, начали произносить Ему многолѣтіе и вдругъ, внезапно, мгновенно, въ томъ же паникадилѣ, въ которомъ сломилась нѣсколько времени тому назадъ свѣча... потухли всѣ свѣчи...

За двѣ послѣднія недѣли жизни Государя, произошло странное явленіе. Государь сталъ ежедневно замѣчать на окнѣ своего кабинета убитыхъ голубей. Начали наблюдать, откуда бы они могли являться. Оказалось, что на крышѣ Зимняго дворца поселилась какая-то огромная птица; одни называли ее орломъ, другіе — громаднѣйшихъ размѣровъ коршуномъ. Эта-то птица ежедневно и убивала голубей. Рѣшили убить ее, но въ теченіи нѣсколькихъ дней всѣ усилія къ этому оставались напрасны. Государя, повидимому, встревожило это обстоятельство.

— Это дурной знакъ! замѣтилъ онъ.

Поставили наконецъ капканъ, птица попала въ него, но обладая громадною силою, утащила его съ собою. Тяжесть капкана обезсилѣла наконецъ птицу и она, выбившись изъ силъ, упала на Дворцовой площади. Ее поймали и убили. Птица оказалась коршуномъ такихъ необыкновенныхъ размѣровъ, что изъ нея сочли нужнымъ сдѣлать чучело и помѣстить въ кунсткамерѣ.

Перваго марта 1881 года, въ день печальной, страдальческой смерти Государя Императора, вечеромъ, когда еще не было извѣстно въ Москвѣ о страшномъ событіи, многіе Москвичи были необыкновен-

но встревожены. Въ необычный часъ ночью послышался кремлевскій звонъ. Многіе вышли на улицу, чтобы убѣдиться въ звонѣ и, если можно, узнать о причинѣ его. Звонъ въ Кремлѣ, какъ будто прекратился, но гулъ его доносился изъ Московскихъ окрестностей. Думали, что это набатъ въ подмосковныхъ деревняхъ, по случаю пожара. Но зарева нигдѣ не было видно. Черезъ часъ объяснился этотъ звонъ, пришла вѣсть о смерти Государя, и вся Москва, какъ бы по волшебству, всполошилась и забѣгала, напоминая подобную же суету и тревогу, только въ гораздо высшей степени, происходившую слишкомъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ.

Наконецъ въ потрясенномъ, убитомъ гнуснымъ преступленіемъ, Петербургѣ наступилъ вечеръ 1-го марта. Всѣ уже знали о своемъ сиротствѣ, всѣ оплакивали свою дорогую потерю, и вотъ большинство этихъ «всѣхъ» вечеромъ увидѣли на небѣ «знаменіе». На темномъ небѣ съ едва мерцавшими на немъ звѣздами, показалась необыкновенной величины и небывалой яркости звѣзда, съ двумя хвостами, одинъ короткій шелъ вверхъ, другой болѣе длинный опускался къ низу.

Увидѣли и перекрестились. Всѣ видѣвшіе поняли это знаменіе.

— Дай, Господи, подольше пожить *настоящему, молодому*, шептали огорченныя и оскорбленныя народныя уста.

— Дай, Боже, ему сокрушить крамолу, нашу болѣсть!

Другіе, глядя на эту внезапно явившуюся комету, дрожали и, въ своемъ суевѣрномъ страхѣ, приписывали ей громадное значеніе. Да какъ и не вѣрить, какъ не предугадывать, глядя на всѣ эти «знаменія», которыя свыше силъ человѣческихъ, свыше его ограниченнаго пониманія!

III.

Катастрофа.

Въ то время, какъ являлись всѣ эти предзнаменованія, изумлявшія и пугавшія народъ, крамола, не бывалая еще на Руси, тихо дѣлала свое постыдное подпольное дѣло. Послѣ взрыва, произведеннаго годъ тому назадъ въ Зимнемъ дворцѣ, какъ руское общество, такъ и правительство, какъ бы очнулись. Дерзость была непомѣрная. Чтобы пробраться во дворецъ съ орудіями взрыва, нужно было обладать громадною наглостію, нужно было быть увѣреннымъ въ успѣхѣ дѣла, въ безнаказанности его.

Взрывъ ясно показалъ, что крамольники обладаютъ этою наглостію, показалъ, что всѣ мѣры, предпринимаемыя противъ нихъ, слишкомъ слабы, не цѣлесообразны. Нужна была болѣе сильная рука, нуженъ былъ человѣкъ съ сильною волею, съ энергіеи, который сразу задавилъ бы эту подпольную дѣятельность нѣсколькихъ отщепенцевъ. Выборъ Государя палъ на графа Лорисъ-Меликова, зарекомендовавшаго себя во время своего генералъ-губернаторства въ Самарскомъ краю, во время ветлянскаго погрома, и въ Харьковѣ.

Выборъ оказался удачнымъ, мѣры, принятыя графомъ, оживили русское общество и, казалось, погромъ, нанесенный имъ нигилистамъ, заставилъ ихъ скончаться хотя и немного медленною, но вѣрною смертію.

Такъ казалось всѣмъ, но не такъ, какъ оказалось, было на дѣлѣ. Раздавленные, уничтоженные нигилисты были принуждены, какъ они сами заявляютъ, на время замолкнуть, притихнуть, чтобы возмущенное ими общество и народъ успокоились, увѣровали въ ихъ исчезновеніе. И въ это-то время крамола работала, работала неустанно, работала къ позору Россіи. Давъ обмануться обществу и правительству, крамольники, собравшись съ силами, начали приводить въ дѣйствіе свои планы. Они рѣшились привести во что бы то ни стало въ исполненіе свой замыселъ относительно цареубійства.

Для этого они положили привести свой планъ въ исполненіе, въ то время, когда Государь будетъ отправляться на разводъ или возвращаться съ него. Распустивъ слухъ о томъ, что разрывные снаряды изготовляются за границею, они, такъ сказать, отвели глаза полиціи и въ это самое время усердно занялись приготовленіями къ своему адскому замыслу. На Пескахъ, въ Телѣжной улицѣ, въ домѣ Пирогова, въ квартирѣ № 5, поселились двое молодыхъ людей, мужчина и женщина. Жизнь вели они скромную и, прикрываясь этою скромностію, они занимались въ тоже время изготовленіемъ тѣхъ адскихъ бомбъ, отъ которыхъ долженъ былъ погибнуть Го-

сударь. Бомбы эти были розданы нѣсколькимъ злоумышленникамъ, которые должны были подстерегать Государя по всѣмъ улицамъ, по которымъ онъ могъ бы проѣхать, возвращаясь изъ манежа во дворецъ.

Но этого имъ казалось недостаточно. Зная привычку Государя возвращаться съ развода по Малой Садовой, на которой находится Министерство Юстиціи, крамольники и эту улицу приняли во вниманіе.

Слишкомъ два года тому назадъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Невскаго проспекта, въ домѣ графа Менгдена, въ подвальномъ помѣщеніи, сыромъ до невѣроятности, чуть не залитомъ водою помѣщалась портерная. Сырость, однако, заставила хозяина портерной выбраться изъ этого помѣщенія, вслѣдствіе чего, оно въ теченіи двухъ лѣтъ стояло пустымъ, такъ какъ охотниковъ для найма его не находилось. Наконецъ въ первыхъ числахъ января текущаго года явился наниматель, крестьянинъ Кобозевъ. Онъ пожелалъ занять эту квартиру подъ складъ оптовой продажи «русскаго сыра». Квартира была отдѣлана заново и сдана ему. Переѣхали жильцы: Кобозевъ съ женою и съ перваго же дня внушили подозрѣніе. Дворникамъ показались странными пріемы крестьянки Кобозевой: она ходила въ прюнелевыхъ ботинкахъ, курила хорошія папиросы и вела себя, какъ ведутъ себя, по выраженію народа, «*господа*». Она пропадала изъ дому, являлась домой поздпею ночью и на шутки дворниковъ на счетъ ея поздняго возвращенія, она просила ихъ не говорить ничего объ этомъ мужу. Самъ мужъ—Кобозевъ велъ себя чрезвычай-

но странно и напоминалъ собою скорѣе барина, чѣмъ крестьянина. Торговля ихъ шла чрезвычайно плохо, въ розницу сыра они не продавали, а оптомъ не находилось покупщиковъ.

Таскались въ эту лавченку какіе-то юноши, но ихъ за покупателей никто не могъ принять. Все это заставило дворниковъ высказать свои сомнѣнія полиціи на счетъ благонадежности новыхъ жильцовъ.

Полиція приняла заявленіе ихъ къ свѣдѣнію и произвела, подъ предлогомъ освидѣтельствованія квартиры не сыра ли она, осмотръ, но ничего не нашла въ лавкѣ предосудительнаго. А между тѣмъ въ ней въ это же время устраивалось адское предпріятіе.

Въ день ужаснаго покушенія на жизнь покойнаго Государя, Кобозевъ явился домой навеселѣ. Прошло два дня, одинъ портной послалъ своего мальчика въ лавку за сыромъ. Тотъ нашелъ лавку запертой, заглянулъ въ окно и увидѣлъ одного только кота. Никого не видя, онъ отправился къ дворникамъ, тѣ въ свою очередь были удивлены этимъ обстоятельствомъ, такъ какъ Кобозевы открывали лавку даже и въ праздники, почему и нашли необходимымъ заявить объ этомъ полиціи. На мѣсто немедленно явились судебныя власти съ полиціей. На первый взглядъ, какъ и въ первый разъ, ничего предосудительнаго замѣчено не было. Въ углу висѣлъ образъ съ лампадой, подъ нимъ была прибита телеграмма о кончинѣ Государя. Отодвинувъ диванъ, подъ нимъ нашли песокъ. Это заставило произвести болѣе тщательный осмотръ. У окна замѣтили досчатую настилку. Когда

ее подняли, то подъ ней оказалось отверстіе, въ которомъ находилась корзина съ гальванической баттареей. Начали внимательно осматривать помѣщеніе лавки и вскорѣ подъ другимъ окномъ открыли подкопъ, ведшій до средины улицы. Чуланъ, примыкающій къ комнатѣ, былъ заваленъ землею; находившіяся въ лавкѣ бочки также были набиты землей. Въ концѣ подкопа былъ положенъ зарядъ, на столько сильный, что онъ могъ разрушить трехъэтажный домъ. Злоумышленники имѣли въ виду произвести взрывъ въ то время, когда Государь проѣзжалъ бы изъ манежа.

Въ то время, когда происходили вышесказанныя приготовленія крамольниковъ, Государемъ было получено нѣсколько анонимныхъ писемъ, предупреждающихъ Его о предстоящемъ покушеніи на Его жизнь. Въ этихъ письмахъ даже говорилось о способѣ приведенія въ исполненіе замысла нигилистовъ. Ему писали, что въ него будутъ бросаться бомбы, приготовляемыя за границей, о чемъ самъ усопшій Государь велъ не одинъ разъ разговоръ съ людьми, близко стоявшими къ Нему.

Были предупрежденія и о томъ, когда будетъ сдѣлано покушеніе, указывалось время, вслѣдствіе чего графъ Лорисъ-Меликовъ въ теченіи двухъ недѣль употреблялъ всѣ усилія, чтобы отговорить отъ поѣздки на разводъ, но въ роковой день 1-го Марта, не смотря на всѣ просьбы графа, Государь настоялъ на поѣздкѣ.

Послѣ развода Государь отправился къ Великой

Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, и послѣ завтрака у нея, поѣхалъ въ Зимній Дворецъ. Когда карета Его выѣхала на Екатерининскій каналъ, вдругъ раздался взрывъ, взломавшій задокъ кареты, которая тутъ же остановилась. Государь вышелъ изъ нея невредимъ, но кинутою бомбой былъ смертельно раненъ одинъ изъ конвойныхъ, скакавшій сзади, Маличевъ, свалившійся съ лошади, мальчикъ мясникъ, лѣтъ 14, несшій на головѣ лотокъ съ мясомъ и саперный офицеръ, шедшій по тротуару вдоль каменной стѣны Михайловскаго сада. Кучеръ Государя, чуя бѣду, обернулся къ Нему съ козелъ: «Поѣдемте Государь!» Полицеймейстеръ Дворжицкій, скакавшій сзади, выскочилъ изъ саней съ тою же просьбой ѣхать скорѣе. Но Государь, не слушая, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, сказавъ: «Хочу видѣть своихъ раненыхъ». Въ это время толпа успѣла остановить здороваго дѣтину, хорошо одѣтаго, кинувшаго бомбу. Государь обернулся на него: «Такъ это ты, *гусь*, хотѣлъ Меня убить? Но не успѣлъ Онъ договорить, какъ вторая бомба разорвалась предъ Нимъ и Онъ опустился со словами: «помогите!»

Штабсъ-капитанъ Новиковъ, услышавъ взрывы, бросился къ мѣсту катастрофы. Тамъ снѣгъ былъ взрытъ и усѣянъ осколками и ранеными, лежалъ раненый мальчикъ, раненый конвойный, еще кто-то, на снѣгу Государь, безъ шапки, безъ шинели, въ мундирѣ саперного батальона. Ноги Его были изломаны, одежда мѣстами изорвана, кровь текла изъ ногъ, кровавыя пятна были на снѣгу. Новиковъ заплакалъ

и бросился къ Государю съ словами: «Боже мой! Что сдѣлали съ Вашимъ Величествомъ?» Государь лежалъ недвижимъ. Подошли матросы флотскаго экипажа. Съ ихъ помощью Новиковъ поднялъ Государя, обхвативъ правою рукой по таліи, лѣвою по груди. Матросы поддерживали ноги, не выпуская изъ рукъ ружей, съ которыми они шли. Такъ прошли нѣсколько шаговъ. Государь сказалъ раза два: «Холодно, холодно», и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Новиковъ, поддерживая Государя на одной рукѣ, сталъ другою доставать платокъ изъ кармана, чтобы обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. «Саша, какъ Ты Себя чувствуешь?» сказалъ онъ, наклоняясь къ лицу Государя. Государь въ отвѣтъ что-то сказалъ. Ни одного стона не вырвалось у Него изъ груди. Великій Князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Народъ собирался со всѣхъ сторонъ. Многіе падали на колѣни, крестились и плакали. Положить негдѣ было Страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго, въ испугѣ отъ выстрѣла, бросились къ Театральному мосту, и штабсъ-капитанъ кадроваго баталіона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извощичьи сани, но на нихъ трудно было везти раненаго. Новиковъ обратился къ Великому Князю съ просьбой разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь очевидно не те-

ралъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ: услышавъ эту фразу, Онъ произнесъ внятно: «Несите во дворецъ», «тамъ умереть», еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова были послѣднимъ усиліемъ Страдальца. Онъ сомкнулъ уста, закрылъ глаза и не произнесъ болѣе ни слова... Подъѣхали лошади Дворжицкаго. Государя посадили въ сани. Съ обѣихъ сторонъ Его поддерживали. Онъ сидѣлъ облокотившись, закидывая или опуская голову. Сначала ѣхали шагомъ, но силы Государя оставляли Его. Приказано было ѣхать быстро. Сани понеслись. Государь былъ внесенъ во Дворецъ.

IV.

Мученическая кончина Императора

Во дворецъ внесли Государя на коврѣ и положили на постель въ Его кабинетѣ возлѣ того письменнаго стола, за которымъ онъ обыкновенно занимался. Прибыли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Супругой и другіе члены Императорской Семьи и медики. Страдалецъ лежалъ безъ движенія, испуская тихіи стонъ. Его осторожно раздѣли; кровь была на лицѣ; ноги совсѣмъ раздроблены, задѣта нижняя часть живота. Страшная потеря крови дѣлала положеніе Государя безнадежнымъ.

При изслѣдованіи медиками поврежденій у Государя Императора оказалось слѣдующее: обѣ голени ниже колѣнъ и до стопы были превращены въ массу обрывковъ мускуловъ, на которыхъ мѣстами висѣли осколки костей, и мягкія части носили на себѣ слѣды обжога. На лѣвой верхней вѣкѣ замѣчался незначительный подтекъ также съ обжогомъ. Перчатка правой руки окровавлена. По мѣрѣ приближенія къ Зимнему Дворцу Государь терялъ сознаніе отъ потери крови, которая сочилась изъ оборванныхъ мускуловъ обѣихъ голеней. Эти мускулы составляли

единственную связь между стопою и колѣнами обѣихъ ногъ, ибо кости голеней были раздроблены и вышиблены взрывомъ. Доктора Круглевскій и Маркусъ явились первыми и произвели немедленно прижатіе бедренныхъ артерій. Докторъ Дворяшинъ, врачъ 4 стрѣлковаго баталіона Императорской фамиліи, находившійся случайно въ зданіи Окружнаго штаба, услышавъ крики «Государь раненъ», бросился во дворецъ и въ дверяхъ кабинета Его Величества встрѣтилъ доктора Круглевскаго. «Скорѣе привозите ампутаціонный и резекціонный наборъ», сказалъ ему Круглевскій. Дворяшинъ бросился за инструментами въ квартиру Круглевскаго и чрезъ пять минутъ былъ обратно во дворцѣ. Боткинъ былъ уже при Его Величествѣ и съ величайшимъ вниманіемъ производилъ выслушиваніе ударовъ сердца. Изъ привезеннаго набора каучуковый бинтъ немедленно былъ наложенъ на правую ногу выше колѣна, при чемъ доктора старались сохранить всю оставшуюся на оборванныхъ частяхъ тѣла кровь и отдавить ее по направленію къ сердцу. Затѣмъ наложенъ былъ каучуковый жгутъ. Бинтъ снятъ, чтобы повторить туже операцію на лѣвой ногѣ, дабы укономить кровь для питанія мозга. Рѣшено было наложить бинтъ на правую руку. Когда Дворяшинъ снялъ окровавленную перчатку правой руки Государя, оказалось, что на рукѣ было нѣсколько кровавыхъ подтековъ съ обжогомъ. Обручальное кольцо было совершенно сплюснуто спереди. Произведено было бинтованіе. Боткинъ сказалъ, что сердечные тоны

становятся яснѣе и появилось глотательное движеніе. Государь пріоткрылъ нѣсколько глаза, и подъ вліяніемъ вспрыскиванія сѣрнокислымъ эфиромъ и водой со льдомъ, при накачиваніи изъ баллона кислорода, дыханіе стало возстанавливаться. Этимъ моментомъ воспользовался духовникъ протопресвитеръ Бажановъ и пріобщилъ Его Величество Св. Тайнъ. Сцена была въ высшей степени трогательная и умилительная. Казалось, надежды воскресли. Помчались въ Конюшенный госпиталь за снарядомъ для переливанія крови. Судьба судила иначе: Боткинъ сталъ замѣчать постепенно ослабленіе сердечныхъ тоновъ. Дыханіе сдѣлалось поверхностное, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже и рѣже. Наконецъ въ 3 часа 35 минутъ дыханіе совсѣмъ замерло.

Государя не стало. Смерть похитила его и какая смерть!

Убитъ .. убитъ!.. Да! Русскій Царь убитъ —
Нашъ кроткій, добрый Царь! . Теперь, истекшій кровью,
Онъ — бездыханный трупъ! Онъ — царственной любовью
Животворившій Русь — истерзанный лежитъ
Въ своемъ Дворцѣ теперь — и гробъ уготовляютъ,
И о покойникѣ колокола гудятъ...
И гдѣ же тѣ — гдѣ этотъ самый адъ,
Откуда демоны убійства вылетаютъ?
Гдѣ самый горнъ, гдѣ ковы ихъ куютъ,
Откуда какъ слѣпыхъ рабовъ ихъ разсылаютъ
Пароль и лозунгъ имъ даютъ?..
Убитъ!.. И кто жъ убійца!.. О, нѣтъ нужды,
Полякъ онъ, иль Еврей, иль Русскій — свой иль чуждый,
Теперь ужъ все равно!
Одно въ насъ чувство, да! ужасное, одно —

Да! всѣ мы — Русская земля — мы чуемъ
Что тяжкій грѣхъ на насъ, какъ тѣнь отъ тучи, легъ.
Великаго Царя намъ посылаетъ Богъ;
Онъ сыплетъ милости — въ восторгѣ мы ликуемъ,
Онъ вѣковыя съ насъ снимаетъ тяготы;
Освобожденную уже ведетъ Россію
Освобождать другихъ, у коихъ отняты
Все, имя и права, — идетъ подъ Византію —
Влилась всей Руси мысль, казалось, въ мысль Его —
И вдругъ — враги внутри, и адскій ковъ за ковомъ,
И царскій сталъ вѣнецъ Ему вѣнцомъ терновымъ!..
И вотъ — убитъ!.. И мы стоимъ вокругъ Него
Въ оцѣпенѣніи — и видимъ ужъ въ грядущемъ:
Исторія корить насъ вѣчно будетъ Имъ,
Воздвигнувъ ликъ Его не свѣтлымъ и цвѣтущимъ,
Свѣтящимся лишь помысломъ благимъ,
Улыбкою кругомъ веселье раздающимъ, —
А съ кроткой грустью — взглядъ обращенный къ намъ
«За что жъ? какое зло Я, дѣти, сдѣлалъ вамъ?..»
О Царь излюбленный! О, будь и по кончинѣ
Ты намъ хранителемъ!.. Да будетъ намъ отнынѣ
Кровавый образъ Твой — и нашей пустоты
И нашей шаткости навѣкъ во обличенье!
И кровь что по грѣхамъ по нашимъ пролилъ Ты —
Твоя святая кровь — да будетъ во спасенье.
И отрезвленіе для всей земли родной,
Какъ жертва, какъ залогъ послѣдній искупленья
Здѣсь довершившій подвигъ Твой!

Но смерть его служитъ вѣнцомъ его труженической, благодѣтельной для Россіи жизни; вѣнецъ этотъ достается не на долю каждаго, вѣнецъ этотъ удѣлъ только избранниковъ Божьихъ, и вотъ какъ бы въ награду за плодотворную благодѣтельную жизнь.

На вѣнчанной главѣ дорогаго Отца
Заблисталъ еще новый вѣнецъ.
То великая честь: нѣтъ святѣе вѣнца —
За любовь присуждаетъ Творецъ.

—

Все имѣетъ конецъ, все на свѣтѣ пройдетъ
И пророчества гласъ замолчитъ;
Но любовь никогда, никогда не умретъ —
«Богъ любовь есть», апостолъ гласитъ.

—

Загорѣлась свѣча, вѣковая мольба
Предъ престоломъ Владыки царей.
Та свѣча — благодарныя слезы раба,
Отъ страданья изъятыхъ людей.

—

Осѣни Тебя, Господи, свѣтлымъ крестомъ,
Что Ты здѣсь на землѣ защищалъ.
И прости и люби насъ и въ мірѣ иномъ,
Какъ Ты здѣсь и любилъ, и прощалъ.

V

Разсказы очевидцевъ.

Помѣщаемъ цѣлый рядъ разсказовъ очевидцевъ; въ нихъ, правда, есть разногласіе, но въ общемъ они сходятся и всѣ вмѣстѣ взятые, ярче и рельефнѣе обрисовываютъ катастрофу.

Разсказъ мичмана Ержиковича.

Ержиковичъ возвращался съ развода со взводомъ 8 флотскаго экипажа. По Инженерной улицѣ, экипажъ Государя Императора обогналъ команду мичмана, которая, отдавши честь, продолжала дальнѣйшее слѣдованіе. Не прошло полуминуты послѣ того, какъ экипажъ поворотилъ за уголъ по каналѣ, какъ раздался страшный взрывъ. Изъ-за угла показался околодочный надзиратель съ крикомъ: «Помогите Государю». Тогда вся команда 8-го флотскаго экипажа, съ мичманомъ Ержиковичемъ во главѣ, стремглавъ бросилась къ мѣсту происшествія и застала Государя, который, обратившись лицомъ къ Невскому проспекту, говорилъ съ пойманнымъ преступникомъ, бросившимъ первый снарядъ.

По словамъ мичмана Ерижковича и матросовъ, Его Величество сказалъ только преступнику: «что тебѣ нужно, безбожникъ», и затѣмъ изволилъ повернуться лицомъ къ стоявшему позади Его полковнику Дворжицкому. Въ этотъ моментъ упалъ между нами второй снарядъ, и страшная катастрофа совершилась.

Команда 8 флотскаго экипажа, съ юнкерами Павловскаго училища, уложила смертельно раненнаго Государя въ сани и сопровождала экипажъ, слѣдуя за нимъ бѣгомъ: въ началѣ сани ѣхали медленно, а затѣмъ матросы отстали, когда лошади поѣхали быстрѣе.

Разсказъ солдатки Авдотьи Давыдовой,

38-ми-лѣтней женщины, находящейся въ настоящее время въ Маріинской больницѣ (поврежденіе правой руки, выше локтя): «Была я, батюшка ты мой, разсказываетъ она, въ этотъ самый день имянинница—Авдотьей меня зовутъ— и шла изъ церкви, да думала зайти къ кумѣ своей; на канавѣ она живетъ. Только это у самаго Царицина луга, думаю, какъ мнѣ идти? По Конюшенной или по набережной? Пошла по набережной.... Впереди меня шли двое мастеровыхъ и несли на головахъ не то диванъ, не то кровать—не запомню хорошенько. Помню я только, что они остановились и сказали: «вонъ, Государь ѣдетъ». Тутъ подошелъ къ намъ еще мальчикъ, мясникъ, съ корзиной тоже на головѣ. Корзину-то онъ снялъ и поставилъ на панель, а самъ шапку съ головы снялъ. Проѣхалъ это Батюшка-царь. Мы поклонились. Я и хотѣла ужъ только по-

вернуться и идти, вдругъ—трескъ раздался, да такой сильный, словно изъ пушки. Карета остановилась. По панели какой-то человѣкъ забѣжалъ и кричитъ: «держи»!... За нимъ погнался казакъ. Мальчикъ-мясникъ бросилъ бѣжавшему-то корзину свою подъ ноги. Тотъ запнулся и упалъ. Тутъ его и остановили. Такой молодой изъ себя, въ немудрящемъ пальтѣ и въ мѣховой шапкѣ. Карета-то какъ остановилась, батюшка, покойный-то Государь, и вышелъ изъ нея, да подошелъ къ этому человѣку. Перекрестилась я, и тоже поближе подвинулась. Только это я начала подходить, вдругъ—второй выстрѣлъ. У меня словно что-то обожгло руку.... Въ глазахъ это у меня все помутилось.... Больше ужь ничего не помнила. Видѣла я, какъ въ туманѣ, солдатики подбѣжали молодые.... Всѣ забѣгали, закричали.... Потомъ меня кто-то посадилъ въ сани и повезли сюда»...

Рука у Давыдовой поправляется. Она просится домой. Живетъ она на Черной рѣчкѣ, гдѣ занимается стиркой бѣлья.

Разсказъ подпоручика Крохоткина.

Подпоручикъ Митрофанъ Дмитріевичъ Крохоткинъ, 139-го Моршанскаго пѣхотнаго полка, 27-ми лѣтъ, женившійся всего мѣсяцъ тому назадъ, проѣзжалъ 1-го марта съ Конюшенной черезъ Театральный мостъ, везя на извощикѣ связку разныхъ книгъ, числомъ около 40, взятыхъ имъ у знакомыхъ для подготовки къ вступительному экзамену въ Военную Академію.

Какъ разъ въ это мгновеніе раздался первый взрывъ. Поручикъ тотчасъ же выскочилъ изъ саней, оставивъ книги извощику, и поспѣшилъ бѣгомъ къ царской каретѣ, отворилъ ея дверцы и помогъ Государю выйти. Его Величество, въ сопровожденіи Крохоткина, направился къ кучкѣ людей, окружавшей преступника, и Крохоткинъ слышалъ, какъ Государь сказалъ: «Это онъ! Хорошо! Хорошо!»

Вернувшись, Государь сталъ на тротуарѣ набережной, облокотясь на желѣзную рѣшетку, и освѣдомился о раненыхъ; пор. Крохоткинъ стоялъ въ то время въ 2-хъ шагахъ, обратившись лицомъ къ Государю. Въ это время послѣдовалъ страшный взрывъ, онъ почувствовалъ, что приподнятъ на воздухъ, и умирая несется прямо на небо, что въ извѣстной степени порождало въ немъ пріятное ощущеніе. Придя въ себя, онъ увидѣлъ, что лежитъ на землѣ, что голова и лицо его въ крови, и окружающіе старались смыть и стереть эту кровь. Онъ всталъ на ноги, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ кучкѣ людей, окружавшихъ Государя, видѣлъ какъ его подняли съ раздробленными голенями, и при этомъ ему страннымъ образомъ почудилось, что это не Государь, а давно въ Бозѣ почившій Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Въ это мгновенье онъ лишился сознанія, и придя въ себя, уже очутился въ саняхъ рядомъ съ городовымъ, который повезъ въ Маріинскую больницу. Голова его была обвязана нѣсколькими платками, такъ какъ шапка его, а также и книги, до сихъ поръ не найдены. Три часа спустя его посѣ-

тилъ докторъ Вреденъ и опредѣлилъ слѣдующіе слѣды контузіи: «поврежденіе верхней части лѣвой ушной раковины маленькимъ осколкомъ бомбы, и звѣздообразный разрывъ лѣваго барабана, причинившій кровоизліяніе. Полная глухота лѣваго уха и ослабленіе слуха въ правомъ. Вообще его состояніе устраняетъ пока опасеніе о возможныхъ въ будущемъ послѣдствіяхъ сотрясенія мозга, но глухота лѣваго уха останется, а воспалительное состояніе его причинитъ еще не мало страданій этой жертвѣ человѣческой злобы».

Разсказъ г. Шенберга.

Находясь случайно въ перчаточномъ магазинѣ Боне, въ домѣ на углу Екатерининскаго канала и Невскаго, и готовясь выйти изъ него, я и хозяйка магазина вдругъ были поражены сильнымъ ударомъ, какъ бы изъ пушки: стѣны магазина задрожали. Я немедленно выбѣжалъ изъ магазина, сѣлъ на поджидавшаго меня извощика и видя, что народъ на Казанскомъ мосту въ недоумѣніи смотритъ по направленію послышавшагося выстрѣла, приказалъ извощику ѣхать, какъ можно скорѣе, по набережной канала.

Не успѣлъ мой извощикъ поровняться съ угломъ Инженерной улицы, какъ громовый ударъ разразился передъ моими глазами и густой столбъ дыма застлалъ передо мной всю мѣстность. Лошадь извощика кинулась въ сторону, я же соскочилъ съ саней и бросился по направленію еще не разсѣявшагося дыма. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ моимъ гла-

замъ представилась раздирающая картина. На встрѣчу мнѣ двое лицъ вели, поддерживая подъ мышцы, страшно изуродованнаго городоваго, съ лица котораго кровь лилась ручьями; ни извощиковъ, ни народу въ эту минуту не было. Поровнявшись съ заборомъ сада Екатерины Михайловны, я видѣлъ какъ нѣсколько юнкеровъ Павловскаго училища, обагренные кровью, бѣжали по направленію къ Казанскому мосту. На мой вопросъ, что случилось, они въ отчаяніи крикнули мнѣ: «Государь... раненъ... безъ ногъ»!.. Пораженный, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ: передо мною головами къ рѣшеткѣ канала лежали два умирающихъ—съ лѣвой стороны мальчикъ, съ страшно обезображеннымъ лицомъ и зіяющей раной на вискѣ, полуоткрывалъ и закрывалъ глаза; съ правой—плотный мужчина съ бородой, съ окровавленной головой, съ разбитыми ногами, безъ сапогъ. Страшные глаза его, налитые кровью, смотрѣли на мальчика. (Какъ это выяснилось теперь, это и былъ злодѣй, бросившій второй роковой метательный снарядъ). Между ними плита панели была взорвана и на этомъ-то самомъ мѣстѣ между невинной жертвой, привлекшей милосердное вниманіе Царя-человѣка, и гнуснымъ извергомъ, палъ нашъ Отецъ, нашъ Освободитель. По положенію тѣла умирающаго убійцы, которое у меня ясно запечатлѣлось, вѣрнѣе всего предположить, что онъ подошелъ къ Государю сзади (слѣдовательно онъ во время перваго взрыва находился у забора сада Великой Княгини, въ то время какъ Рысаковъ находился у рѣ-

шетки канала), когда Императоръ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, подходилъ къ раненому мальчику. Тутъ только злодѣй бросилъ подъ ноги Царя адскій снарядъ, которымъ и его самого отбросило къ рѣшеткѣ, между тѣмъ какъ Императоръ упалъ, обливаясь кровью, между преступникомъ и мальчикомъ. Въ то время, когда я и прибѣжавшіе околодочные, съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ бросились за извощиками, чтобы отвезти раненыхъ мальчика и мужчину, которыхъ мы сами и укладывали, я замѣтилъ на льду канала нѣсколько лицъ, одѣтыхъ дворниками съ метлами, которые потомъ куда-то всѣ исчезли. Въ попыхахъ полиція не обратила на нихъ вниманія. Отправивъ раненыхъ, мы начали складывать поднятыя нами вещи. Распространено мнѣніе, что карета Государя не особенно пострадала и что въ ней можно было ѣхать дальше; куски кареты, которые я едва могъ удержать обѣими руками, показываютъ невѣрность этого слуха. Около умирающаго убійцы я наткнулся на металлическую оправу изящнаго портсигара, совершенно растрепаннаго, причемъ самая оправа совершенно изогнута. Кому принадлежалъ этотъ портсигаръ — конечно неизвѣстно, но какова была сила взрыва, вырвавшаго изъ-подъ сюртука и мѣховаго пальто или шубы такой маленькій предметъ! Отъ человѣка, которому принадлежалъ этотъ портсигаръ, вѣроятно и слѣдовъ не осталось.

Спустя нѣкоторое время къ мѣсту катастрофы подоспѣлъ комендантъ, ген.-м. Адельсонъ. Въ его сани мы помогли сѣсть князю Крапоткину, молодому офи-

церу, который, будучи контуженъ, совершенно оглохъ. Вслѣдъ за комендантомъ пріѣхалъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ. Растроганный до слезъ, онъ не могъ смотрѣть на злополучное мѣсто и прямо направился во дворецъ.

Только часъ спустя послѣ катастрофы, пришелъ взводъ Павловцевъ и оцѣпилъ мѣсто, ставшее съ этого дня историческимъ и священнымъ для памяти благодарнаго народа».

Разсказъ фельдшера Горохова.

Въ воскресенье, 1 марта, я былъ уволенъ со двора, и около двухъ часовъ, перейдя Театральный мостъ, шелъ по набережной Екатерининскаго канала, направляясь къ Невскому. Около Михайловскаго сада, я обогналъ человѣка невысокаго роста, примѣрно 2 арш. 6 вершк., съ свѣтлорусыми, вѣрнѣе бѣловатыми, длинными волосами, одѣтаго въ лѣтнее драповое пальто и въ высокой шапкѣ, какъ бы котиковой, на манеръ гречневика. У этого человѣка въ согнутой кверху рукѣ былъ маленькій бѣлый узелокъ. Когда я перегналъ его приблизительно шаговъ на пятнадцать, то увидалъ выѣзжающую изъ Инженерной улицы карету Государя Императора, окруженную казаками. Казаки ѣхали: два впереди, два по бокамъ кареты у заднихъ колесъ и два сзади ея. За каретой Государя ѣхало нѣсколько экипажей съ офицерами, изъ которыхъ одинъ на парѣ въ пристяжку ѣхалъ первымъ или вторымъ за каретой, хо-

рошенько не припомню, и въ полустоячемъ положеніи выглядывалъ изъ-за кучера, смотря впередъ къ каретѣ Государя. Карета ѣхала мнѣ на встрѣчу, почему я остановился и сталъ во фронтъ для отданія чести Его Величеству, и въ это время случайно увидѣлъ человѣка, котораго я обогналъ, такъ какъ онъ тоже остановился, не доходя до меня шаговъ шести; только я стоялъ ближе къ рѣшеткѣ, а онъ у самой панели. Во время проѣзда Императора мимо меня, я провожалъ карету глазами, стараясь смотрѣть въ самое окно кареты и видѣлъ, какъ Его Величество изволилъ сдѣлать мнѣ подъ козырекъ. Когда же карета проѣхала шаговъ на десять и со мною поровнялась пара въ пристяжку, я сталъ поворачивать на право, къ Невскому, т.-е. становиться спиною къ каретѣ, и въ это время услыхалъ выстрѣлъ какъ изъ пушки и почувствовалъ сильное движеніе воздуха. Я моментально повернулся и увидѣлъ, что изъ двухъ заднихъ казаковъ одного не было на лошади, а другой не то падалъ съ лошади, не то слѣзалъ съ нея и около нихъ расходился дымъ, а на меня бѣжалъ человѣкъ, котораго я обогналъ, только уже безъ узелка въ рукахъ, и за нимъ гнался городовой. Мнѣ показалось, что городовой усиленно шагнулъ впередъ и наступилъ бѣжавшему на пятку, отъ чего тотъ упалъ впередъ на руки, но тотчасъ же сталъ подыматься, поворачиваясь въ тоже время лицомъ къ сторонѣ городоваго, который въ этотъ моментъ протянулъ руки, чтобы схватить этого человѣка, а тотъ въ свою очередь сталъ отталкивать городоваго, дернувъ

его за шапку. Тутъ я наскочилъ на споткнувшагося и ухватилъ его сбоку повыше локтей, а городовой успҍлъ захватить его за обҍ руки выше кистей. Тогда я своею правою рукой перехватилъ за мускулъ правой руки злодҍя, а лҍвою рукой взялъ за шиворотъ, такъ что захватилъ все его платье и воротъ рубахи и сталъ его давить къ низу. Въ то время какъ я сталъ перехватывать руки, со стороны Невскаго подбҍжали двое солдатъ Преображенскаго полка, изъ которыхъ одинъ тотчасъ же схватилъ злодҍя за горло, а другой не знаю за какое мҍсто ухватился. Такимъ образомъ мы вчетверомъ нажали злодҍя такъ, что онъ не могъ подняться и сидҍлъ въ полусогнутомъ положенiи, обращенный лицомъ къ Театральному мосту. Въ это время я взглянулъ по направленiю кареты Государя и увидҍлъ, какъ Его Величество уже выходилъ изъ лҍвыхъ дверей кареты, а къ нему на встрҍчу бҍжали офицеры, повидимому, тҍ, которые ҍхали въ экипажахъ, такъ какъ таковые стояли пустыми у панели возлҍ сада. Государь изволилъ направиться къ намъ и, остановившись шага на два или на шагъ не дойдя до преступника, спросилъ:

— Это тотъ, который стрҍлялъ?

— Такъ точно, Ваше Императорское Величество, отвҍтили мы всҍ въ разъ.

— Посмотрите, нҍтъ ли у него чего.

На это мы отвҍтили, что у него изъ-за пазухи торчитъ револьверъ, и Государь приказалъ офицеру, который ҍхалъ стоя, отобрать револьверъ. Офицеръ

вытянулъ за рукоятку револьверъ, послѣ чего Государь поправилъ на себѣ за концы воротника шинель и, какъ мнѣ показалось, вмѣстѣ съ поправленіемъ шинели, Государь какъ бы погрозилъ преступнику указательнымъ пальцемъ правой руки, а затѣмъ, повернувшись къ нему спиной, пошелъ къ своей каретѣ. Мы вчетверомъ продолжали держать преступника въ томъ же положеніи, и я провожалъ глазами Государя Императора. Тутъ мнѣ какъ во снѣ, какъ бы въ туманѣ показалось, будто спѣшитъ сойти съ тротуара на мостовую на встрѣчу Государя какой-то молодой человѣкъ небольшаго роста и какъ будто я видѣлъ у него мѣховой воротникъ на пальто, затѣмъ, если не отъ молодаго человѣка, то во всякомъ случаѣ отъ рѣшетки канала что-то промелькнуло къ самой ступнѣ лѣвой ноги Государя,—все это произошло въ одно мгновеніе, послѣ котораго раздался оглушительный взрывъ. Какъ только раздался трескъ, Государь, окружавшіе Его офицеры, казаки, молодой человѣкъ, который мнѣ показался, и народъ по близости—всѣ сразу упали, точно что сразу всѣхъ подкосило. За выстрѣломъ на высотѣ выше человѣческаго роста образовался большой шаръ бѣловатаго дыма, который, кружась, сталъ расходиться и распластываться къ низу, такъ что у земли я его видѣлъ только послѣ этого, да и то въ маломъ количествѣ, почему было видно, что происходило предо мною. Я видѣлъ, какъ Государь упалъ напередъ, склоняясь на правый бокъ, а за Нимъ и правѣе Его, точно въ такомъ же положеніи, упалъ

офицеръ съ бѣлыми погонами. Этотъ офицеръ спѣшилъ встать, но еще чуть приподнявшись, потянулся чрезъ спину Государя и сталъ засматривать въ лицо Ему. У этого офицера былъ сильно порванъ задъ шинели, а шинель на Государѣ въ верхней части сползла на землю, а низъ ея казался какъ бы закинутымъ вверхъ къ воротнику и тутъ на снѣгу виднѣлась кровь. Когда офицеръ съ бѣлыми погонами старался заглянуть въ лицо Государя, то Государь Самъ какъ бы желалъ взглянуть назадъ и, поворачивая лицо, чуть-чуть приподнялъ отъ земли голову, но тотчасъ же склонилъ ее на снѣгъ, какъ мнѣ казалось, правою щекой.

Шумъ отъ взрыва былъ настолько силенъ, что съ минуту я ничего не слыхалъ, а затѣмъ сталъ различать звуки и услышалъ, что кто-то стонетъ и крикъ женскаго голоса.

Къ этому времени повскакали лежавшіе кругомъ офицеры и окружили Государя; тогда же подъѣхалъ со стороны Невскаго какой-то офицеръ, и всѣ стали поднимать Государя и понесли Его въ сани съ пристяжкой; затѣмъ я не видѣлъ какимъ образомъ посадили Государя и сѣлъ ли кто съ Нимъ, такъ какъ сани были окружены публикой, сбѣгавшеюся уже послѣ перваго взрыва, но только замѣтилъ, что сани поѣхали.

Когда лежавшіе офицеры вскочили и подбѣжали къ Государю, то въ это время пробѣжали мимо насъ туда же съ ружьями моряки 8-го флотскаго экипажа съ офицеромъ впереди, который бѣжалъ съ обнажен-

ною саблеи. Въ это время стали многіе кричать что-то и, между крикомъ, я разобралъ, какъ одни кричали, что стрѣляли изъ канавы черезъ рѣшетку, а другіе что изъ-за стѣны Михайловскаго сада и нѣкоторые кричали, чтобы ломали ворота сада. Часть моряковъ, отдавъ ружья товарищамъ, бросилась, расталкивая публику, къ Государю, а другіе стали прикладами разбивать ворота сада, но, кажется, ихъ не разбили, только перестали слышаться удары, когда нѣкоторые изъ публики, забравшись на стѣну сада, стали кричать, что тамъ нѣтъ никого и не видно никакихъ слѣдовъ по снѣгу.

Когда мы опомнились послѣ втораго взрыва, то одинъ изъ Преображенцевъ съ сердцемъ ударилъ по головѣ преступника, котораго мы держали, сказавъ въ это время въ родѣ такихъ словъ:

— Вотъ что вы, мерзавцы, дѣлаете!

На это преступникъ сказалъ, примѣрно, такія слова:

— Не бейте, пожалуста, ради Бога, не бейте! Что это дѣлается, послѣ узнаете: вы вѣдь люди темные.

Какъ только тронулись сани, отвозившія Государя, къ намъ подошелъ городовой и сказалъ, чтобы мы вели преступника въ участокъ, который находился тутъ же по близости, на канавѣ, но какой то офицеръ сказалъ, что слѣдуетъ его вести прямо къ градоначальнику. Мы поставили преступника на ноги и повели его къ Театральному мосту, при чемъ я держалъ его, какъ перехватилъ его вторично, а остальные трое больше держали ему руки.

Вели мы его по срединѣ улицы, такъ какъ у рѣшетки канала и у стѣны Михайловскаго сада было страшное смятеніе. Еще съ момента, когда Государя усаживали въ сани, публика въ разныхъ мѣстахъ стала на кого-то накидываться, кого-то бить и разъ кто кого ударитъ, то на него же накидывались другіе и били его; такимъ образомъ, пока мы шли къ мосту, видѣли кучи три-четыре народа, гдѣ падалъ одинъ битый, на него падали бившіе его, а тѣхъ въ свою очередь били вновь подбѣгавшіе.

Съ самаго начала нашего движенія кто-то ударилъ ведомаго преступника въ животъ, тутъ мы стали его охранять, но подбѣгавшіе изъ публики все-таки подскакивали сзади и ударяли его по спинѣ; преступникъ не могъ оглядываться, такъ какъ мы его крѣпко держали, и постоянно просилъ, чтобъ его не били.

Перейдя мостъ, мы кликнули стоявшаго неподалеку извозчика и посадили преступника, не отнимая отъ него своихъ рукъ, и сами также помѣстились съ нимъ въ саняхъ, я съ правой стороны преступника, Преображенецъ—съ лѣвой его стороны, а городовой съ другимъ Преображенцемъ помѣстились на саняхъ впереди спиной къ извозчику. Тотчасъ же къ санямъ подскочилъ съ окладистою бородой, повидимому, кучеръ, и ударилъ по спинѣ преступника, что повторилъ нѣсколько разъ на бѣгу, когда извозчикъ поѣхалъ. Тутъ мы стали кричать, чтобъ извозчикъ ѣхалъ какъ можно скорѣе, и бившій преступника кучеръ отсталъ отъ насъ.

Когда мы привезли преступника къ градоначальнику, то намъ указали, въ какую комнату ввести его. Сюда пришелъ чиновникъ въ вицъ-мундирѣ и, узнавъ гдѣ и какъ пойманъ преступникъ, приказалъ обыскать его. Мы вмѣстѣ съ чиновникомъ стали раздѣвать и обыскивать преступника. На немъ было надѣто драповое пальто, на шеѣ маленькая косынка, сѣрая съ синими клѣтками, кажется шелковая, затѣмъ черные суконные сюртукъ, жилетъ и брюки, на ногахъ ботинки, а изъ бѣлья, рубашка, по вороту, на концахъ рукавовъ и на груди была вышита малороссійскимъ рисункомъ. На тѣлѣ бѣлъ надѣтъ suspensorium.

При обыскѣ изъ одного кармана брюкъ вынули кошелекъ, въ которомъ была трехрублевая ассигнація и нѣсколько мелкихъ монетъ, а изъ другаго кармана вынули паспортъ, нѣсколько сложенныхъ бумагъ, писанныхъ чернилами и краснымъ карандашомъ, оборванную сигнатуру и завернутые въ маленькую бумажку нѣсколько кристалловъ темныхъ, съ синеватымъ отливомъ, повидимому, какъ мнѣ казалось, изъ железистыхъ препаратовъ, затѣмъ больше ничего при немъ не нашли.

Я вызвался прочесть сигнатуру, на которой на верхней строчкѣ было написано: Rp. Magist. bismuth, на нижней Aq. destillatae, а на средней забылъ что̀ именно, только что-то изъ цинковыхъ препаратовъ; на другой сторонѣ сигнатурки было написано крупными буквами и зачеркнуто: «впрыскиваніе».

Послѣ осмотра преступнику помогли одѣться и мы

же отвели его въ другую комнату, гдѣ остались караулить у окна и за дверями. Тутъ преступника стали спрашивать. онъ сначала было назвался не тѣмъ, кто онъ есть, Грязновымъ, а потомъ скоро сознался и сталъ разсказывать о своихъ родныхъ и своей жизни. Между прочимъ онъ сказалъ, что за недѣлю до этого дня онъ видѣлся съ товарищами, которые ему объяснили, что чрезъ недѣлю, въ воскресенье, онъ долженъ будетъ стрѣлять въ Государя. зналъ также, что для той же цѣли будутъ назначены еще другіе, но кто—того ему не было извѣстно. Около часу онъ прошелъ по набережной Екатерининскаго канала и по ожидающимъ городовымъ увидѣлъ, что еще рано, ходить же по набережной побоялся, а потому перешелъ Театральный мостъ и пошелъ вокругъ Круглаго рынка. Тутъ ему встрѣтилась молодая, лѣтъ 17, дѣвица, красивая и прилично одѣтая, которая его знала и которую онъ также знаетъ въ лицо, но фамиліи ея не знаетъ. Дѣвица эта передала ему узелокъ, сказавъ, что онъ долженъ будетъ бросить его, отъ чего послѣдуетъ сильный взрывъ, но не сказала, что находится въ узелкѣ, такъ что онъ не зналъ, стеклянный ли или какой другой сосудъ въ немъ и чѣмъ онъ наполненъ. Получивъ узелокъ, преступникъ подождалъ еще нѣкоторое время у Круглаго рынка и затѣмъ тихо пошелъ на набережную канала. На Театральномъ мосту стояли тѣже околодочные и городовые, почему преступникъ, не желая имъ показываться, поднялъ воротникъ пальто, а когда прошелъ мостъ, то снова опустилъ его и пошелъ тихо.

Разсказъ капитана Новикова.

На разводѣ были именно баталіонъ л-гвардіи резервнаго пѣхотнаго полка и лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Государь былъ доволенъ разводомъ и находился, повидимому, въ хорошемъ настроеніи. Г. Новиковъ съ двумя товарищами изъ манежа пошли по Невскому проспекту. Подойдя къ Казанскому мосту, они услышали сильный выстрѣлъ. Г. Новиковъ, не отдавая себѣ отчета о томъ, что дѣлается, бросился бѣжать по набережной Екатерининскаго канала къ тому мѣсту, откуда послышался выстрѣлъ. Ему оставалось шаговъ 30—35 до мѣста, гдѣ видиѣлась группа людей, какъ поднялся густой столбъ снѣга и обломковъ и раздался новый выстрѣлъ. Онъ еще быстрѣе побѣжалъ. Матросы 8-го флотскаго экипажа держали какого-то человѣка и что-то крикнули, но онъ не слыхалъ что. Снѣгъ былъ взрытъ и усѣянъ осколками и ранеными. Лежалъ убитый мальчикъ, раненый конвойный, еще кто-то и тутъ же на снѣгу Государь безъ шапки, безъ шинели, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи саперняго баталіона. Ноги были изломаны, одежда мѣстами изорвана. Кровь текла изъ ногъ и кровавыя пятна были на снѣгу. Г. Новиковъ заплакалъ и бросился къ Государю со словами: «Боже мой, что сдѣлали съ Вашимъ Величествомъ!» Государь лежалъ недвижимъ. Подошли матросы флотскаго экипажа и съ ихъ помощью г. Новиковъ поднялъ Государя, обхватилъ правой рукой по таліи, а лѣвой по груди. Матросы

поддерживали ноги, не выпуская изъ рукъ ружей, съ которыми они шли; такъ прошли нѣсколько шаговъ: Государь сказалъ раза два: «холодно, холодно», и старался поднять руку ко лбу, на которомъ была кровь. Г. Новиковъ, поддерживая Государя на одной рукѣ, сталъ другой доставать платокъ изъ кармана, чтобы обвязать имъ голову Государя. Въ это самое время подъѣхалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. «Саша, какъ ты себя чувствуешь?» сказалъ онъ, наклонясь къ лицу Государя. Что сказалъ Государь въ отвѣтъ—трудно было разслышать, но онъ что-то сказалъ. Ни одного стона не вырвалось у него изъ груди. Великій Князь велѣлъ матросамъ бросить ружья и, снявъ съ кого-то фуражку, надѣлъ ее на голову Государя. Его понесли дальше. Многіе падали на колѣни, крестились, кланялись до земли, плакали на взрыдъ. Положить негдѣ было страдальца. Лошади полковника Дворжицкаго въ испугѣ отъ выстрѣла бросились къ Театральному мосту и штабсъ капитанъ кадроваго баталіона Франкъ побѣжалъ за ними. Возлѣ стояли извощичьи сани, но на нихъ трудно было везти раненаго. Г. Новиковъ обратился къ Великому Князю съ просьбой разрѣшить внести Государя въ домъ, находившійся тотчасъ за мостомъ, чтобы сдѣлать перевязку. Государь, очевидно, не терялъ сознанія при страшныхъ страданіяхъ. Услышавъ эту фразу, онъ произнесъ внятно: «несите во дворецъ, тамъ умереть» и еще что-то, что трудно было разобрать. Эти слова были послѣднимъ усиліемъ страдальца. Онъ сомкнулъ уста, закрылъ гла-

за и не произнесъ ни слова. Подъѣхали лошади г. Дворжицкаго Государя посадили въ сани: съ обѣихъ сторонъ Его поддерживали Онъ сидѣлъ облокотовшись, закидывая или опуская голову. Сначала ѣхали шагомъ, но силы Государя оставляли Его. Приказано было ѣхать быстро и сани понеслись по набережной Мойки чрезъ Конюшенный мостъ въ Мошковъ переулокъ по Большой Милліонной. Народъ бѣжалъ вслѣдъ, крича и суетясь, останавливаясь, разспрашивая, недоумѣвая, плача и творя крестное знаменіе. Государь былъ внесенъ во дворецъ.

Разсказъ полковника Дворжицкаго.

Вчера, въ 12 часовъ дня, мы посѣтили раненаго полковника Дворжицкаго, полицеймейстера 2-го отдѣленія города С.-Петербурга. Онъ имѣетъ до пятидесяти ранъ, изъ нихъ наиболѣе сильныя: рана на правой рукѣ, рана на правой ногѣ въ икрѣ, рана за лѣвымъ ухомъ и рана въ затылкѣ.

Г. Дворжицкій былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ возмущающаго душу преступленія.

Вотъ какъ онъ передаетъ моменты смертельнаго раненія въ Бозѣ почившаго Государя Императора:

Проѣзжая мимо забора Михайловскаго сада, по Екатерининскому каналу, и не доѣзжая до Театральнаго моста, я вдругъ услышалъ оглушительный ударъ и увидѣлъ бѣлый дымъ, на нѣсколько мгновеній застлавшій всю мѣстность. Слышны были дребезжаніе

и паденіе массы стеколъ. Лошади кареты Государя и мои остановились. Я выскочилъ изъ саней и видя, что карета Государя повреждена, а Его Величество отворяетъ дверцы, я бросился отворять ихъ. Государь вышелъ и перекрестился. Первымъ вопросомъ Его Величества было:

— Схваченъ ли преступникъ?

Я оглядѣлся и, видя, что въ толпѣ уже держатъ какого-то человѣка, отвѣчалъ:

— Схваченъ, Ваше Величество! и при этомъ сказалъ: Государь, благоволите сѣсть въ мои сани и ѣхать немедленно во дворецъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Его Величество, но прежде покажите Мнѣ преступника.

И Государь направился къ молодому человѣку, котораго держали за руки, и спросилъ его фамилію.

Я не разслышалъ фамиліи преступника и только торопилъ Государя ѣхать. Его Величество вновь отвѣчалъ.

— Хорошо, но прежде покажите мнѣ мѣсто взрыва.

Его Величество подошелъ къ образовавшейся ямѣ. На Его лицѣ была улыбка. Онъ, видимо, былъ весь подъ вліяніемъ благодарности къ Божественному Промыслу, какъ въ этотъ моментъ произошло нѣчто необычайное. Раздался новый ударъ сильнѣе перваго. Я, пораженный въ спину, упалъ прямо на руки, но въ моментъ паденія услыхалъ стонущій голосъ, говорившій:

— Помогите.

Вскочивъ на ноги, я увидѣлъ Государя, лежащаго на землѣ, но лежащаго въ полусидячемъ положенiи. Онъ опирался рукою, тяжело дышалъ и видимо старался приподняться. Собравъ всѣ силы, я сталъ подымать Государя, и глазамъ моимъ представилась ужасающая, леденящая душу картина.

Ноги Его Величества ниже колѣнъ были раздроблены. Не было ни брюкъ, ни сапогъ, ни кальсонъ, а видѣлась окровавленная масса, состоящая изъ мяса, кожи и костей. Кровь лилась страшно.

Я крикнулъ на помощь. Бросились многiе изъ толпы, но большинство ихъ были ранены. Въ это мгновенiе подъѣхалъ Его Высочество Государь Великiй Князь Михаилъ Николаевичъ и Его Величество былъ положенъ въ мои сани и перевезенъ въ Зимнiй дворецъ. Когда Его Величество былъ внесенъ во дворецъ, то изъ саней была кровь вылита. Такая масса вышла ея изъ ранъ Государя Императора.

Затѣмъ, когда Государь былъ увезенъ, мнѣ сдѣлалось дурно.

Разсказъ подпоручика Рудаковскаго.

«Возвращаясь съ развода и подходя къ Театральному мосту, я услыхалъ сильный взрывъ и, догадываясь, въ чемъ дѣло, бросился бѣжать къ мѣсту происшествiя. Перебѣжавъ Театральный мостикъ, я увидѣлъ остановившуюся карету Государя, около деревянныхъ воротъ каменнаго забора сада Михайловскаго дворца. Наискосокъ воротъ, у рѣшетки ка-

нала образовалась кучка людей, задержавшая преступника. Запыхавшись отъ бѣга, я и кто-то изъ преображенскихъ офицеровъ, шагахъ въ десяти отъ кучки, подбѣжали къ Государю и, не узнавъ сзади Его Величество, обратились съ вопросомъ: «Что съ Государемъ?» Его Величество оглянулся и, продолжая идти, перекрестясь, сказалъ: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»... Около кареты лежалъ раненый казакъ, невдалекѣ кричалъ раненый мальчикъ. Услыхавъ слова Его Величества, преступникъ замѣтилъ «Еще слава-ли Богу?» Его держали два матроса 8-го флотскаго экипажа, одинъ преображенскій солдатъ, лейбъ-гвардіи резервнаго баталіона штабсъ-капитанъ Франкъ и еще нѣсколько человѣкъ. «Кто такой»?— спросилъ Государь.—Кто-то отвѣталъ, что мѣщанинъ, на сколько мнѣ помнится, Грязновъ. Онъ невысокаго роста, лѣтъ 16-ти или 17-ти, съ длинными русыми волосами и довольно глуповатымъ и грубымъ лицомъ. Только-что вырванный изъ его рукъ револьверъ дымился. «Есть и еще», сказалъ онъ. Его обыскали и нашли въ карманахъ кинжалъ. Собравшійся на противоположной сторонѣ канала народъ кричалъ: «Изъ-за забора стрѣляли». Я подбѣжалъ къ подходившему караулу 8-го флотскаго экипажа, приказалъ разбить ворота прикладами и осмотрѣть садъ, что и было исполнено, а самъ повернулъ обратно къ Государю, отошедшему въ это время вдоль рѣшетки канала шаговъ на 20, въ сопровожденіи полковника Дворжицкаго. Я былъ за нимъ шагахъ въ 10-ти—12-ти. Раздался страшный

трескъ. Масса дыма, снѣга и клочьевъ платья закрыла все на нѣсколько секундъ. Крикъ ужаса раздался съ противоположной стороны канала. Государь упалъ. Одновременно со мной, подбѣжалъ штабсъ-капитанъ Новиковъ, подбѣжали моряки, остальныхъ не разглядѣлъ. Когда мы приподняли Государя, оказалось: ноги совсѣмъ голыя, мясо виситъ клочьями, ступня одной ноги совсѣмъ оторвана. Въ это время подбѣжалъ Его Высочество Михаилъ Николаевичъ. «Холодно, холодно», очень слабымъ голосомъ проговорилъ Государь. Штабсъ-капитанъ Новиковъ обратился къ Его Высочеству съ предложенiемъ внести Государя въ ближайшiй домъ для оказанiя первой помощи».

Государь услыхалъ и уже совсѣмъ слабымъ голосомъ проговорилъ: «Во дворецъ, тамъ хочу умереть». Помѣстить Его Величество въ карету было невозможно; мы стали звать сани полицiймейстера, но онѣ оказались у Театральнаго моста. Штабсъ-капитанъ Франкъ побѣжалъ за ними и привелъ. Государя помѣстили въ нихъ, укутали шинелью кого-то изъ гг. офицеровъ и повезли. Между первымъ покушенiемъ и вторымъ прошло около трехъ минутъ. Чѣмъ были произведены взрывы, опредѣлить трудно, а также и то обстоятельство, откуда и какъ былъ сдѣланъ второй взрывъ, потому что быстро образовавшаяся масса дыма все закрыла».

Разсказъ мальчика Ѳ. Дьяконова.

Мальчикъ Дьяконовъ, здоровье котораго находится въ удовлетворительномъ состоянiи, разсказываетъ слѣдующее:

Мы несли съ Базаринымъ (другой раненый) кушетку съ Петербургской стороны отъ Овчинникова къ хозяину нашему Хазову. Идя по панели у канавы, намъ повстрѣчался человѣкъ въ темномъ пальто, который прохаживался взадъ и впередъ. Только что мы прошли его, какъ завидѣли казаковъ и карету... «Царь ѣдетъ!» сказали мы, остановились и сняли шапки. Проѣхала карета, мы накрылись, и только собирались идти, какъ вдругъ за нами будто изъ пушки выпалило. Мы даже кушетку уронили съ испуга. Видимъ, бѣжитъ человѣкъ тотъ самый по панели. Мы бросились на него, и тутъ подскочили и другiе. Всѣ держали. Офицеръ вынулъ у него изъ-за платья пистолетъ и кинжалъ. Подошелъ Царь и сталъ съ нимъ говорить. Вдругъ опять рвануло какъ изъ пушки, и тутъ я и другiе были ранены.

VI.

Выносъ въ Петропавловскій соборъ.

7-го марта, въ одиннадцать съ половиною часовъ утра, совершилось въ величайшемъ порядкѣ, перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Большаго придворнаго собора Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ. Все населеніе столицы, множество народа изъ окрестностей, а также прибывшіе съ дальнихъ концовъ Россіи, провожали гробъ Великаго Монарха. Съ разсвѣтомъ началось сильное движеніе на всѣхъ улицахъ. Народъ валилъ со всѣхъ сторонъ сплошными массами и занялъ громадное пространство на всемъ длинномъ семиверстномъ пути печальнаго шествія. Всѣ городскіе дома облеклись въ глубокій трауръ; особенно зданіе Думы, гостинаго двора и помѣщенія иностранныхъ посольствъ, выкинувшихъ траурные флаги. Ровно въ $9\frac{1}{2}$ час. утра, тремя пушечными выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости данъ былъ первый сигналъ для лицъ, участвующихъ въ печальной церемоніи; войска гвардіи и Петербургскаго военнаго округа расположились шпалерами отъ Зимняго Дворца до Петропавловской крѣпости, на пути всего слѣдованія

печальнаго кортежа, кромѣ тѣхъ частей войскъ, которыя участвовали въ процессіи. Войска расположились такъ: на Дворцовой площади гвардейская конно-артиллерійская бригада; на разводной площадкѣ предъ Зимнимъ Дворцомъ вторая гвардейская артиллерійская бригада; отъ Дворцоваго моста вдоль Новой набережной по батальону Новочеркасскаго и Учебнаго пѣхотныхъ полковъ; на Сенатской площади гвардейскій экипажъ и саперный баталіонъ; на Англійской набережной гвардейскіе стрѣлки и Финляндцы; по набережной Васильевскаго острова гвардейская кавалерія, въ томъ числѣ три эскадрона Кавалергардскаго полка; передъ дамбою Тучкова моста флотскій экипажъ и юнкерское училище; затѣмъ дальнѣйшій путь до крѣпости занимала гвардейская пѣхота,— при чемъ два батальона Преображенскаго полка стояли у входа крѣпости два около Петропавловскаго собора. Всѣми войсками командовалъ генералъ-адъютантъ Костанда. Войска были одѣты въ парадной формѣ, въ мундирахъ, при караульной аммуниціи, въ глубокомъ траурѣ. Въ началѣ одиннадцатаго часа утра, вдоль пути шествія между Зимнимъ Дворцомъ и Николаевскимъ мостомъ началось усиленное движеніе. Лица, участвовавшія въ процессіи, спѣшили занять свои мѣста. Окна и балконы домовъ по пути были заняты множествомъ людей. Начинавшееся суетливое движеніе было, какъ бы, предвѣстникомъ скораго установленія порядка всего церемоніала. Дѣйствительно, когда, въ одиннадцать часовъ утра, раздался второй сигналъ, всѣ были на своихъ мѣстахъ. Въ

это время въ большомъ соборѣ Зимняго Дворца, вокругъ гроба Императора, собрались Ихъ Величества и всѣ члены Царской Семьи. По отслуженіи краткой литіи митрополитомъ Исидоромъ, въ сослуженіи митрополитовъ Московскаго Макарія, Кіевскаго Филоѳея и четырехъ епископовъ, сперва вынесены изъ церкви ордена и регаліи, затѣмъ, въ предшествіи пѣвчихъ и духовенства, гробъ понесли члены Царской Семьи. Изголовье гроба несъ Государь Императоръ. Гробъ былъ вынесенъ на Іорданскій подъѣздъ и поставленъ на траурную колесницу, запряженную восемью лошадьми въ траурныхъ попонахъ съ Императорскими гербами. Колесница имѣла видъ балдахина изъ золотой парчи, вокругъ карниза балдахина рядъ букетовъ изъ страусовыхъ перьевъ: на вершинѣ балдахина Императорская корона. Раздался третій сигналъ; ударъ большаго колокола въ Исакіевскомъ соборѣ, затѣмъ во всѣхъ церквахъ погребальный перезвонъ. Это было въ $11^{1}/_{4}$ часовъ. Чтобы судить о протяженіи печальнаго кортежа, достаточно сказать, что, когда траурная колесница двинулась отъ Іорданскаго подъѣзда дворца, голова процессіи, именно собственный Его Величества конвой, находилась уже въ первой линіи Васильевскаго острова. Въ процессіи приняли участіе представители учрежденій, созданныхъ только-что минувшимъ царствованіемъ: представители городскихъ общественныхъ управленій, земскихъ учрежденій, судебныхъ установленій и крестьянскаго самоуправленія. Изъ представителей иногородныхъ, выдѣлялись представители пер-

первопрестольной столицы: Московскій губернскій предводитель дворянства графъ Бобринскій и московскій городской голова Третьяковъ. Видное мѣсто въ процессіи занимало учащееся юношество. Тутъ были студенты Петербургскаго университета, медико-хирургической академіи, института инженеровъ путей сообщенія, гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ учебныхъ заведеній. Пятьдесятъ семь иностранныхъ орденовъ и пятнадцать русскихъ знаковъ отличія и орденовъ несли особы первыхъ трехъ классовъ. Императорское знамя несъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, щитъ—генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ. Императорскій мечъ, на трехъ подушкахъ, графъ Шуваловъ, бывшій посолъ, при двухъ ассистентахъ. Короны несли: Грузинскую—генералъ-адъютантъ Семека, Таврическую—генералъ-адъютантъ Бистромъ, Сибирскую — генералъ - адъютантъ Глинка - Мавринъ, Польскую — генералъ - адъютантъ Непокойчицкій, Астраханскую—графъ Валуевъ, Казанскую—дѣйствительный тайный совѣтникъ Титовъ; государственную державу — генералъ - адъютантъ Новосельскій; скипетръ — графъ Гейденъ; корону Императорскую — князь Суворовъ. За регаліями шествовало, послѣ пѣвчихъ, духовенство въ траурныхъ ризахъ. Во время шествія, войска, стоявшія шпалерами, отдавали честь, музыка играла на молитву и «Коль славенъ». Непосредственно за гробомъ шелъ Государь Императоръ безъ пальто, въ одномъ мундирѣ, въ общей генеральской формѣ, съ Андреевскою лентой черезъ плечо. За Государемъ слѣдовали, также пѣшкомъ и

безъ шинелей, члены Императорской Семьи, нѣсколько правѣе—министръ Двора и свита Государя, Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ слѣдовали въ траурной каретѣ. Въ слѣдующихъ каретахъ ѣхали: герцогиня Эдинбургская и Великія Княгини. До прибытія процессіи въ Петропавловскому собору, въ немъ собрались чины дипломатическаго корпуса, придворныя дамы, генералы не участвовавшіе въ процессіи, высшіе гражданскіе чины, дворянство и купечество. Соборъ преобразился. Среди собора, между четырьмя колоннами, воздвигнутъ балдахинъ; почти непосредственно подъ потолкомъ храма установлена золотая Императорская корона, составляющая вершину овальнаго полукруга, который представляетъ державу; отъ нея идетъ какъ бы мантія, въ видѣ драпри, спущенная внизъ; длинными концами мантіи обвиты четыре колонны; такимъ образомъ сооруженіе имѣетъ видъ шатра. На куполѣ балдахина, въ нижнемъ его основаніи, установленъ рядъ Императорскихъ гербовъ и сноповъ изъ бѣлыхъ страусовыхъ перьевъ. Катафалкъ установленъ на крестообразномъ возвышеніи о семи ступеняхъ. Драпри балдахина изъ бѣлой серебряной парчи; внутри балдахинъ обитъ горностаемъ съ виднѣющимися въ разныхъ мѣстахъ Императорскими гербами въ трaурѣ; траурныя завѣси и обтянутыя черною матеріей колонны дополняютъ траурное убранство храма. По прибытіи процессіи въ Соборъ, ордена помѣщены были на табуретахъ, поставленныхъ впереди балдахина, регаліи установлены по обѣимъ сторонамъ на ката-

фалкѣ. Только въ два часа 20 минутъ пополудни, гробъ прибылъ къ собору, былъ внесенъ въ соборъ членами Царской Семьи и поставленъ на катафалкѣ. Государь и вся Царская Семья стали на возвышеніи подлѣ гроба. Во тотъ моментъ, когда гробъ вносился во храмъ, всѣ присутствовавшіе преклонили колѣна; тоже самое произошло при совершеніи панихиды, когда пѣлось «Со Святыми упокой» и «Вѣчная память». По окончаніи панихиды, Государь, члены Царской Семьи и Августѣйшіе родственники благоговѣйно преклонились предъ гробомъ, затѣмъ оставили соборъ. Могила Государя, согласно Его желанію, выраженному задолго до катастрофы, находится рядомъ съ гробницей Императрицы Маріи Александровны и Цесаревича Николая. О томъ, что останки Государя внесены подъ сѣнь Петропавловскаго собора, столица въ два часа двадцать минутъ дня узнала по раздавшимся съ крѣпости пушечнымъ выстрѣламъ. До самаго окончанія печальной церемоніи всѣ магазины были закрыты, на фабрикахъ не работали весь день.

V.

Погребеніе Императора.

15 марта, въ $10^1/_4$ часовъ утра, три пушечныхъ выстрѣла, раздавшіеся со стѣнъ Петропавловской крѣпости, возвѣстили столицѣ начало печальнаго торжества погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра II-го. Еще задолго до этого времени войска, назначенныя для отданія послѣдней почести своему усопшему Вождю, заняли мѣста по флангамъ крѣпости и въ Александровскомъ паркѣ. Почетный караулъ у входа въ соборъ заняла рота Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Всѣми войсками командовалъ помощникъ Его Высочества, командующаго с.-петербургскимъ военнымъ округомъ, генералъ Костанда. Около 10-ти часовъ, стали съѣзжаться въ соборъ лица, имѣвшія право присутствовать при церемоніи, на основаніи Высочайше утвержденнаго церемоніала, а равно и всѣ депутаціи, которыя въ послѣдніе дни успѣли прибыть изъ разныхъ концевъ Россіи для того, чтобы поклониться въ послѣдній разъ праху обожаемаго Монарха. Оберъ-церемоніймейстеръ и нѣсколько церемоніймейстеровъ указывали входившимъ

въ соборъ назначенныя для нихъ мѣста. Почти ровно въ 11 часовъ прибылъ въ соборъ Государь Императоръ съ своей Августѣйшей Супругою и, поздоровавшись съ почетнымъ карауломъ, вступилъ во храмъ, у дверей котораго былъ встрѣченъ митрополитомъ Исидоромъ съ крестомъ и святой водой. Государь Императоръ былъ въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ и лентѣ ордена св. Андрея Первозваннаго. На Государынѣ Императрицѣ были орденскіе знаки св. Екатерины большаго креста и знакъ Краснаго креста 1-й степени. Вслѣдъ за Императорской четой прибыли всѣ члены Царственной Семьи и иностранные гости. Послѣднее дежурство у гроба занимали кромѣ русскихъ придворныхъ и военныхъ чиновъ, и чины прусской и австрійской военныхъ депутацій отъ полковъ, которыхъ усопшій Государь былъ Шефомъ. Гробъ Царственнаго Мученика былъ буквально засыпанъ цвѣтами, вѣнками, коронами и другими приношеніями, которыми, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались почтить память оплакиваемаго Царя разныя общества и лица. Глазетъ порфиры, замѣняющей покровъ, и бархатъ катафалка совершенно скрывались подъ массами цвѣтовъ и зелени. Государь Императоръ и Государыня Императрица заняли мѣста у изголовья гроба; слѣва, по сторонамъ ихъ, помѣстились наслѣдный принцъ Германскій и наслѣдникъ Великобританскаго престола съ супругою. Какъ только Государь изволилъ занять свое мѣсто, началась литургія. Кто не видалъ ни разу торжественнаго архіерейскаго служенія при участіи полнаго хора

придворной капеллы, тотъ не можетъ составить себѣ понятія о торжественности и благолѣпія этого служенія. Когда, послѣ входа съ евангеліемъ, въ алтарѣ запѣли «со святыми упокой», всѣ преклонили колѣна. Присутствовавшіе иностранцы были поражены торжественностью обстановки и стройностью пѣнія. Особенное впечатлѣніе было вызвано исполненіемъ «Херувимской» Бортнянскаго, такъ называемой «Царской» и задостойника: «о Тебѣ радуется». По окончаніи литургіи начался обрядъ погребенія. На отпѣваніе вышли изъ алтаря митрополиты: Исидоръ с.-петербургскій, Макарій московскій и Филофей кіевскій, духовникъ Государя протопресвитеръ В. Б. Бажановъ и множество придворнаго и городскаго духовенства. Митрополитъ подалъ зажженныя свѣчи Государю и членамъ Царской фамиліи, остальнымъ лицамъ свѣчи были розданы другими священнослужителями. Отпѣваніе совершалось по чину священническому, т. е. совершенно иначе и гораздо продолжительнѣе, чѣмъ совершается отпѣваніе мірянъ. Вмѣсто обычнаго погребальнаго канона, былъ исполненъ торжественный канонъ Великой Субботы: «Волною морскою». Евангеліе читали поочереди митрополиты, викарные архіереи и духовникъ Государя; онъ же прочелъ и разрѣшительную молитву. Когда клиръ запѣлъ «со святыми упокой», то всѣ склонили колѣна и среди храма раздались рыданія. Настала минута послѣдняго цѣлованія. При звукахъ церковной пѣсни: «зряще мя безгласна», подошелъ ко гробу Своего почившаго Родителя Царственный Сынъ

и склонился къ подножію катафалка. Слезы текли по лицу Монарха и горяча была Его мольба въ минуту вѣчнаго разставанія. Тяжело описывать эту раздирающую душу сцену—каково было пережить ее членамъ осиротѣлой Царской семьи? Обычной чередой совершился обрядъ прощанія, къ которому были допущены и ближайшіе служители усопшаго Императора. Затѣмъ, послѣ обычной литіи провозглашена была «вѣчная память». Тогда Государь уложилъ въ гробъ порфиру, покрывавшую царственные останки. Генералъ-адьютанты принесли и возложили на гробъ крышу, лежавшую до тѣхъ поръ на особомъ столѣ. Въ этотъ моментъ отъ глазъ присутствующихъ скрылись на вѣки черты Царя Освободителя и Царя-Мученика. Гробъ былъ поднятъ съ катафалка и отнесенъ къ могилѣ расположенной въ сѣверной части храма, сзади могилы Императора Николая I-го и рядомъ съ недавней могилой Императрицы Маріи Александровны, Государемъ Императоромъ и всѣми членами Царской семьи и иностранными принцами. Духовенство перешло также къ могилѣ. Послѣ краткой молитвы, еще разъ была провозглашена «вѣчная память» и гробъ сталъ медленно опускаться въ склепъ. Въ эту минуту по сигналу, данному ракетой, пущенной изъ крѣпости, почетный караулъ отдалъ воинскую почесть, согласно уставу, и всѣ находившіяся въ строю войска и орудія сдѣлали по шести залповъ, а крѣпостныя орудія 100 выстрѣловъ. Такъ отдали послѣднюю почесть своему Верховному Вождю войска, которыхъ Онъ всю жизнь былъ Отцемъ-Ко-

мандиромъ. Первая горсть могильной земли была брошена на гробъ митрополитомъ, который затѣмъ передалъ лопаточку Государю. Совершивъ этотъ обрядъ, Монархъ еще разъ земно поклонился дорогому праху и направился къ выходу. Долго еще не пустѣлъ храмъ. Караулъ и послѣднее дежурство остались до окончательной задѣлки могилы. Въ тотъ же вечеръ безчисленное множество вѣнковъ и цвѣтовъ украсило саркофагъ Царя-Мученика, котораго еще двѣ недѣли назадъ видѣли бодраго и здороваго, совершавшаго свое служеніе родинѣ. И нѣтъ его! И только,

На островѣ тихомъ, за крѣпкой оградой,
Омытой волнами Невы,
Во градѣ Петровомъ, давно уже ставшемъ
Столицею послѣ Москвы,
Подъ сѣнью соборнаго свода, въ могилѣ,
Среди тишины гробовой,
Покоится Царь, Императоръ Россіи,
Сраженный злодѣйской рукой.
Сожженъ, искалѣченъ ужаснымъ снарядомъ,
Лежитъ его царственный прахъ,
Съ улыбкою горькой нѣмаго укора
На плотно сомкнутыхъ устахъ.
Страдалецъ! Свѣтло началось твое царство,
Какъ яснаго солнца восходъ,
Исчезло душѣ ненавистное рабство,
Свободенъ сталъ русскій народъ.
Проснулись вѣками стоявшія воды
Отъ новой могучей волны,
И свѣтлые, полные радости, годы
Настали для нашей страны.

Открылись глубоко сомкнутыя вѣжды,
Забилась иссохшая грудь,
И образъ прекрасной и свѣтлой надежды
Сіялъ, озаряя намъ путь.
Но вмѣстѣ съ свободой, широкимъ потокомъ
Проникъ и тлетворнѣйшій ядъ,
Которымъ давно ужь, какъ страшнымъ порокомъ,
Весь западъ Европы объятъ.
Съ побѣдой ума и добытаго знанья,
Съ той силой, что въ немъ создалась,
Съ обрывками жалкими міра познанья.
Лишь гордость въ людяхъ развилась.
Возмнила, что умъ, этотъ жалкій калѣка,
Одинъ лишь дорогу найдетъ
Къ тому, чтобъ сравнить съ божествомъ человѣка,
И къ счастью его поведетъ.
Но въ дебряхъ ума человѣкъ заблудился,
И счастья себѣ не обрѣлъ,
И въ тьмѣ непроглядной онъ въ мигъ очутился,
И въ ней, какъ слѣпой, онъ побрелъ.
Безъ вѣры, безъ грезъ, переполненъ сомнѣній,
Подъ бременемъ хищныхъ заботъ,
Подъ игомъ коварныхъ и злыхъ вожделѣній,
Какъ звѣрь другъ на друга идетъ.
Отринулъ онъ все, что добыто вѣками
Путями страданій и слезъ,
Что Сынъ Человѣческій, Божій посланникъ,
На землю съ Собою принесъ;
Завѣты Христа, кто будилъ нашу совѣсть,
Кто сердце во храмъ обратилъ,
Кто царство звѣрей — въ царство свѣтлое братьевъ
И въ царство любви превратилъ.
Надъ этой святыней, надъ этимъ-то храмомъ,
Безумцы глумятся гуртомъ,
Считая ихъ старымъ, изношеннымъ хламомъ

И даже постыднымъ ярмомъ.
Отвергли—исчезла мечта идеала,
Незримая нить порвалась,
Божественной искры въ душѣ ужь не стало—
И жажда убійствъ развилась.
Проснулись дремавшія хищныя страсти.
Проснулся таившійся звѣрь,
И вновь очутилися люди во власти
Животныхъ инстинктовъ теперь.
И дѣломъ убійства съ любовью занялись.
И въ догматъ его возвели,
И въ хищной работѣ съ звѣрями сравнялись.
И даже звѣрей превзошли.
Не даромъ двуногіе звѣри считались
Людьми; ихъ услужливый умъ,
Гдѣ только они въ оправданьи нуждались.
Являлся слугою ихъ думъ.
Легко доказалъ онъ, развивъ въ нихъ витійство,
Все благо ихъ звѣрскихъ потѣхъ,
Поставивъ какъ средство—насилье, убійство.
А цѣлью—блаженство для всѣхъ.
И вотъ разрушенья достигнуть желая,
И жаждой убійства горя,
Злодѣи, исчадья родимаго края,
Намѣтили жертвой—Царя.
Шесть разъ разрушались ихъ адскія ковы.
Часъ смерти твоей не пробилъ,
Должно быть, Господь, въ своей благости вѣчной,
Въ нихъ совѣсти голосъ будилъ.
Но противъ умовъ и страстей кровожадныхъ,
Умовъ, устремленныхъ къ тому,
Чтобъ всѣмъ, что возможно, достичь своей цѣли,
Нельзя устоять никому.
И хищные звѣри достигли успѣха,
Ликуютъ—убитъ! удалось!

И эхо ихъ адска злораднаго смѣха
Во многихъ странахъ отдалось.
Ликуютъ, съ побѣдой себя поздравляютъ,
Удался бездушный разсчетъ,
Въ восторгѣ другъ друга при всѣхъ обнимаютъ,
Свели, молъ, окончили счетъ.
Спокойна ихъ совѣсть, не дрогнуло сердце,
Оно вѣдь лишь мускулъ; ему
Въ понятьяхъ развитаго звѣрь-человѣка
Мѣшать не годится уму.
Вѣдь въ людяхъ, гдѣ совѣсть — одна прибаутка,
Гдѣ Богъ — лишь безсмысленный звукъ,
Гдѣ къ ближнимъ любовь — сладострастная шутка —
Не можетъ быть нравственныхъ мукъ...
Ты могъ бы спастись и теперь; но замѣтивъ,
Что вѣрные слуги твои
И мальчикъ — прохожій, отъ адскаго взрыва,
Метались и бились въ крови,
Ты смѣло пошелъ къ нимъ, не вѣдая страха,
Желая ихъ муки смягчить,
Желая привѣтомъ и словомъ участья
Страданія ихъ облегчить.
И въ это мгновенье, когда пострадавшимъ
Ты несъ утѣшенье любви,
Злодѣй совершилъ свое гнусное дѣло —
И самъ захлебнулся въ крови.
И тихо страдалецъ, склонился ты долу,
И скорбно поникъ головой,
И кроткій твой взоръ угасалъ понемногу,
И жизнь разставалась съ тобой.
Твой предсмертный стонъ «помогите!» раздался,
Какъ вѣщій, пророческій кликъ,
И молотомъ въ сердцѣ людей отозвался,
И въ душу глубоко проникъ.
Покойся, страдалецъ! У царской могилы

Всегда облегченье найдетъ,
Кто съ жаждой обрѣсть для страданія силы.
Къ тебѣ поклониться придетъ.
Ты жертва больнаго, бездушнаго вѣка,
Ты палъ искупленьемъ за всѣхъ,
Ты жертва за грѣхъ мировой человѣка —
Любви оскудѣнія грѣхъ.
Твой жребій ужасенъ; но святъ и завиденъ
Твой, мученикъ, въ небѣ удѣлъ;
Должно быть, Господь Твоей страшною смертью
Свой гнѣвъ намъ явить захотѣлъ.
На судъ справедливый, безстрашный и правый,
На судъ предъ потомства лицомъ,
Предстанетъ твой царственный ликъ величавый,
Съ твоею безсмертной и чистою славой,
Увѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ.

VIII.

Царствованіе Императора Александра II

Воспитаніе Наслѣдника Цесаревича было главною заботою Императора Николая, и нужно отдать ему справедливость, онъ очень строго отнесся къ выбору воспитателя своему Сыну, и выборъ былъ необыкновенно удаченъ.

Тому, который провидѣлъ блестящую будущность новорожденнаго Великаго Князя въ 1818 году, тому выпалъ счастливый жребій руководить первыми его шагами въ жизни, положить основаніе тѣмъ человѣчнымъ достоинствамъ, которыми отличался во всю свою жизнь усопшій Императоръ.

Поэтъ-наставникъ въ основѣ плана ученія будущаго Государя положилъ тѣже идеи, которыя высказалъ привѣтствуя рожденіе Наслѣдника, пророча блистательный жребій Ему. Онъ высказалъ это въ обращеніи къ матери новорожденнаго великаго князя. Поэтъ провидѣлъ, что ею самою воспитанный, ея заботами взлелѣянный, сынъ явится на утѣшеніе русскому народу:

Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.

Вступая въ роль наставника, Жуковскій, согласно Высочайшей волѣ, въ планѣ ученія Наслѣдника предположилъ и привелъ въ исполненіе святую истину, что «цѣль воспитанія вообще и ученія въ особенности есть образованіе для добродѣтели.

Что «воспитаніе образуетъ человѣка для добродѣтели:

«1) Пробужденіемъ, развитіемъ и сбереженіемъ добрыхъ качествъ, данныхъ природою, дѣйствуя на умъ и сердце, заставляя ихъ дѣйствовать,

2) Образованіемъ изъ сихъ качествъ характера нравственнаго, обращая добро въ привычки правилами разума, воспламененіемъ сердца и силою религіи.

«3) Предохраненіемъ отъ зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность къ добру, и содержа душу, сколько возможно, къ спасительной неприкосновенности къ злу.

«4) Искорененіемъ злыхъ побужденій и наклонностей, препятствуя имъ обратиться въ привычку и побѣждая вредныя привычки привычками добрыми.

«Ученіе образуетъ для добродѣтели, знакомя питомца: 1) съ тѣмъ, что окружаетъ его; 2) съ тѣмъ, что онъ есть; 3) съ тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ, какъ существо нравственное; 4) съ тѣмъ, для чего онъ предназначенъ, какъ существо безсмертное.

«Въ постепенномъ разрѣшеніи сихъ четырехъ вопросовъ заключается весь планъ ученія.

«Воспитаніе начинается съ колыбели, ученіе съ отрочества, то и другое продолжается до начала мо-

лодыхъ лѣтъ. Тогда судьба принимаетъ питомца изъ рукъ воспитателя и наставника и продолжаетъ его земное до гроба: долгъ воспитателя и наставника состоитъ единственно въ томъ, чтобы сдѣлать питомца своего способнымъ внимать постановленіямъ судьбы и воспользоваться ими съ достоинствомъ человѣка».

«Кто умѣлъ имъ послѣдовать—говоритъ составитель плана ученія для преемника Николая I—тотъ совершилъ земное свое назначеніе и зналъ добродѣтель».

Внѣдрить это сознаніе въ царственнаго воспитанника Жуковскій успѣлъ тщательнымъ выполненіемъ своей обязанности, возложенной на него довѣріемъ монарха, всюду руководясь любовью къ своему дѣлу.

Наставникъ прямо заявлялъ Государю-Родителю, что преемнику его «нужно быть не ученымъ, но просвѣщеннымъ. Просвѣщеніе должно познакомить его только со всѣмъ тѣмъ, что въ его время необходимо для общаго блага и въ благѣ общемъ для его собственнаго... Просвѣщеніе соединитъ знаніе съ правилами.

«Оно необходимо для народоправителя, ибо одно оно даетъ способы властвовать благотворно. Сокровищница просвѣщенія царскаго есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земнаго, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго и вѣру добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она за-

щитить душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей».

Наставникомъ въ законѣ Божіемъ былъ у Александра глубокій богословъ, ученый съ необыкновенною ясностью мыслей и высокими нравственными правилами, протоіерей Г. П. Павскій. Онъ развивалъ свое ученіе Наслѣднику, исходя изъ мысли, что «человѣкъ—существо духовное и вмѣстѣ тѣлесное, по самому составу своему требуетъ, чтобы внутренняя жизнь духовная выражалась и во внѣшней жизни, т. е. въ понятіяхъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Потому, кромѣ возбужденія и питанія внутренняго чувства религіи, на воспитателѣ лежитъ долгъ ввести внутреннее чувство въ опредѣленныя понятія и посредствомъ его облагородить желанія и дѣйствія воспитанника».

«Представь себѣ, говоритъ Павскій въ отвѣтъ на вопросъ: что я въ отношеніи къ Богу, владыкѣ жизни моей?—какъ Богъ ведетъ тебя къ твоей цѣли и управляетъ твоею жизнію. У всякаго есть своя судьба, всякому лежитъ своя дорога, одно только то есть общее для всѣхъ человѣковъ, что они по большей части не тою ведутся дорогою, которую себѣ предположили. Кто же ведетъ ихъ? Человѣкъ предполагаетъ, а располагаетъ Богъ!..

«Тако взирай на жизнь свою, чтобы и съ сей стороны душа твоя возвысилась и чтобы научился судьбу твою предавать въ руки Божіи, чтобы чувства твои были чище, духъ твой возвышеннѣе, надежда тверже!»

И царственный слушатель уроковъ Павскаго дѣйствительно воспиталъ въ себѣ полную преданность Промыслу.

Николай I, съ своей стороны, указывалъ своему преемнику его царственныя обязанности.

Вотъ одинъ изъ уроковъ Николая I сыну, оставившій въ присутствовавшихъ при этомъ глубокое впечатлѣніе.

Получено было извѣстіе въ Петербургѣ, что французскій король Карлъ X отрекся отъ престола, напуганный возмущеніемъ. Императоръ Николай I по этому случаю совѣщался съ министрами своими, пригласивъ на совѣтъ Канкрина, Чернышева, Ливена и Поццо ди Борго. Окончивъ совѣтъ, Государь вышелъ въ залу, и въ это время Наслѣдникъ, проходя по ней съ Мердеромъ, подбѣжалъ къ отцу—здороваться.

Государь, давъ поцѣловать руку сыну, самъ обнялъ его, поцѣловалъ съ особенною нѣжностью и при этомъ сказалъ:

— Сынъ мой! Будетъ время, когда ты замѣнишь меня на престолѣ Петра I-го и Александра I-го. Тогда ты долженъ будешь выполнять высокія обязанности свои, какъ отецъ и Государь своихъ подданныхъ, всего себя посвящая доставленію имъ благополучія, общаго благосостоянія и славы отечеству... Помни всегда, что Государь въ своемъ высокомъ санѣ, получивъ отъ Провидѣнія скипетръ и мечъ, не долженъ никогда убѣгать отъ возмущенія, подъ опасеніемъ того, что безъ него возмущеніе обратится въ революцію! Глава монархическаго правительства

теряеть и позорить себя, уступивъ и на одинъ шагъ возстанію! Его обязанность поддерживать силою права свои и предшественниковъ. Его долгъ пасть, если суждено, но... на ступеняхъ трона»...

Былъ данъ и другой урокъ усопшему Императору. Его незабвеннымъ отцомъ, даже не урокъ, а предсмертный, добрый совѣтъ.

— Служи Россіи, завѣщалъ Императоръ, лежа на смертномъ одрѣ, мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжелое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое...

Провидѣніе судило иначе!

Да, именно Провидѣніе судило иначе. Не мирное, устроенное и счастливое оставилъ Императоръ Николай царство своему Наслѣднику. Онъ оставилъ ему средневѣковое государство, съ феодалами, рабами, старыми судами и со многимъ оставшимся со временъ Петра. Конечно, не вина Императора оставлявшаго такое государство, онъ употреблялъ всѣ усилія, готовъ былъ жертвовать жизнію, чтобы любимая имъ Россія стала государствомъ современнымъ, ни въ чемъ не уступающимъ своимъ западнымъ сосѣдямъ. Но это было не въ его силѣ, это было сверхъ его силъ. Нужна была ангельская доброта и вмѣстѣ съ тѣмъ страшная энергія Императора Александра II, чтобы совершить такой переворотъ въ Россіи, какого не совершили ни Петръ Великій, ни Екатерина Великая. Если взвѣсить на историческихъ вѣсахъ реформы Александра II, то окажется, что съ основанія Руси и до 1855 года, въ нашемъ оте-

чествѣ не являлось еще ни одного реформатора подобнаго усопшему Императору, сдѣлавшему такъ много добра Россіи. Онъ свято исполнилъ завѣщаніе своего Отца и дѣйствительно съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ служилъ на пользу и славу Россіи.

Время, въ которое вступилъ онъ на престолъ, было тяжелое время. На всѣхъ моряхъ Россіи развѣвались враждебные Россіи флаги: Франція, Англія, даже ничтожная Сардинія, хозяйничали на нашихъ моряхъ. Севастополь, громимый чуть не всей Европой, обагрялся потоками крови вѣрныхъ сыновъ Россіи. Тяжелое время переживало въ то время наше отечество.

Императоръ Александръ очень хорошо видѣлъ эту тяжесть; жертвуя многимъ, онъ хотѣлъ облегченія Россіи; обладая задатками миролюбія, онъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя уступки, чтобы дать успокоиться Руси, послѣ трехлѣтняго тяжкаго періода войны.

— Мы отдадимъ свою жизнь, все что имѣемъ, только бы не уступать врагамъ, только бы показать, что Россія все также сильна и могуча! говорили многіе.

Но Александръ ясно сознавалъ, что не такъ могуча Россія, какъ была прежде, когда она боролась съ врагами ровнымъ оружіемъ, но послѣ послѣднихъ побѣдъ, она застыла, между тѣмъ какъ вся Европа усовершенствовалась въ это время въ воинскомъ искусствѣ, и хотя Россія не уступала ей, но это равенство въ битвахъ слишкомъ тяжело обходилось

для нея. Александръ II все это сознавалъ, ему не нужно было въ это время жизни своихъ подданныхъ и ихъ имуществъ, ему нужно было умиротворенiе Россiи и мирное развитiе ея внутренней жизни. Вслѣдствiе чего первымъ благодатнымъ и благотворнымъ для Россiи событiемъ новаго царствованiя было прекращенiе трехлѣтней восточной войны и заключенiе мира.

По заключенiи мира пришла пора преобразованiй.

Наступилъ знаменательный день 26 Августа 1856 года, день коронацiи Государя. Освободитель прибылъ въ Москву заранѣе и здѣсь положилъ начало величайшей реформѣ, одному изъ лучезарнѣйшихъ лучей своего вѣнца.

Двѣсти пятдесятъ лѣтъ тому назадъ въ царствованiе Өедора Ивановича сына Грознаго, однимъ изъ умнѣйшихъ правителей, когда либо бывшихъ въ Россiи, впослѣдствiи царемъ Борисомъ Годуновымъ, былъ совершенъ несправедливѣйшiй актъ прикрѣпленiя крестьянъ къ землѣ.

До того времени сельчане или свободные земледѣльцы были вольны и свободны, какъ птицы небесныя. Они селились на боярскихъ земляхъ, обработывали для себя, по условiю съ бояриномъ, землю, были свободны. Не нравилось жить на землѣ одного боярина, они ожидали Юрьева дня 23 Апрѣля, окончанiя срока своего условiя, и безъ всякихъ препятствiй переселялись на землю болѣе облюбованнаго боярина.

Такое свободное перемѣщенiе съ мѣста на мѣсто болѣе или менѣе вредно отзывалось на государствѣ. Государство тогда только можетъ быть сильно, когда населено народомъ осѣдлымъ, но, въ нѣкоторомъ родѣ, не кочующимъ. Годуновъ порѣшилъ уничтожить Юрьевъ день и прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ. Всѣ, кто гдѣ жилъ, должны были вѣчно со всѣмъ потомствомъ оставаться на томъ же мѣстѣ и сдѣлаться безотвѣтственными рабами владѣльца земли, на которой они жили. Это было началомъ величайшаго для Россiи зла—крѣпостнаго права. Крестьянинъ терялъ личность, онъ не былъ гражданиномъ земли Русской, онъ дѣлался рабомъ того лица, на землѣ котораго онъ жилъ. Съ теченiемъ времени права крестьянина, какъ человѣка, были окончательно потеряны. Въ рукахъ помѣщика онъ дѣлался бездушной машиной, съ которой можно поступать какъ угодно. Въ рукахъ помѣщика находились чуть-ли не права жизни и смерти надъ крестьянами. Крестьянскiй бракъ и семейныя начала не признавались, помѣщикъ имѣлъ право отнять у мужа жену, у родителей дѣтей и продавать ихъ, какъ вещи, другому помѣщику, въ другiя имѣнiя, находящiяся нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ отъ родныхъ мѣстъ. Жизнь крестьянина вообще была тяжела, и кромѣ того онъ не имѣлъ права жаловаться на своего помѣщика. Эта тяжесть очень не рѣдко заставляла крестьянина бросать жену, дѣтей, родной кровъ и бѣжать безъ оглядки отъ суроваго помѣщика, куда глаза глядятъ. Безпрiютный, голодный, безъ куска хлѣба и при-

станица зачастую онъ поступалъ, во избѣжаніе голодной и холодной смерти, въ шайки разбойниковъ и грабителей, промышлявшихъ на большихъ дорогахъ. Вообще крестьянство было очень удобренной почвой, для развитія разбойничьихъ шаекъ и мятежей. Достаточно вспомнить Пугачевскій и другіе бунты, гдѣ крестьяне, потерявъ всякое терпѣніе, выходили изъ себя и вооружались противъ помѣщиковъ.

Предшественники Александра II нѣсколько разъ пытались хотя нѣсколько облегчить положеніе крестьянъ, но всѣ эти попытки не удавались. Нужна была рѣшительность усопшаго Императора, чтобы довести дѣло до конца.

Прибывъ въ Москву для коронаціи, Императоръ обратилъ вниманіе предводителей дворянства Московской губерніи на необходимость заняться улучшеніемъ быта крестьянъ, прибавивъ при этомъ, что крѣпостное право не можетъ продолжаться вѣчно, и поэтому было бы несравненно лучше, если бы преобразованіе это совершилось *сверху, чѣмъ снизу*.

Послѣ коронаціи, во время которой полились милости рѣкою, когда прощеніе и царственная любовь осушили слезы тысячи многихъ страдальцевъ, 3-го Января 1857 года, Государь подъ личнымъ своимъ председательствомъ учредилъ особый камитетъ, вскорѣ переименованный Главнымъ Комитетомъ по крестьянскому дѣлу, на который и возложилъ трудъ разработки законоположеній объ отмѣнѣ крестьянскаго права въ Россіи. 20 Ноября 1857 года были обнародованы первые Высочайшіе рескрипты объ улуч-

шенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Четыре года было посвящено колоссальному труду, и великое, святое дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостнаго ига и устройство ихъ осуществилось 19 Февраля 1861 года. Благодаря Государю, двадцать слишкомъ милліоновъ русскаго народа получили свободу.

Но это знаменательное и благотворное законоположеніе влекло за собою цѣлый рядъ другихъ, явившихся прямыми его послѣдствіями. Давъ свободу крестьянскому народонаселенію, Онъ вслѣдъ за тѣмъ далъ и самоуправленіе всему русскому народу, учредивъ земство и давъ также самоуправленіе городамъ.

Старое наше судопроизводство отличалось невозможными порядками. Въ гражданскихъ дѣлахъ существовалъ обычай тяжебный, самое пустое дѣло тянулось по нѣскольку лѣтъ, требуя громадныхъ расходовъ, иногда раззорявшихъ въ конецъ тяжущихся. Въ уголовныхъ дѣлахъ существовали только прямыя улики, благодаря которымъ многіе виновные избѣгали наказанія, вслѣдствіе своей ловкости, невинные же, благодаря простой случайности, признавались виновными и должны были невинно за другихъ нести всю тяжесть наказанія.

20 Ноября 1864 года, введена была судебная реформа. Старый судъ отжилъ свое, его мѣсто заступилъ новый; канцелярская тайна исчезла, ее заступила гласность; вмѣсто старыхъ приказныхъ судей, явились представители общественной совѣсти въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей, и самый судъ, согласно словамъ манифеста, сдѣлался скорымъ, правымъ и милостивымъ.

Контрольная и счетная часть были преобразованы и въ первый разъ, въ прошлое царствованіе явилось обнародованіе государственнаго бюджета и сдѣлалось возможнымъ обсуждать его въ печати.

Многія улучшенія финансовыхъ мѣръ и измѣненіе экономическихъ условій народной жизни повели къ весьма значительному увеличенію государственныхъ доходовъ; такъ въ 1863 году государственныхъ доходовъ предполагалось 299 милліоновъ, между тѣмъ какъ въ 1880 году они достигли суммы чуть не въ два съ половиною раза, а именно 653 милліоновъ.

Народное образованіе и литература были едва ли не на первомъ планѣ заботъ Императора. Постараемся насколько возможно представить перечень того, что было Имъ для нихъ сдѣлано.

«Онъ готовъ на помощь несчастію», писалъ о Немъ Жуковскій еще въ 1837 году. Всѣмъ извѣстно, сколько милосердія разлилъ тогда Государь въ своемъ путешествіи по Россіи, бывши еще Наслѣдникомъ. Вотъ одинъ случай изъ Его молодой жизни. Въ 1843 году читая въ газетахъ лестные отзывы о «Корнесловѣ» Шимкевича, Наслѣдникъ пожелалъ ближе ознакомиться съ этой книгой. Гофмаршалъ Олсуфьевъ, узнавъ въ книжныхъ лавкахъ, что «Корнесловъ» еще не продается, взялъ адресъ Шимкевича и поѣхалъ къ нему. Найдя его въ крайне бѣдномъ и болѣзненномъ положеніи и взявъ экземпляръ «Корнеслова», Олсуфьевъ разсказалъ Наслѣднику все, что видѣлъ. И въ тотъ же день Олсуфьевъ былъ снова посланъ къ Шимкевичу

съ утѣшеніемъ, пособіемъ и лейбъ-хирургомъ отъ Цесаревича, Енохинымъ. Цесаревичъ поручилъ Енохину употребить всѣ средства къ излеченію Шимкевича, но было уже поздно. Царственное вниманіе могло только облегчить предсмертныя страданія автора «Корнеслова».

Въ 1844 г. Жуковскій писалъ Гоголю: «Я былъ долженъ Великому Князю Наслѣднику 4,000 р. При отъѣздѣ Его изъ Дармштадта, я сдѣлалъ ему предложеніе, не благоугодно ли будетъ Вашему Высочеству, чтобъ я заплатилъ эти деньги не Вамъ, а извѣстному Вамъ русскому, весьма затѣйливому писателю г. Гоголю... И Его Высочество на сей вопросъ мой изрекъ и словесное и письменное: быть по сему».

Съ первыхъ же дней царствованія Александра II-го, на литературу и науку пахнуло свѣтомъ и теплотою, и весь первый годъ царствованія былъ ознаменованъ различными знаками Его вниманія къ дѣятелямъ слова. Скоро по восшествіи на престолъ, Ему представлена была вѣдомость о замѣчательнѣйшихъ учено-литературныхъ сочиненіяхъ (съ краткимъ обозначеніемъ ихъ содержанія), вышедшихъ въ свѣтъ незадолго предъ тѣмъ. И Государь объявилъ Свое благоволеніе епископу винницкому Макарію (нынѣ митрополиту московскому), профессору московской духовной академіи Смирнову (нынѣ ректору ея), автору «Русской геральдики» Лакіеру; пожаловалъ бриліантовые перстни переводчику Данте — профессору Мину и казанскому профессору Мейеру.

Въ маѣ послѣдовало открытіе памятника Крылову: рѣдкое торжество это въ Петербургѣ было радостно встрѣчено и въ литературѣ и въ обществѣ.

Извѣстный писатель, кн. Вяземскій, призванъ на постъ товарища министра народнаго просвѣщенія.

Въ августѣ послѣдовало открытіе факультета восточныхъ языковъ при с.-петербургскомъ университетѣ.

Въ ноябрѣ Высочайше повелѣно принимать неограниченное число студентовъ во всѣ факультеты университетовъ.

Президентомъ академіи наукъ былъ назначенъ графъ Блудовъ; въ составъ академіи призваны, одинъ за другимъ, Никитенко, Гротъ, Дубровскій, Сухомлиновъ, Бычковъ.

Въ декабрѣ изданъ указъ объ открытіи гимназіи въ Самарѣ. Генералъ-губернаторы освобождены отъ управленія учебными округами, для которыхъ вновь призваны особые попечители. Студентамъ медицинскаго факультета дозволено переходить на другіе факультеты. Образовано множество стипендій, открыты новыя каѳедры, дозволено читать публичныя лекціи. Цѣпи, шлагбаумы снимались одинъ за другимъ.

На 1856 годъ разрѣшено было 10 новыхъ журналовъ; дозволена къ печати книга г. Чичерина «Объ областныхъ учрежденіяхъ въ Россіи», дотолѣ не пропускаемая даже факультетомъ московскаго университета; явилась въ свѣтъ комедія г. Аксакова, пять лѣтъ бывшая подъ запретомъ. Русская литература бодро пошла въ новый путь и сдѣлалась горя-

чею поборницею стремленій Государя въ великомъ дѣлѣ преобразованія».

Объявляя въ своемъ манифестѣ о заключеніи мира, Государь призывалъ Россію къ расширенію предѣловъ умственной жизни: «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности». Въ мартѣ 1856 года утверждено предложеніе министерства народнаго просвѣщенія о посылкѣ молодыхъ ученыхъ за границу для усовершенствованія въ наукахъ. Средства императорской публичной библіотеки увеличены на 6,000 р. въ годъ. Открытъ музеумъ древностей въ Вильнѣ. Журналы главнаго управленія училищъ повелѣно представлять въ подлинникѣ на Высочайшее воззрѣніе. Возстановленъ при министерствѣ ученый комитетъ. На мѣста цензоровъ призваны литераторы: Лажечниковъ, Гончаровъ, Гиляровъ-Платоновъ, Палаузовъ, Мацневичъ. Увеличена пенсія писателя Евг. П. Ковалевскаго съ 600 до 2,000, и ему поручено было отправлять должность директора азіятскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ день коронаціи царскія милости пролились на дѣятелей науки: объявлено было монаршее благоволеніе профессорамъ: Леонтьеву, Шевыреву, Жиряеву; Солтыкову (Щедрину) было дозволено возвратиться въ Петербургъ; Костомаровъ освобожденъ отъ обязательнаго пребыванія въ Саратовѣ; Шевченко уволенъ былъ отъ заточенія солдатомъ въ Оренбургѣ и появился въ столицахъ; Кулишу дозволено было печатать подъ своимъ именемъ; Пироговъ назначенъ

попечителемъ одесскаго учебнаго округа; графа А. К. Толстаго Государь пожаловалъ въ свои флигель-адъютанты. Разсказывая объ этомъ, гр. Толстой вспоминаетъ, что онъ нѣкогда былъ въ числѣ дѣтей, составлявшихъ воскресное общество отрока-Наслѣдника «Съ того времени,—говоритъ онъ,—благосклонность Его ко мнѣ никогда не оставляла меня». Что же касается назначенія въ флигель-адъютанты, то такъ какъ гр. Толстой вовсе не готовился быть военнымъ и, поступая въ стрѣлковый полкъ Императорской фамиліи, имѣлъ намѣреніе оставить службу тотчасъ по окончаніи войны, онъ представилъ свои сомнѣнія Государю, и Государь принялъ его просьбу съ обычнымъ ему благодушіемъ и назначилъ гр. Толстаго егермейстеромъ двора. Скоро послѣ коронаціи, Государь посѣтилъ московскій университетъ, благодарилъ студентовъ за тѣ чувства, которыя они проявили въ время празднованія столѣтняго юбилея своего университета, и за ту готовность, съ которою многіе изъ нихъ, во время прошедшей войны, вступили въ военную службу и доказали на дѣлѣ свою приверженность престолу и отечеству. Студентъ Н. Потѣхинъ выразилъ чувства товарищей въ особомъ стихотвореніи, гдѣ между прочимъ читаемъ:

«Твое привѣтливое слово
Для насъ дороже всѣхъ наградъ:
Въ немъ русской мощи вся основа,
И умереть съ нимъ всякій радъ.
Мы окрылялись царскимъ словомъ,
Летло намъ на сердце оно:

Мы поняты! Въ стремленьи новомъ
Все, все къ Тебѣ привлечено!

Въ томъ же году возникли соображенія объ устройствѣ школъ для дѣвицъ, и первою школою явилась нижегородская, на содержаніе которой, по волѣ Государыни, отпускалась часть процентовъ съ общаго запаснаго капитала женскихъ учебныхъ заведеній. Въ Костромѣ открыто шестиклассное училище для дѣвицъ, благодаря значительнымъ пожертвованіямъ г. Григорова. Въ концѣ 1856 г. на товарища министра народнаго просвѣщенія возложено завѣдываніе дѣлами цензуры. Наконецъ, на 1857 годъ новыхъ періодическихъ изданій разрѣшено 15.

Изъ литературно-научныхъ явленій 1857 года замѣтимъ— продолженіе срока литературной и художественной собственности на 50 лѣтъ со дня смерти сочинителя или переводчика, образованіе стипендіи Грановскаго, повелѣніе сдѣлать общественной и доступной для публики книгу барона Корфа «Восшествіе на престолъ императора Николая». Повелѣвая перепечатать ее для общаго свѣдѣнія, Государь сказалъ редактору ея: «Дай Богъ, чтобы впредь никогда не приходилось русскому Государю ни наказывать, ни даже и прощать за подобныя преступленія».—Въ теченіе 5 мѣсяцевъ книга эта принесла библіотекѣ болѣе 24 хъ тысячъ.—Далѣе—Государь повелѣлъ предоставить главному управленію цензуры, по прежнему, право разрѣшать новыя періодическія изданія по части словесности, наукъ и искуствъ, кромѣ тѣхъ, которыя, по важности своего содержанія,

или по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, требуютъ Высочайшаго разрѣшенія; на дозволеніе же періодическихъ изданій политическаго содержанія испрашивать соизволенія чрезъ комитетъ министровъ. На 1858 годъ новыхъ періодическихъ изданій разрѣшено 34, и что особенно замѣчательно — не мало изданій спеціальныхъ и почти по всѣмъ отраслямъ знанія. Но самымъ важнымъ литературнымъ явленіемъ 1857 года было соизволеніе Государя на изданіе въ Варшавѣ сочиненій Адама Мицкевича, въ пользу сиротъ, оставшихся послѣ геніальнаго поэта.

Въ декабрѣ 1857 года разрѣшено допускать всѣхъ желающихъ къ присутствованію при публичныхъ диспутахъ въ университетѣ. Дозволено возстановить въ университетахъ преподаваніе государственнаго права европейскихъ державъ. Граверу Уткину, за поднесеніе гравюры съ образа Шебуева, св. Василій Великій, пожалованы бриллiантовые перстни отъ Государя и Государыни.

Въ мартѣ 1858 г. Государь повелѣлъ упразднить существовавшій дотолѣ особый военно-цензурный комитетъ и военную цензуру присоединить къ общей цензурѣ. Тогда же усилены средства археографической комиссіи, отъ 1,572 р. до 5,000 р... Издатель «Владимірскаго Сборника» К. Тихонравовъ награжденъ бриллiантовымъ перстнемъ.

Въ апрѣлѣ Тютчевъ назначенъ председателемъ комитета цензуры иностранной.

Въ маѣ утверждено положеніе о стипендіяхъ Жуковскаго: учреждено четыре стипендіи, двѣ въ мо-

сковскомъ университетѣ и двѣ въ тульской гимназіи; степендіи предоставлены наровнѣ какъ дворянамъ Тульской губерніи, такъ и бѣднымъ обывателямъ г. Бѣлева.

Въ іюнѣ продолжена на шесть лѣтъ выдача пособія русскому археологическому обществу по 3,000 руб.

Въ іюлѣ Гончаровъ награжденъ подаркомъ за поднесеніе «Фрегата Паллады»; Пироговъ переведенъ попечителемъ въ Кіевъ.

Въ августѣ открыто въ Твери маріинское женское училище, возобновлено общество любителей россійской словесности въ Москвѣ, подъ председательствомъ Хомякова. Писателю А. Муравьеву пожаловано 5,000 руб. на пріобрѣтеніе усадьбы въ Кіевѣ.

Въ декабрѣ открылись въ С.-Петербургѣ, въ залѣ Пассажа, публичныя чтенія по химіи, физикѣ, физіологіи и ботаникѣ, профессоровъ Ходнева, Ленца, Загорскаго, Ценковскаго.

На 1859 г. разрѣшено новыхъ періодическихъ изданій 42.

Въ 1859 г. пріобрѣтено собраніе рукописей греческихъ и восточныхъ, составленное Тишендорфомъ.

Въ мартѣ дозволено писать и защищать диссертаціи и на другихъ языкахъ кромѣ латинскаго.

Въ апрѣлѣ увеличены оклады жалованья въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ самаго начала царствованія, профессора возводимы были въ чины дѣйствительнаго статскаго совѣтника и тайнаго совѣтника,— что прежде было немыслимо. Пожалованы были Вы-

сочайшіе подарки Лакіеру—за путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Ю. Симашко—за учебный атласъ, лектору Рубини—за Исторію Россіи, И. Анненкову—за Ботаническій Словарь, Бычкову—бриліантовый перстень, Кунику и Саввантову—единовременныя выдачи.

Открыты женскія училища— въ Казани, Кашинѣ, Симбирскѣ, Калугѣ, Уфѣ, Гродно.

Въ ноябрѣ разрѣшено общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Государь и члены Царскаго дома постоянно оказывали обществу денежныя пожертвованія. Изъ кабинета Его Величества поступало ежегодно по 1,000 руб., отъ Государыни Императрицы по 300 р., отъ великаго князя Владиміра Александровича 200 р., отъ великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны по 100 р.

Въ декабрѣ разрѣшенъ 50-лѣтній юбилей Кеппена, при чемъ Государь пожаловалъ ему орденъ святаго Владиміра 3-й степени. На 1860 годъ дозволено періодическихъ изданій вновь 26.

Въ январѣ 1860 г. дано новое устройство главному управленію цензуры.

Въ февралѣ историкъ И. Щебальскій назначенъ редакторомъ литературныхъ обозрѣній, представляемыхъ Государю.—Въ университетахъ возобновлено преподаваніе исторіи философіи.

Въ мартѣ учреждены въ петербургскомъ университетѣ новыя каѳедры—византійскихъ древностей и языка (Дестернисъ читалъ безвозмездно) и всеобщей

исторіи литературы. При пяти университетахъ учреждены педагогическіе курсы. Дозволены публичныя лекціи въ Казани—по литературѣ, русской исторіи, физикѣ, химіи, профессорамъ Варенцову, Попову, Котельникову, Бутлерову.

Въ теченіе всего года свободно развивались и умножались воскресныя школы, женскія училища, публичныя библіотеки; послѣднія явились въ Саратовѣ, Сычевкѣ, Житомірѣ, Пятигорскѣ, Тобольскѣ, Сумахъ, Ярославлѣ. За развитіемъ ихъ весьма внимательно слѣдилъ «Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія», поступившій съ марта мѣсяца подъ редакцію К. Д. Ушинскаго.

Въ 1860 году возвратились въ С.-Петербургъ прощенные еще раньше—Ѳ. М. Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ.

Въ томъ же году разрѣшена была повсемѣстная въ Россіи подписка на сооруженіе памятника Пушкину; при этомъ Государю угодно было повелѣть, чтобы памятникъ поставленъ былъ въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполнѣ національное значеніе.

На 1861 годъ разрѣшено новыхъ періодическихъ изданій 29.

На 1862 годъ новыхъ періодическихъ изданій дозволено 24, на 1863 годъ—36.

Польское возстаніе, петербургскіе пожары, причины которыхъ доселѣ еще не разъяснены или не открыты публично, послужили поводомъ къ тому движенію въ правительствѣ, которое многіе называютъ реакціей.

Въ 1864 году возникло новыхъ періодическихъ изданій 31, а въ 1865 году—33; не смотря на такое приращеніе новыхъ изданій, въ 1866 году явилось вновь 16.

Въ февралѣ 1866 года граверъ Л. А. Сѣряковъ получилъ званіе гравера Его Величества, съ причисленіемъ къ императорскому эрмитажу, въ награду за его превосходныя работы и, между прочимъ, за художественно-исполненный портретъ Государя. (Замѣчательно, что и послѣднею работою признательнаго Сѣрякова, въ январѣ 1880 года, былъ другой портретъ горячо любимаго имъ Государя).

Въ концѣ года, въ день столѣтняго юбилея Карамзина, въ память его, Государь пожаловалъ существующей въ Симбирскѣ библіотекѣ Карамзинской 2,000 р. изъ кабинета Его Величества. Государыня пожертвовала 1,000 р. Сынъ Государя великій князь Владиміръ Александровичъ—500 р. и кромѣ того испросилъ разрѣшеніе вносить изъ собственныхъ своихъ суммъ ежегодно по 600 р. въ казанскій университетъ для образованія трехъ стипендій въ пользу уроженцевъ Симбирской губерніи.

Въ томъ же 1866 г. дарованы были пособія пяти публичнымъ библіотекамъ въ губернскихъ городахъ, по 800 р. каждой. Усилены средства кіевской комиссіи для разбора древнихъ актовъ: въ добавокъ къ ассигнуемымъ 1,428 р. 55 к. назначено еще 4,571 р. 45 к.

На 1867 годъ разрѣшено новыхъ періодическихъ изданій 37, на 1868 годъ—18.

Въ 1867 г. писатель А. П. Артемьевъ былъ приглашенъ сопровождать великаго князя Алексѣя Александровича въ путешествіи по Европейской Россіи, Кавказскому краю и въ плаваніи по Черному и Средиземному морямъ.

Въ январѣ 1868 года казанская гимназія праздновала свой столѣтній юбилей. Государь удостоилъ ее рескриптомъ, въ которомъ присвоилъ ей наименованіе императорской и почетно вспомнилъ одного изъ питомцевъ ея; «Изъ 17 тысячъ ея воспитанниковъ имя одного изъ нихъ—Державина, останется навсегда незабвеннымъ и дорогимъ для русскаго народа».

Въ іюлѣ 1868 г. Государь разрѣшилъ открыть по имперіи, въ теченіе года, подписку для сбора добровольныхъ приношеній на покупку дома въ г. Бѣлевѣ, гдѣ нѣкогда жилъ Жуковскій, и на устройство въ немъ народнаго училища; при этомъ Государь отъ себя пожертвовалъ 500 р., Государыня 350, члены царскаго дома—625 р.

На 1869 годъ новыхъ періодическихъ изданій разрѣшено 36.

8 февраля 1869 г., при торжествѣ юбилея петербургскаго университета, Государь пожаловалъ награды многимъ профессорамъ, какъ нынѣшнимъ, такъ и прежнимъ, даровалъ университету 100 стипендій, въ 300 р. каждая, съ наименованіемъ ихъ императорскими, и единовременно 20,000 р. для раздачи нуждающимся студентамъ. Во всеподданнѣйшемъ адресѣ, въ отвѣтъ на эти монаршія милости, университетъ говорилъ: «Вы, августѣйшій Монархъ, соиз-

волили почтить такимъ выраженіемъ царственнаго благоволенія Вашего, и въ такомъ обиліи излили царственные дары Ваши, что професcора и студенты университета не находятъ словъ благодарности, которыя соотвѣтствовали бы великости безпримѣрныхъ щедротъ, имъ оказанныхъ». Университетъ обѣщалъ положить всѣ свои силы, чтобы явиться достойнымъ царственнаго призыва сослужить службу Россіи, сообразно ожиданіямъ Государя и тѣмъ свѣтлымъ началамъ, которыя внесены въ жизнь Его великими преобразованіями.

Въ мартѣ Государь разрѣшилъ приглашеніе къ пожертвованіямъ на премію въ память Шевырева.

Въ апрѣлѣ, въ память заслугъ и пожертвованій умершаго археолога Севастьянова, Государь разрѣшилъ поставить бюстъ покойнаго въ основанномъ имъ, при московскомъ публичномъ музеѣ, отдѣленіи христіанскихъ древностей, и повелѣлъ благодарить отъ имени Его братьевъ покойнаго за сдѣланныя ими пожертвованія.

На 1870 годъ разрѣшено новыхъ періодическихъ изданій 34; на 1871 годъ—20. Въ 1871 г., въ празднованіе 25-ти-лѣтія императорскаго археологическаго общества, даровано ему пособіе въ 2.000 рублей въ годъ. На 1872 годъ явилось новыхъ періодическихъ изданій 23, на 1873—22. Въ ноябрѣ 1873 г. русскому историческому обществу даровано названіе императорскаго. На 1874 г. разрѣшено періодическихъ изданій 26. Утвержденъ уставъ Историческаго музея имени Его Высочества Цесаревича (нынѣ

Императора Александра III) въ Москвѣ. Новыхъ періодическихъ изданій на 1875 годъ дозволено 22. Въ февралѣ 1875 г. Государь разрѣшилъ подписку между почитателями академика Буняковскаго на выбитіе медали въ память его 50-лѣтней ученой дѣятельности. На 1876 г. дозволено періодическихъ изданій вновь 28. Въ январѣ этого года, на 50 лѣтніи юбилей академика Бранта, Государь пожаловалъ ему орденъ Бѣлаго Орла, соизволилъ на выбитіе въ честь его медали и учрежденіе преміи.

На 1877 годъ разрѣшено періодическихъ изданій 29, а на 1878—34.

Жизнь и дѣятельность Государя въ послѣднюю кампанію очерчена въ книгѣ гр. В. А. Саллогуба, «Дневникъ пребыванія Государя Императора за Дунаемъ»; къ сожалѣнію, книга эта, кажется, не допущена для общаго пользованія. Весьма кстати было бы дать ей теперь полный ходъ Это — дорогой памятникъ о подвигахъ Царя Страдальца!

На 1879 г. разрѣшено періодическихъ изданій 41, а на 1880 годъ явилось еще 21. Въ 1879 г. царское вниманіе почтило Срезневскаго въ день его юбилея. Въ 1880 году, по поводу открытія памятника Пушкину, Государь пожаловалъ одного изъ сыновей поэта въ флигель адъютанты, а дочерямъ его назначилъ пенсію.

Мы такъ недавно праздновали торжество Пушкина, встрѣтили новое изданіе его сочиненій, остановимся нынѣ на слѣдующей мысли нашего любимаго учителя:

«Не должно торопить времени и безъ того уже довольно дѣятельнаго. Лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходять отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества»... (Изд. 1880, т. V, стр. 234).

6-го августа 1880 г. Государь разрѣшилъ Обществу любителей россійской словесности открыть повсемѣстную въ имперіи подписку на составленіе капитала для сооруженія памятника Гоголю.

Наконецъ, 30-го января 1881 года Государь пожаловалъ вдовѣ Ѳ. М. Достоевскаго пожизненную пенсію въ 2,000 р. и повелѣлъ принять дѣтей знаменитаго писателя въ учебныя заведенія на казенный счетъ.

Вообще просвѣщенный взглядъ Государя на науку привелъ къ тому, что она отнынѣ заняла подобающее ей мѣсто въ Европѣ. Нравственное обновленіе Россіи въ прошлое царствованіе отразилось, такъ сказать, и на ея физическомъ организмѣ. Сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, эти вены каждаго благоустроеннаго государства, въ теченіе двадцати шести лѣтъ раскинулись по Россіи на тысячи верстъ, побѣждая и пространство и время.

Отсталость отъ западной Европы, доказанная Крымскою войной, и злоупотребленія, обнаруженныя во время ея, вызвали со стороны правительства множество важнѣйшихъ преобразованій по военной и морской частямъ. И въ этомъ, какъ въ организаціи сухопутныхъ и морскихъ силъ, такъ въ вооруженіи и

въ обмундировкѣ войскъ Россія много успѣла. Облегченіе войскъ было одною изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ Государемъ.

По отношенію къ морскому вѣдомству въ 1860 году было утверждено въ высшей степени замѣчательное законоположеніе, «общее образованіе управленія морскимъ вѣдомствомъ», введенное въ видѣ опыта на нѣсколько лѣтъ и затѣмъ вновь утвержденное въ 1867 году. Сущность этого законоположенія состоитъ въ децентрализаціи, собственно въ хозяйственномъ отношеніи береговыхъ и портовыхъ управленій. Кромѣ этой общей мѣры, нельзя обойти молчаніемъ и значительныхъ улучшеній въ содержаніи и обмундированіи морскихъ командъ, учрежденія и развитія въ Россіи сталепушечнаго производства и заботы о томъ, чтобы изъять морскую технику изъ зависимости отъ иностранной промышленности, вооруженіе судовъ стальными большаго калибра орудіями, полной замѣны парусного флота паровымъ и броненоснымъ. Кромѣ того усилены были дальнія плаванія какъ для практичнаго обученія офицеровъ, такъ и для политическихъ цѣлей. Освобождены и устроены различныя поселенія, находившіяся въ крѣпостной зависимости отъ адмиралтействъ, учреждена эмеритальная касса, отмѣнены тѣлесныя наказанія и положено основаніе подробнѣйшему обсужденію вопросовъ по стально-морскому дѣлу. Что касается военнаго вѣдомства, то система нашей военной администраціи вся безъ исключенія переработана въ этотъ періодъ времени.

Съ первыхъ же лѣтъ царствованія Императора Александра II было уничтожено тягостное, прискорбное учрежденіе: баталіоны кантонистовъ; фухтеля и шпицрутены сдѣлались въ настоящее время сказкой и отошли въ область преданія. Военная служба сдѣлалась службой почетной, военное сословіе избавилось въ своихъ рядахъ общественныхъ отверженцевъ и отдачи въ солдаты, перестала позорить почетное званіе воина. Вслѣдствіе особеннаго вниманія и личныхъ трудовъ Государя, по отношенію къ возвышенію военной службы и въ усовершенствованіяхъ всѣхъ отраслей военнаго дѣла, Россія особенно преуспѣла въ послѣднее двадцатишестилѣтіе. Дисциплина въ русскихъ войскахъ чужда стала произвола, тѣлесныя наказанія были изгнаны. Вводя многія усовершенствованія, какъ въ огнестрѣльномъ оружіи, такъ и во многомъ для русской арміи, Александръ II, вмѣстѣ съ тѣмъ, повинуясь влеченію своего мягкаго благороднаго сердца, настоялъ на международной конвенціи, въ которой было рѣшено изъятіе употребленія на войнѣ разрывныхъ пуль. Благодаря тому же человѣколюбію Государя и постоянному содѣйствію Его сотрудницы Государыни въ дѣлахъ благотворенія, Россія обязана правильнымъ устройствомъ санитарной части и учрежденіемъ «Россійскаго Общества краснаго креста» и «Главнаго попечительства больныхъ и раненыхъ воиновъ». Наконецъ всеобщая воинская повинность слила всѣ классы общества въ одну дружную семью и тѣмъ прекратила въ Россіи существованіе особеннаго кастоваго военнаго сословія. Кромѣ

того тяжелый двадцатипятилѣтній срокъ военной службы сокращенъ на шестилѣтній, чѣмъ каждый прослужившій въ рядахъ арміи получилъ возможность возвращаться къ своимъ мирнымъ занятіямъ и не прерывать связи съ обществомъ, семьей и вообще съ гражданскимъ положеніемъ. Важность этой мѣры для Россіи въ настоящемъ и будущемъ необъятна.

Послѣдняя война съ Турціей ясно показала, что храбрость, безропотная покорность своему долгу и великодушіе къ непріятелю—чувства присущія всему русскому всесословному воинству. Наконецъ хроническая кавказская война, веденная въ теченіе десятковъ лѣтъ, отвлекавшая наши силы, требовавшая постояннаго содержанія дѣйствовавшихъ отрядовъ и гарнизоновъ, была особенно обременительна въ то время, когда вниманіе Государя было привлечено внутренними преобразованіями. Однакоже благодаря энергіи избраннаго Государемъ вождя кавказскихъ войскъ, шестидесятилѣтняя кавказская война окончилась. 1-го Апрѣля 1858 года взятъ приступомъ Ведень, главное мѣстопребываніе Шамиля, а 26 Августа 1858 года взятіе Гуниба и плѣненіе Шамиля имѣли слѣдствіемъ окончательное покореніе всего восточнаго Кавказа. Черезъ пять лѣтъ палъ и западный Кавказъ и война съ горными племенами прекратилась навсегда. Тогда для охраны нашихъ восточныхъ границъ, поддержки торговыхъ сношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ и упроченія нашего владычества въ Средней Азіи, Россія устремила свои силы на Ташкентъ, Самаркандъ, Коканъ, Хиву, до предѣловъ Тибета. Не-

зависимо отъ пріобрѣтеній въ Азіи силою оружія, Россія присоединила къ своимъ владѣніямъ мирнымъ путемъ необъятный при-Амурскій край по Айгунскому трактату, 16 Мая 1858 года.

Усмиреніе польскаго возстанія хотя и не можетъ быть названо регулярною войною, однако же и оно потребовало значительныхъ усилій и рѣшительныхъ мѣръ въ виду готовности западныхъ державъ явно поддержать возстаніе, въ случаѣ малѣйшей его удачи. Откликъ всей Россіи на происки и недоброжелательство Европы отстранилъ всякое столкновеніе съ нею по поводу «польскаго вопроса». Его *окончательное* рѣшеніе было дѣломъ домашнимъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства и это рѣшеніе тѣмъ болѣе прочно, что оно сопровождалось цѣлымъ рядомъ органическихъ мѣръ, призвавшихъ къ новой жизни сельское населеніе Царства Польскаго и сплотившихъ губерніи царства съ Россіей.

Отношенія всѣхъ европейскихъ державъ къ Россіи, выяснившіяся въ эпоху крымской компаніи, побудили Государя измѣнить прежнюю политику Россіи на болѣе сдержанную, основанную на строжайшемъ невмѣшательствѣ и сбереженіи силъ Россіи отъ растраты ихъ на служеніе нерѣдко двуличнымъ и мнимымъ союзникамъ. Австро-итальянская кампанія 1859 года обошлась безъ нашего содѣйствія, котораго такъ сильно домогалась Австрія, и Маджента, Сальферино и Вилла-франкскій миръ ясно доказали ей, что времена «Священнаго союза» миновали для нея навсегда.

Россія не защищала короля неаполитанскаго и тѣмъ не воспрепятствовала объединенію Италіи. Такъ же сдержанно отнеслась она къ вопросу о Шлезвигѣ и вооруженному столкновенію Пруссіи съ Австріей при Садовой.... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она не была равнодушной зрительницей франко-прусской войны 1870 года, грозившей охватить всю центральную Европу, которая обязана одной Россіи тѣмъ, что кровавая борьба двухъ сильныхъ державъ была замкнута въ своихъ границахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ франко-прусская война дала Россіи безъ пролитія крови возможность уничтожить статью Парижскаго договора 1856 года о Черномъ морѣ.

Старые счеты съ Европой были закончены, но несчастная участь Славянъ по прежнему и вопреки всѣмъ договорамъ съ Турціей относительно ихъ вызвала наконецъ и Россію на поле битвы, такъ какъ всѣ средства къ рѣшенію Славянскаго вопроса мирнымъ дипломатическимъ путемъ были истощены вмѣстѣ съ долготерпѣніемъ Императора Александра. Дипломатическіе переговоры съ Турціей длились съ 1876 года по 12 Апрѣля 1877 года. Въ этотъ день въ Кишиневѣ возвѣщенъ былъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи.

«Всѣмъ нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ, говорилось въ манифестѣ, извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣляетъ съ Нами

и весь Русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова. Кровь и достояніе нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершившихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлью достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться въ продолженіи двухъ лѣтъ къ тому, чтобы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицемъ всей Европы.

Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣйствительнаго обезпеченія своихъ христіанскихъ подданныхъ и отвергла постановленія Константинопольской конференціи.

Желая испытать для убѣжденія Порты всевозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ со внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій Кон-

стантинопольской конференціи и пригласить Турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ. Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чувство справедливости, и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ уповаиіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія: Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи».

Вмѣстѣ, одновременно съ этимъ манифестомъ Августѣйшимъ Главнокомандующимъ былъ отданъ войскамъ слѣдующій приказъ:

«Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами, братьями нашими: горька ихъ неволя: все что дорого человѣку: Святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровью добытое добро— все поругано, осквернено невѣрными. Не выдержали несчастные, возстали

противъ угнетателей и вотъ уже два года льется кровь христіанская: города и села выжжены, имущество разграблено, жены и дочери обезчещены; населеніе иныхъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Всѣ представленія Монарха нашего и иностранныхъ правительствъ объ улучшеніи быта христіанъ остались безуспѣшными. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя Освободителя истощилась; послѣднее слово Царское сказано: война Турціи объявлена. Войска ввѣренной мнѣ арміи! Намъ выпала доля исполнить волю Царскую, святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеванія идемъ мы, а на защиту поруганныхъ, угнетенныхъ братьевъ нашихъ, на защиту вѣры Христовой. И такъ впередъ! Дѣло наше свято, и съ нами Богъ! Я увѣренъ, каждый отъ генерала до рядоваго исполнитъ свой долгъ и не посрамитъ имени Русскаго. Да будетъ оно также грозно какъ и въ былые годы, да не остановятъ насъ ни преграды, ни труды и лишенія, ни стойкость врага! Мирные жители, къ какой бы вѣрѣ и къ какому народу ни принадлежали, ровно какъ ихъ добро, да будутъ для васъ неприкосновенны! Ничего не должно быть взято безвозмездно: никто не долженъ дозволять себѣ произвола. Въ этомъ отношеніи я требую отъ всѣхъ и каждаго самаго строгаго порядка и дисциплины: въ нихъ наша сила, залогъ успѣха, честь нашего имени. Напоминаю войскамъ, что по переходѣ границы нашей мы вступаемъ въ издревле дружественную намъ Румынію, за освобожденіе которой пролито не мало Русской крови. Я увѣренъ, что тамъ мы встрѣтимъ тоже гостепріимство, какъ и предки и

отцы наши. Я требую, чтобы за то всѣ чины платили имъ, братьямъ и друзьямъ нашимъ, полною дружбою, охраной ихъ порядковъ и безъответною помощью противъ турокъ, когда она потребуется, чтобы защищали ихъ дома также, какъ и свои собственные».

Началась война, а съ нею съ немногими неудачами рядъ побѣдъ и геройскихъ подвиговъ русскихъ войскъ.

29 апрѣля подъ Браиловымъ мѣткими выстрѣлами съ русскихъ батарей взорванъ на воздухъ турецкій мониторъ. Въ ночь съ 13 на 14 мая русскіе взорвали турецкій броненосецъ и тѣмъ значительно облегчили нашимъ войскамъ переправу черезъ Дунай. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ подвиговъ нашихъ моряковъ въ Мачинскомъ рукавѣ.

Къ концу мая армія была осчастливлена прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій Государя Императора. Переѣхавъ русскую границу, 24 мая въ 9 часовъ вечера, Государь Императоръ въ 25 минутъ десятаго прибылъ въ Яссы и еще не доѣзжая города былъ уже привѣтствованъ криками народа. При выходѣ изъ вагона, Государь Императоръ былъ встрѣченъ городскимъ духовенствомъ, съ Ясскимъ митрополитомъ во главѣ, при чемъ духовенство запѣло: «Благословенъ грядый во имя Господне», а митрополитъ произнесъ привѣтственное слово, смыслъ коего заключался въ томъ, что единовѣрная Россіи земля Румынская испытавшая на себѣ многовѣковое иго Турокъ, нынѣ почитаетъ себя счастливою, встрѣчая Русскаго Монарха, идущаго во главѣ своихъ войскъ освобождать изъ подъ этого ига христіанскіе народы

востока. Послѣ этого было пропѣто Его Величеству многолѣтіе, а представители города поднесли Царственному гостю хлѣбъ соль, при чемъ ученики Ясской гимназіи пропѣли стройнымъ хоромъ, на русскомъ языкѣ «Боже Царя храни» Ясскія дамы усыпали цвѣтами путь Его Величества отъ вагона до залы. Всѣ зданія станціи были роскошно иллюминованы. По румынской дорогѣ Его Величество изволилъ путешествовать въ особомъ, собственномъ поѣздѣ, коего ходовой механизмъ приспособленъ такимъ образомъ, что можетъ совершенно свободно идти по какимъ бы то ни было узко или широко-колейнымъ путямъ. Излишне говорить, что повсюду на пути своего слѣдованія Русскій Царь былъ встрѣчаемъ самымъ восторженнымъ образомъ русскими войсками и мѣстнымъ начальствомъ.

25 мая въ началѣ втораго часа дня, при великолѣпной солнечной погодѣ Императорскій поѣздъ прибылъ въ Браиловъ. Здѣсь на изукрашенной станціи встрѣтили Государя Императора: Его Императорское Высочество главнокомандующій, великіе князья Владиміръ Александровичъ и Николай Николаевичъ младшій и герцоги Лейхтенбергскіе Николай и Сергій Максимиліановичи, начальникъ штаба дѣйствующей арміи, командиръ 11-го арменскаго корпуса князь Шаховской со штабомъ. Браиловское начальство русскихъ войскъ, мѣстныя румынскія власти, городскіе представители, духовенство и громадныя толпы народа. Якутскій пѣхотный полкъ въ бѣлыхъ гимнастическихъ сорочкахъ и съ бѣлыми чехлами на шапкахъ, былъ

выстроенъ безъ оружія вдоль станціи, по обѣимъ сторонамъ пути, а далѣе стояли люди 5-ой батареи 11-й артиллерійской бригады, тѣ самые, что огнемъ своихъ четырехъ легкихъ пушекъ 21 апрѣля положили начало нашимъ военнымъ дѣйствіямъ и заставили два турецкіе монитора отступить съ урономъ далеко въ Мачинскій рукавъ. За все царствованіе Государя Императора, Якутскій полкъ до сего раза никогда еще не имѣлъ счастія представляться Его Императорскому Величеству. Между прочимъ Его Величеству благоугодно было замѣтить, что Селенгинскому и Якутскому полкамъ—судьба сражаться совмѣстно съ моряками: такимъ образомъ оба они преимущественно дрались въ Севастополѣ, такимъ же образомъ начали и нынѣ Дунайскую компанію. На платформѣ, у входа въ станціонную залу, были выстроены матросы Гвардейскаго и Черноморскаго экипажей, числомъ около 45 человѣкъ, участники взрыва втораго турецкаго монитора, а также четверо гальванеровъ, работавшихъ на шлюпкахъ при минномъ загражденіи Мачинскаго рукава.

Каждый изъ нихъ былъ украшенъ знакомъ отличія военнаго ордена и впереди ихъ выстроились офицеры, получившіе награды за подвиги подъ Браиловымъ. Здѣсь стояли Георгіевскіе кавалеры, лейтенанты: Дубасовъ и Шестаковъ; кавалеры ордена Св. Владиміра 4-й степени съ мечами: Румынской службы маіоръ Муржеско и лейтенантъ Петровъ; кавалеры ордена Св. Анны 3-й степени съ мечами, мичманы: Персинъ и Баль, генералъ маіоръ Боресковъ, завѣ-

дывающіи минными работами въ дѣйствующей арміи, капитанъ 1-го ранга Рогуля и адъютантъ Его Высочества главнокомандующаго, полковникъ Струковъ, получившіе золотое оружіе за храбрость, и другіе.

Государь Императоръ подошелъ къ нимъ съ радостнымъ лицомъ, видимо тронутый изъявленіями того неудержимаго восторга, который проявлялся въ кликахъ войска и народа.

Поздоровавшись съ нижними чинами, Георгіевскими кавалерами, Его Императорское Величество изволилъ подойти къ награжденнымъ офицерамъ, каждому изъ нихъ по очереди подалъ свою руку и каждому сказалъ по нѣскольку ласковыхъ, высокомилостивыхъ словъ, относившихся къ личнымъ заслугамъ этихъ офицеровъ. Эта минута, когда одинъ изъ могущественнѣйшихъ Императоровъ въ мірѣ, въ виду своихъ воиновъ и чужеземныхъ людей, чающихъ отъ Его Державной Воли свое освобожденіе, протягивалъ Царственную руку отличившимся офицерамъ и благодарилъ ихъ за службу и самоотверженные подвиги — эта прекрасная минута во всей ея простотѣ была исполнена высокой торжественности и глубоко нравственнаго значенія для военнаго времени.

Русскіе люди, жившіе въ Браиловѣ, поднесли Его Императорскому Величеству хлѣбъ—соль, а болгарскія, румынскія и греческія женщины и дѣвушки бросали къ ногамъ Государя цвѣты и букеты.

Черезъ полчаса Императорскій поѣздъ отошелъ отъ Браиловской станціи при восторженныхъ крикахъ войска и народа. Въ тотъ же день, 25 мая, съ шести

часовъ вечера зала и платформа на желѣзнодорожной станціи въ Плоешти быстро начали наполняться массой разнородныхъ посѣтителей. Тутъ присутствовали заранѣе прибывшіе въ главную квартиру лица Императорской свиты, адъютанты: Государя Наслѣдника Цесаревича, главнокомандующаго и Великаго Князя Владиміра Александровича, полевой штабъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанты, состоящіе при особѣ князя Карла, префектъ города Плоешти съ депутаціей отъ мѣстныхъ жителей и 75 человѣкъ болгарскихъ депутатовъ отъ всѣхъ городовъ Молдо-Валахіи, гдѣ только проживали болгары, съ настоятелемъ Букурештской болгарской церкви и митрополитомъ всего болгарскаго духовенства въ Румыніи Понаретомъ Рашевымъ, воспитанницы Плоештинскаго городскаго училища съ букетами и наконецъ, въ залѣ мѣстное духовенство въ полномъ облаченіи съ крестомъ и св. водой, имѣя во главѣ своей Плоештинскаго соборнаго протоіерея Константина Болинтинено, архимандрита Кануднрошанскаго монастыря «старца» Тимоѳея и архимандрита Тымылдуирскаго монастыря «старца» Ювеналія; тутъ же находились и представители иностранныхъ армій: Германской, Австрійской, Румынской, Французской, Датской, Шведской и пр. Почетный караулъ, выстроенный вдоль платформы, занимала рота 3-й дружины Болгарскаго ополченія, посреди ея строя развѣвалось красное знамя, присланное городомъ Самарой въ даръ болгарскому воинству. На лѣвомъ флангѣ стояли ординарцы отъ почетнаго караула: офицеръ, унтеръ-офицеръ и рядовой—мо-

лодецъ Болгаринъ, украшенный Сербскою серебряною медалью «за храбрость», а также и хоръ музыки 5-го сапернаго баталіона. Обѣ депутаціи, какъ румынская, такъ и болгарская приготовили хлѣбъ — соль на серебряныхъ блюдахъ и адресы.

На Болгарскомъ блюдѣ вырѣзана была слѣдующая надпись: «Возвеселихомся вси уповающіи на Тя и похвалимся о Тебѣ любящіи имя Твое. Великому Государю Царю Александру В. (II), державному заступнику за Болгарскій народъ—пребывающи ти въ Румыніи Болгаре маія 1877 г.

Станція и внѣ и внутри была изукрашена русскими и румынскими флагами, гирляндами изъ зелени, цвѣтами и вензельными щитами. Городъ также былъ убранъ флагами. На всемъ протяженіи пути отъ желѣзной дороги до дома, въ коемъ изволилъ занять помѣщеніе Государь Императоръ, стояли шпалерами безъ оружія войска: болгарскіе баталіоны, пѣшій конвой главнокомандующаго, избранный изъ всѣхъ пѣхотныхъ частей дѣйствующей арміи, лейбъ-гвардіи сводный казачій полкъ и часть собственнаго Его Величества конвоя.

Почетный караулъ у дворца выставленъ былъ со штандартомъ имени Терскаго конвойнаго эскадрона. Массы народа покрывали тротуары, занявъ окна, балконы, веранды и терассы. На одной изъ улицъ устроена была арка изъ зелени и флаговъ.

Въ 7 часовъ 50 минутъ вечера подошелъ къ станціи Императорскій поѣздъ, доставленный румынскимъ локомотивомъ, на которомъ былъ укрѣпленъ среди

зелени и флаговъ щитъ съ русскимъ государственнымъ гербомъ. Тотчасъ же на обширномъ окрестномъ пространствѣ разлилось «ура» вмѣстѣ съ звуками русскаго народнаго гимна. Государь Императоръ по выходѣ изъ вагона, изволилъ прослѣдовать по фронту почетнаго караула и принять ординарцевъ, а затѣмъ и депутацію, при чемъ владыка Попаретъ Рашевъ прочелъ Болгарскій адресъ и благословилъ Государя иконой св. Царя Константина и матери его Елены, къ которой Его Величество приложился, сотворивъ крестное знаменіе. При поднесеніи хлѣба—соли, Болгары дружно грянули самое восторженное «живіо», духовенство румынское встрѣтило Государя заздравною литіей и многолѣтіемъ, а воспитанницы городскаго училища поднесли букеты. При слѣдованіи по улицамъ города, дамы съ изукрашенныхъ балконовъ кидали вѣнки и букеты. Вечеромъ всѣ окна обывательскихъ домовъ были иллюминованы и долго еще въ разныхъ концахъ города, раздавалась музыка и радостныя румынскія и болгарскія пѣсни.

26 мая, ранѣе полудня, Его Императорское Величество изволилъ принимать у себя князя Карла и представлять ему свою свиту, при чемъ Государь Императоръ и всѣ присутствующія лица Императорской фамиліи имѣли на себѣ цѣпь ордена Гогенцолернскаго дома. Въ началѣ перваго часа дня Его Величество выѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, Великихъ князей: Николая Николаевича старшаго, Владиміра и Сергія Александровичей, Николая Николаевича младшаго,

князя Карла, герцоговъ Лейхтенбергскихъ Николая и Сергія Максимиліановичей, министровъ двора, военнаго и шефа жандармовъ и многочисленной свиты и изволилъ смотрѣть только что прибывшую въ Плоешти часть конвоя главной Императорской квартиры. Впереди, шелъ справа по три лейбъ-гвардіи Кубанскій казачій эскадронъ, за нимъ, по отдѣленіямъ, сводная гвардейская рота, потомъ взводъ гвардейскихъ саперъ, команда пѣшей артиллеріи и, наконецъ, сводный полуэскадронъ всѣхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Появленіе нашихъ рослыхъ и красивыхъ молодцовъ гвардейскихъ видимо сдѣлало очень пріятное впечатлѣніе на массу горожанъ—зрителей. Въ часъ дня Его Величество изволилъ посѣтить неподалеку отъ дворца, въ саду одного частнаго владѣльца, бивуакъ сводной гвардейской роты.

27 мая Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича, Великаго Князя Главнокомандующаго и прочихъ особъ Высочайшей фамиліи изволилъ отправиться въ Букурештъ, куда и прибылъ въ полдень. Трудно изобразить достаточно яркими красками тотъ восторгъ, которымъ весь Букурештъ привѣтствовалъ своего Царственнаго Гостя. Изъявленіе радости и привѣтствій начались еще съ дороги, гдѣ на одной изъ промежуточныхъ станцій столпилась у Императорскаго вагона многочисленная группа мѣстныхъ поселянъ, *въ яркихъ праздничныхъ костюмахъ*.

Здѣсь были мужчины и женщины, старики, дѣвушки и дѣти, и всѣ они съ радостными криками

простирали впередъ свои руки съ букетами полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. Что за восторгъ благоговѣнія и благодарности сіялъ на этихъ характерныхъ, бронзово-загорѣлыхъ лицахъ взрослыхъ, и какая радость, смѣшанная съ любопытствомъ выражалась на миловидныхъ личикахъ мальчиковъ и дѣвочекъ, когда всѣ они, и старъ и младъ, увидали, что Русскій Царь, о которомъ у нихъ еще отъ прадѣдовскихъ временъ живутъ такія разсужденія и радужныя легенды, самъ воочію стоитъ передъ ними, самъ даритъ ихъ такою привѣтливою улыбкою и собственноручно принимаетъ отъ каждаго изъ нихъ букеты съ выраженіемъ своей царственной благодарности. Всѣхъ букетовъ было подано болѣе пятидесяти.

Едва Императорскій поѣздъ подошелъ къ станціи, подъ сводами въ широкой галереѣ торжественно раздались звуки: «Боже Царя храни» и золотой Румынскій орелъ на красивомъ штандартѣ почетнаго караула отъ 2-го гусарскаго полка склонился предъ вышедшимъ Императоромъ. Князь Карлъ въ русскихъ орденахъ, вмѣстѣ съ княгинею Елизаветой, встрѣтили Государя при самомъ выходѣ изъ вагона. Ихъ окружали придворныя дамы, румынскіе генералы, личные адъютанты и министры. Его Величество, поздоровавшись, подалъ княгинѣ руку, и вмѣстѣ съ ея высочествомъ прошелъ вдоль фронта почетнаго караула.

Тутъ же присутствовали члены русскаго генеральнаго консульства и нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ, находящихся въ Букурештѣ. Предъ входомъ въ залу

выступилъ впередъ находившійся во главѣ членовъ Румынской камеры народныхъ представителей президентъ собранія г. Коссетъ и произнесъ по-французски привѣтственное слово: «Государь, сказалъ онъ въ заключеніи, позвольте свободной Румыніи широко раскрыть свои дворы предъ Ея Освободителемъ». Представители города, вмѣстѣ съ привѣтственными словами поднесли Его Величеству хлѣбъ—соль. Таковые же были поднесены отъ представителей Румынскаго духовенства и Букурештскаго болгарскаго общества, привѣтственный адресъ, который былъ прочтенъ съ особымъ вниманіемъ Государемъ Императоромъ. Митрополитъ въ полномъ облаченіи далъ Его Величеству приложиться къ Кресту и Евангелію, а остальное духовенство пропѣло своя тропарь. Въ роскошно убранномъ покоѣ Князь Карлъ представилъ Государю всю свою свиту, министровъ, сенаторовъ и депутатовъ Румынской камеры, а въ коридорѣ члены мѣстнаго общества Русскихъ раскольниковъ встрѣтили Его Величество хлѣбомъ-солью и поднесли образъ св. Николая Чудотворца.

Выйдя на подъѣздъ, Государь Императоръ посадилъ въ парадное ландо княгиню Елизавету и самъ изволилъ сѣсть рядомъ съ ея высочествомъ, а на переднемъ сидѣньи помѣстились Великіе Князья Владиміръ и Сергій Александровичи, въ слѣдующимъ ландо сѣли: Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Его Высочествомъ Главнокомандующимъ и Княземъ Карломъ, за тѣмъ Великій Князь Николай Николаевичъ младшій съ герцогами Лейхтенбергскими и далѣе нашъ Го-

сударственный канцлеръ, министръ Двора и военный, шефъ-жендармовъ, дежурные генералъ-адъютанты, свиты генералъ маіоры, два флигель-адъютанта и остальныя лица немногочисленной русской свиты. Улицы до такой степени были переполнены массами ликующаго народа, что царственный поѣздъ не могъ двигаться иначе какъ шагомъ. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ и изукрашенъ: повсюду красивыя арки, гирлянды, русскіе и румынскіе флаги, гербы, вензеля, дорогія ковры и ткани; окна и балконы сплошь унизаны дамами и оттуда сыпался къ ногамъ Государя цѣлый дождь гирляндъ цвѣтовъ и букетовъ, такъ что все ландо было переполнено ими. Многіе изъ букетовъ, падая съ высоты, разсыпали вокругъ себя множество легкихъ блестокъ, золотыхъ и серебряныхъ, которыя, словно бриллiантовыя слезинки, сверкая плавали въ воздухѣ.

Противъ княжескаго дворца, у главной гауптвахты, стоялъ другой почетный караулъ отъ баталіона стрѣлковъ со знаменемъ и хоромъ музыки. По отданіи чести стрѣлки были пропущены мимо Его Величества церемоніальнымъ маршемъ и прошли стройно, отчетливо молодцами. Наружный видъ и военная выправка ихъ, какъ и вообще регулярныхъ румынскихъ войскъ, благодаря германскимъ инструкторамъ, вызваннымъ сюда нѣсколько лѣтъ назадъ княземъ Карломъ, вполнѣ хороша. Тотчасъ же послѣ церемоніальнаго марша, Государь Императоръ изволилъ войдти въ княжескій дворецъ, гдѣ уже былъ приготовленъ завтракъ.

Его Величество и прибывшіе въ Букурештъ члены Императорскаго дома съ княземъ и княгинею имѣли столъ особо, въ верхнемъ помѣщеніи дворца, а русская и румынская свиты въ нижней столовой, гдѣ завтракали и придворныя дамы. Во время стола были провозглашены два тоста: первый министромъ иностранныхъ дѣлъ Когальничеано за здоровье Государя Императора и процвѣтаніе Россіи, а второй княземъ А. М. Горчаковымъ за здоровье князя Карла и княгини Елизаветы и за процвѣтаніе ихъ арміи.

Послѣ завтрака, Его Императорское Величество изволилъ отправиться на вокзалъ желѣзной дороги, сопровождаемый столь же сильнымъ восторгомъ народа, какъ и при встрѣчѣ и въ началѣ третьяго часа дня отбылъ изъ Букурешта въ Плоешти.

16 Іюня Государь со свитой переѣхалъ въ Зимницу. На другой день утромъ въ 11 часовъ Онъ прибылъ къ госпиталю и пошелъ по палаткамъ, при чемъ спрашивалъ каждаго раненаго, чѣмъ и какъ онъ раненъ. Выходя Государь благодарилъ людей.

— Спасибо вамъ, молодцы!

— Ради стараться Ваше Императорское Величество! отвѣчали солдаты.

— Богъ съ вами, поправляйтесь!

— Постараемся, Ваше Императорское Величество!

— Да ужъ вы, кажется, постарались! Они говорятъ постараемся, обратился Государь къ окружавшимъ Его лицамъ, ужъ, кажется, они постарались!

Одинъ раненый гвардеецъ спалъ. Проснувшись онъ увидѣлъ Государя.

— Я шестерыхъ закололь, Ваше Императорское Величество, а на седьмомъ меня ранили и ужь не могъ.

Другой солдатикъ Волынскаго полка показывалъ, что у него всѣ 30 патроновъ остались.

— Это ты показываешь, что у тебя патроны остались, какъ Драгомировъ приказывалъ? замѣтилъ Государь.

Многіе, въ особенности офицеры, были тяжело ранены, нѣкоторымъ изъ раненыхъ дѣлали перевязки— доктора говорили, что нельзя довольно удивляться терпѣнію людей. Невозможно было смотрѣть на раненыхъ въ голову, двоихъ безпрестанно сводили судороги.

Тутъ же лежалъ и штабсъ-капитанъ Волынскаго полка Бряновъ. Онъ страдалъ страшно, къ нему нельзя было прикоснуться.

— Ты очень страдаешь? спросилъ его Государь.

— Да, Ваше Величество, дайте руку поцѣловать! отвѣчалъ Бряновъ.

— Нѣтъ, дай я тебя поцѣлую! отвѣчалъ Государь, цѣлуя этого героя-мученика.

Обойдя всѣхъ, Государь вышелъ.

— Что за люди! Ни одной жалобы, ни одной просьбы! Одно только у всѣхъ желаніе, одно стремленіе: поскорѣе въ полкъ, чтобы идти на непріятеля! замѣтилъ Онъ.

Оттуда отправился онъ къ мѣсту переправы черезъ Дунай: съ Государемъ-Наслѣдникомъ и Великими князьями сѣлъ онъ на понтонъ, управляемый лейтенантомъ Павловымъ съ командою матросовъ съ собствен-

наго катера Его Величества. На носу понтона развѣвался штандартъ собственнаго Его Величества конвоя.

Великій князь Главнокомандующій выстроилъ гвардейскую роту на высотѣ вдоль берега и всталъ съ начальникомъ штаба генераломъ Драгомировымъ и своею свитою на флангѣ. Когда Государь сталъ подъѣзжать къ только что взятому съ боя Его войсками Болгарскому берегу, Главнокомандующій вмѣстѣ со всѣми снялъ фуражку и грянули: *«ура!»* Его подхватила гвардейская рота и только что перешедшія войска 31-й дивизіи, стоявшія по окрестнымъ высотамъ.

Подъѣзжая Государь всталъ, снялъ фуражку и крикнулъ *ура!* Царское *ура* было дружно подхвачено людьми на водѣ, въ понтонахъ, на баржахъ и на пароходѣ Тудера. Громомъ пронесся этотъ восторженный крикъ въ воздухѣ. Да и было чего кричать: Русскій Царь вступалъ на другой день послѣ переправы на берегъ освобождаемой имъ страны.

Выходя Государь оперся на руку Главнокомандующаго, обнялъ его, и затѣмъ далъ георгіевскій крестъ 3-й степени генералу Драгомирову. Потомъ Государь подошелъ къ гвардейской ротѣ, принялъ рапортъ и благодарилъ людей за молодецкую службу, затѣмъ сѣлъ верхомъ и въ сопровожденіи Главнокомандующаго и свиты поѣхалъ благодарить храбрые полки 14 дивизіи, поставленные шпалерами вдоль углубленія дороги въ Систово. Солдаты кричали *ура*, бросали вверхъ шапки и держали ихъ на штыкахъ. Это были люди той же 14 дивизіи, которая съ такимъ воодушевленіемъ приняла поздравленіе съ походомъ въ памятный день 12

апрѣля, въ Кишиневѣ. Полки на дѣлѣ доказали и поддержали свою упроченную въ прежнія войны славу и сослужили службу, когда она была съ нихъ спрошена.

На полдорогѣ встрѣтилъ Государя генералъ Радецкій, который и былъ пожалованъ Георгіемъ 3-й степени.

У Систова Государь былъ встрѣченъ жителями и духовенствомъ съ крестомъ и Евангеліемъ. Государь приложился и приказалъ слѣдовать въ соборъ. На улицѣ женщины посыпали путь цвѣтами, въ соборѣ пропѣли многолѣтіе, народъ кричалъ *ура* и хлопалъ въ ладоши. Изъ собора Государь поѣхалъ въ домъ, занятый камандиромъ 8 корпуса, генераломъ Радецкимъ. Позавтракавъ у него, Государь возвратился изъ Систова въ Зимницу.

17 Іюня въ 3 часа пополудни Государь приказалъ отслужить благодарственное молебствіе за дарованную побѣду надъ Турками; для этого приказано было 12 корпусу и болгарскимъ дружинамъ собраться къ назначенному часу и выстроиться кругомъ кургана церковному параду. Военное духовенство 12 корпуса и болгарскихъ дружинъ въ числѣ 11 священниковъ и одного архимандрита болгарина заняло свои мѣста и лишь Государь объѣхалъ фронтъ войска, взошелъ на курганъ и сталъ на разостланный для него коверъ, начался благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ. Пѣли офицеры полковъ корпуса. Во время чтенія Апостола Государь подошелъ къ благочинному и приказалъ ему послѣ многолѣтія Царствующему дому, возгласить вѣчную память воинамъ, пав-

нимъ на полѣ брани. Когда была провозглашена *вѣчная память*, Государь первый изъ всѣхъ молившихся сталъ на колѣни и со слезами на глазахъ молился объ упокоеніи душъ своихъ павшихъ воиновъ. Масса войскъ, болѣе тридцати тысячъ, послѣдовала примѣру Монарха, и колѣнопреклоненная, вмѣстѣ съ Нимъ молилась о своихъ павшихъ товарищахъ. На многихъ загорѣлыхъ и запыленныхъ лицахъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, видны были слезы. По окончаніи молебна и окропленіи святою водою, стоявшихъ впереди передъ курганомъ гвардейцевъ, предназначенныхъ къ награжденію Георгіевскимъ крестомъ за участіе въ переправѣ и взятіе берега, началась самая раздача крестовъ.

Государь раздавалъ кресты лично каждому, каждому сказалъ по нѣсколько словъ благодарности, каждаго удостоилъ поцѣлуя.

Когда кресты были розданы, Государь приказалъ кавалерамъ взойти на курганъ и скомандовалъ всѣмъ войскамъ.

— Новымъ георгіевскимъ кавалерамъ честь отдать, баталіоны на плечо! и взявъ подъ козырекъ, вмѣстѣ со всею массою войскъ провозгласилъ имъ *ура!*

— Жалѣю, провозгласилъ Государь, когда окончились крики, жалѣю, что не могу видѣть и лично благодарить и наградить храбрецовъ, которые на томъ берегу. Поѣзжай, обратился Онъ къ одному изъ членовъ свиты, на ту сторону и скажи, что мы здѣсь горячо молимся за ихъ павшихъ товарищей!

Въ эти минуты особенно великъ былъ Царь Русскій и истинно достоинъ былъ подобнаго Царя Его народъ.

И дѣйствительно дорого купили славянскіе народы, стенавшіе подъ турецкимъ игомъ, свободу и независимость: за нихъ пролито много крови и въ струяхъ ея потоковъ—кровь роднаго племянника русскаго Государя! Освобожденная Болгарія замощена костьми русскихъ героевъ, изборождена ихъ могилами.

По тѣмъ тягостямъ, съ которыми была сопряжена война съ Турціей въ 1877—78 годовъ, она почти безпримѣрна въ военныхъ лѣтописяхъ: борьба съ врагомъ осложнялась борьбою съ природою. Переходъ черезъ Балканы напоминаетъ намъ подвиги Суворовскихъ дружинъ на Альпійскихъ высотахъ! Помимо войны регулярной, мы боролись съ превосходящимъ всякое воображеніе варварствомъ, доказавшимъ всему міру, что турки XIX столѣтія тѣже, какими они были и въ XVI, не усвоили они себѣ, находясь въ числѣ европейскихъ державъ, понятій ни о правахъ человѣчества, ни о чести народной...

Привѣтъ и безпредѣльное сочувствіе всего народа Русскаго встрѣтило день двадцатипятилѣтней годовщины восшествія на престолъ Царя-Освободителя и страшное безконечное горе при вѣсти о Его страдальческой, мученической кончинѣ.

IX.

Судъ и кара надъ преступниками.

Преступленіе, совершенное 1-го марта, должно было быть наказано. Народная совѣсть не могла оставаться неудовлетворенной, она требовала отмщенія за поруганное злодѣями самое дорогое, самое священное для русскаго имя, за убійство Царя — Царя не бывалаго еще на Руси по своимъ личнымъ качествамъ.

Россія не могла равнодушно сносить сознанія, что злодѣи, посягнувшіе на жизнь Государя, живутъ еще на родной почвѣ; нуженъ былъ судъ и судъ скорый, народное горе требовало быстраго удовлетворенія.

И этотъ день суда насталъ. 26 марта съ 10 часовъ утра начался впускъ въ залъ суда, гдѣ долженъ былъ произнестись приговоръ надъ преступниками. Впускались только лица, имѣвшія билеты, при чемъ былъ установленъ строжайшій контроль. Самый залъ, назначенный для суда, принялъ совершенно другой видъ. При входѣ въ него обращаетъ на себя прежде всего вниманіе во весь ростъ портретъ почившаго Государя. Рама портрета совершенно закрыта траурною драпировкой.

Столъ для вещественныхъ доказательствъ примыкаетъ непосредственно къ судейскому столу. Напро-

тивъ скамьи подсудимыхъ отведены мѣста для высокопоставленныхъ лицъ.

Передъ началомъ засѣданія въ залъ вошелъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.

Ровно въ 11 часовъ вошелъ судъ, первоприсутствующимъ коего былъ сенаторъ Фуксъ, затѣмъ пять сенаторовъ и четыре сословныхъ представителя.

Когда были заняты мѣста, первоприсутствующій сдѣлалъ распоряженіе о вводѣ подсудимыхъ. Вниманіе всѣхъ было привлечено той дверью, въ которую должны были войти преступники. Наконецъ дверь отворилась, и они, конвоируемые жандармами, показались въ залѣ суда. Первымъ вошелъ Рысаковъ, бросившій первый снарядъ подъ карету Государя. Это юноша на видъ не болѣе двадцати лѣтъ, бѣлобрысый, волосы откинуты назадъ, лобъ большой, лицо напоминаетъ собою калмыцкое, маленькіе глаза сидятъ глубоко, носъ широкій, росту средняго, держитъ себя просто, на лицѣ выраженіе полнѣйшаго равнодушія.

За нимъ слѣдовалъ Михайловъ, человѣкъ почти атлетическаго роста и сложенія, блондинъ, волосы длинные, спадаютъ на лобъ, лицо не выразительное, держится прямо, постоянно разглаживаетъ едва пробивающіеся усы, во всей фигурѣ замѣтна постоянная подвижность.

Затѣмъ вошла Гесе-Гельфманъ, молодая, небольшаго роста, некрасивая женщина, лицо съ мелкими чертами, еврейскаго типа, крайне не симпатичное; густые, черные волосы собраны на затылкѣ, небольшой лобъ,

нѣсколько вздернутый носъ; хотя ей и двадцать съ небольшимъ лѣтъ, но измятое, поношенное лицо дѣлаетъ ее значительно старше.

Четвертый Кибальчичъ, это брюнетъ съ выразительнымъ лицомъ, на видъ лѣтъ около тридцати, постоянно покручиваетъ небольшіе усы.

Главная двигательница, если можно такъ выразиться, преступленія, Перовская, небольшаго роста блондинка, съ мелкими чертами лица, ей 27 лѣтъ, но на видъ кажется моложе.

Наконецъ, подобно Перовской, двигатель преступленія Желябовъ на видъ старше всѣхъ, онъ высокаго роста, съ темнорусою окладистою бородой и большими усами, съ выразительными чертами лица, производитъ впечатлѣніе человѣка съ рѣшительнымъ характеромъ.

По вводѣ преступниковъ и прочтеніи обвинительнаго акта предсѣдательствующій обратился къ нимъ съ обычными формальными вопросами. Прежде всѣхъ вопросъ предложенъ былъ Рысакову.

Подсудимый Рысаковъ, обратился къ нему предсѣдательствующій, вы обвиняетесь, вопервыхъ, въ томъ, что принадлежали къ тайному сообществу, называвшему себя русскою соціально-революціонною партіей, имѣющею цѣлью ниспровергнуть существующій въ Россійской Имперіи государственный и общественный строй путемъ насильственнаго переворота и предпринявшей для достиженія этой цѣли рядъ посягательствъ на жизнь священной особы Его Величества Государя Императора Александра Николаевича, рядъ

убійствъ и покушеній, на убійства должностныхъ лицъ и вооруженныхъ сопротивленій законнымъ властямъ; во вторыхъ, въ томъ, что принадлежа къ этому сообществу и дѣйствуя для достиженія его цѣлей, вошли въ соглашеніе съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя, во исполненіе каковаго соглашенія, завѣдомо для васъ: а) Изъ подвальной лавки въ домѣ графа Менгдена, на Малой Садовой улицѣ, былъ устроенъ подкопъ подъ означенную улицу съ зарядомъ для взрыва полотна на улицѣ при проѣздѣ Государя; б) 1 марта, при проѣздѣ Его Величества Государя Императора Александра Николаевича по набережной Екатерининскаго канала, были брошены два метательные взрывные снаряда, одинъ вами, другой вашимъ сообщникомъ, при чемъ послѣдствіемъ одного изъ взрывовъ, произведеннаго собственно вами, было причиненіе тяжкихъ пораненій разнымъ лицамъ, а послѣдствіемъ другаго взрыва, произведеннаго вашимъ сообщникомъ, причиненіе Государю Императору тяжкихъ пораненій, повлекшихъ за собой кончину Его Величества. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Виновность свою, отвѣчалъ на это Рысаковъ, въ принадлежности къ той соціально-революціонной партіи, признаки которой описаны въ предложенномъ мнѣ вопросѣ, я отрицаю. Я себя членомъ этой партіи *Народной Воли*, въ полномъ смыслѣ слова, не считаю. Въ преступленіи 1 марта я себя признаю виновнымъ. *Первоприсутствующій*: Въ виду сознанія вашего въ совершеніи преступленія 1 марта, я приглашаю васъ разъ-

яснить суду то различіе, которое вы дѣлаете между партіей, къ которой считаете себя принадлежащимъ, и тою партіей, отъ принадлежности къ которой вы отказываетесь. *Подс. Рысаковъ.* Я долженъ объяснить, что социально революціонному движенію, которое началось въ Россіи, сколько извѣстно, съ семидесятыхъ и даже съ шестидесятыхъ годовъ, я сочувствую. При этомъ я долженъ замѣтить, что есть двѣ партіи: партія *Народной Воли* и партія *Черного Передѣла*. Я отрицаю вполнѣ свою принадлежность къ партіи *Народной Воли* и полагаю, что къ ней можетъ примкнуть только тотъ, кто имѣетъ за собою какое либо революціонное прошлое; за мною этого революціоннаго прошлаго до настоящаго времени не имѣлось. Я, какъ социалистъ, имѣю отличное отъ партіи *Народной Воли* воззрѣніе. По моему взгляду, чистый социалистъ-революціонеръ долженъ воздерживаться отъ революціонной борьбы. Я скорѣе принадлежу къ партіи *Черного Передѣла*. На замѣчаніе первоприсутствующаго, что онъ уклоняется отъ вопроса, Рысаковъ, говоря крайне тихо и невнятно, заявилъ: Во время каникулъ я имѣлъ случай убѣдиться въ несчастіи народа, происходившемъ отъ разныхъ бѣдствій, какъ напримѣръ отъ сибирской язвы, истребленія хлѣба жучкомъ. Въ это время я познакомился съ членомъ партіи Желябовымъ, который обѣщалъ мнѣ содѣйствіе къ тому, чтобы я могъ имѣть болѣе широкое поле дѣятельности въ средѣ рабочаго народа и ввелъ меня въ агитаціонную группу. Сколько мнѣ извѣстно, Желябовъ организовалъ террорическіи от-

дѣлъ и впослѣдствіи сообщилъ мнѣ, что исполнительный комитетъ замышляетъ новое покушеніе на жизнь Государя. Сначала общія разсужденія объ этомъ велись у меня, на квартирѣ Ермолиной; потомъ собрались въ Троицкомъ переулкѣ разъ или два, гдѣ Желябовъ кликнулъ кличъ. Затѣмъ Желябовъ пригласилъ въ квартиру на Телѣжную улицу, которая была устроена исключительно для совѣщаній по сему предмету и называлась конспиративною квартирой. Здѣсь велись разговоры уже болѣе точно; тутъ Кибальчичъ читалъ лекціи по устройству снарядовъ и приспособленій къ нимъ. На этой квартирѣ опытовъ не производилось, чтобы не привлечь вниманія; сжигался только стапинъ. Когда кто нибудь приходилъ въ квартиру, то отворяли хозяева и провожали приходившихъ въ угловую комнату; тутъ никакихъ приспособленій къ снарядамъ и никакихъ метательныхъ снарядовъ не было, кромѣ вещей, принесенныхъ техникомъ. Самая проба снарядовъ была сдѣлана за Смольнымъ монастыремъ, въ пустынномъ мѣстѣ. Послѣ этой пробы, въ воскресенье, 1 марта, мы собрались въ квартирѣ на Телѣжной улицѣ утромъ часовъ въ 9—10. Перовская принесла снаряды, начертила планъ дѣйствія. Снарядовъ было четыре. Этотъ планъ дѣйствія состоялъ въ томъ, что четверо изъ участниковъ должны были находиться во время проѣзда Государя въ трехъ различныхъ мѣстахъ, но при этомъ Перовская не объясняла всѣхъ подробностей. Если бы взрыва на Малой Садовой не произошло, то намъ надо было идти на Михайловскую ули-

цу и Екатерининскій каналъ. При этомъ я долженъ сказать, что о подкопѣ на Малой Садовой и о другихъ приготовленіяхъ я не зналъ, такъ какъ не считали возможнымъ посвящать меня въ эти подробности. Когда я встрѣтился на улицѣ съ Перовскою, она подала мнѣ условный знакъ, сморкаясь въ платокъ, что означало, что мнѣ нужно идти на Екатерининскій каналъ. Здѣсь я встрѣтилъ карету Государя и бросилъ снарядъ. Что касается приписываемыхъ мнѣ въ обвинительномъ актѣ словъ: «еще слава ли Богу?» то я не помню, говорилъ ли это. Если сказалъ, то совершенно несознательно. Въ заключеніе, отвѣчая на вопросы первоприсутствующаго, Рысаковъ подтвердилъ прежнія объясненія о предшествовавшихъ злодѣянію 1 марта совѣщаніяхъ въ Троицкомъ переулкѣ и на Тележной улицѣ, а также объ отношеніи къ злодѣяніямъ Гельфманъ и Михайлова.

На предложенный первоприсутствующимъ подсудимому Тимоѳею Михайлову вопросъ о его виновности, согласно выводамъ изъ обвинительнаго акта, Михайловъ отвѣчалъ: «Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что принадлежу къ русской соціально-революціонной партіи, которая принадлежитъ къ террористическому направленію, но все остальное я отрицаю. Я подтверждаю лишь, что принадлежу къ той партіи, которая защищаетъ среду рабочихъ, потому что я самъ человѣкъ рабочій; признаю, что я сопротивлялся властямъ, чтобы не отдавать себя даромъ. Въ этомъ я признаю себя виновнымъ, а что было на Садовой и 1 марта на Екатерининскомъ каналѣ, въ этомъ я не

признаю себя виновнымъ; потому я признаю все показанiе Рысакова ложнымъ. Ну, а теперь что меня побудило къ этой социально-революцiонной партiи принадлежать, то я хотѣлъ бы коснуться моей бiографiи, то есть разсказать мою жизнь». Далѣе подсудимый сталъ излагать обстоятельства своей жизни съ малыхъ лѣтъ, съ подробностями, по поводу которыхъ первоприсутствующiй ему замѣтилъ, что онѣ къ дѣлу не относятся. Когда Михайловъ заявилъ, что онъ, познакомившись на общественныхъ сходкахъ съ потребностями крестьянъ, узналъ, сколько съ крестьянъ требуется всѣхъ расходовъ, то первоприсутствующiй вновь ему указалъ, что онъ опять уклоняется отъ существа дѣла, говоритъ вещи, которыя для суда не имѣютъ значенiя. Затѣмъ первоприсутствующiй сталъ предлагать подсудимому вопросы. *Первоприс.* Когда вы работали въ Петербургѣ, сколько зарабатывали? *Подс. Михайловъ.* Я получалъ въ день 70—60 коп., получалъ и 30 коп. *Первоприсутствующiй.* Съ тѣхъ поръ, какъ вы перестали работать, вы чѣмъ жили? *Подсуд. Михайловъ.* Я жилъ безъ работы только одинъ мѣсяцъ, получалъ помощь отъ своего знакомаго Желябова. Я видѣлъ, что трудъ рабочаго поглощается капиталистомъ, который эксплоатируетъ рабочаго человѣка. Я не зналъ, какъ выйти изъ этого затруднительнаго положенiя; я думалъ, неужели рабочiй человѣкъ долженъ всегда существовать такъ, какъ существуетъ теперь. Когда я познакомился съ социальнымъ ученiемъ, я принялъ его сторону. Что меня побудило быть террористомъ?

Когда я развивалъ своихъ рабочихъ товарищей, предлагалъ дѣлать забастовки на заводахъ, группировалъ ихъ артели для того, чтобъ онѣ работали не на однихъ капиталистовъ, за мной поставили шпіоновъ. Вотъ тогда я отказался отъ заводской работы и заявилъ Желябову, что я буду террористомъ. Онъ меня прикомандировалъ къ группѣ, которая принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи, къ боевой дружинѣ, которая защищаетъ рабочаго человѣка. Къ ней я дѣйствительно принадлежу. *Сенаторъ Писаревъ.* Вы сказали, что принадлежите къ террорическому отдѣлу революціонной партіи: какія были средства этого террористическаго отдѣла? *Подсудимый Михайловъ.* Средствами было убіеніе шпіоновъ и избіеніе нелюбимыхъ рабочими мастеровъ, потому что я находилъ, что эти мастера предаютъ своихъ товарищей, какъ Іуда предалъ Спасителя, и эксплоатируютъ рабочаго человѣка больше всего. *Сенаторъ Писаревъ.* Такимъ образомъ вы не имѣли въ виду ни правительства, ни власти, вы только желали защитить рабочихъ? *Подсуд. Михайловъ.* Да защитить рабочихъ. Я желалъ сгруппировать рабочихъ въ артели и ассоціаціи.

Первоприсутствующій. Подсудимая Гельфманъ, вы обвиняетесь въ томъ, что принадлежа къ тому же тайному сообществу, которое называется «соціальною революціонною партіей», цѣли которой я описалъ въ предыдущихъ вопросахъ, и для достиженія этихъ цѣлей вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора, и при исполненіи таковаго

умысла вы завѣдывали, въ качествѣ хозяйки, конспиративными квартирами, которыя были устроены для надобностей сообщества; согласившись на преступленіе 1 марта, допускали въ своей квартирѣ совѣщанія, при чемъ вамъ было извѣстно о проведеніи подкопа на Малой Садовой. Признаете ли вы себя въ этомъ виновною? *Подсудимая Гельфманъ.* Я признаю себя виновною въ томъ, что по своимъ убѣжденіямъ принадлежу къ соціально революціонной партіи и раздѣляю программу партіи *Народной Воли.* Была хозяйкою конспиративной квартиры, на которой происходили собранія, но въ этихъ собраніяхъ я не участвовала и не принимала активнаго участія въ совершеніи преступленія 1 марта. При этомъ считаю долгомъ заявить, что у меня на квартирѣ, какъ въ собраніяхъ, бывшихъ до 1 марта, такъ и утромъ 1 марта, Тимоѳей Михайловъ не былъ.

Сдѣланъ перерывъ на полчаса.

По возобновленіи засѣданія.

Первоприс. Подсудимый Кибальчичъ, вы обвиняетесь въ томъ, что, принадлежа къ партіи тайнаго сообщества, называемой соціально-революціонной партіей, которую я описалъ въ первомъ вопросѣ, и дѣйствуя для достиженія ея цѣлей, вы пришли къ соглашенію съ наличными подсудимыми и другими лицами лишить жизни Государя Императора Александра Николаевича, во исполненіе каковаго умысла: 1) вы принимали участіе въ приготовленіяхъ ко взрыву 19 ноября 1879 года полотна желѣзной дороги близъ города Александровска, при проходѣ поѣзда, на ко-

торомъ слѣдовалъ Государь Императоръ, при чемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что необходимую для производства этого взрыва спираль Румкорфа вы доставили одному изъ главныхъ участниковъ этого преступленія, Андрею Желябову; 2) принимали участіе въ приготовленіяхъ къ совершенію въ томъ же 1879 году таковаго же взрыва полотна на Одесской желѣзной дорогѣ, по которой предполагался проѣздъ Государя Императора, при чемъ участіе ваше выразилось въ томъ, что вы хранили у себя всѣ нужные для совершенія этого преступленія снаряды и пріобрѣли и приспособили спирали Румкорфа; 3) изобрѣли, изготовили и приспособили четыре метательныхъ снаряда, изъ которыхъ два были употреблены въ дѣло, и однимъ изъ нихъ былъ произведенъ взрывъ, причинившій Его Величеству тяжкія пораненія, за которыми послѣдовала кончина Государя Императора. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Подс. Кибальчичъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на вопросъ, я позволю себѣ опредѣлить тѣ главныя задачи, которыя ставитъ себѣ та партія, къ которой я причисляю....

Первоприс. Для суда представляютъ дѣйствительный интересъ только ваши убѣжденія и задачи.

Тогда подс. Кибальчичъ подробно изложилъ въ связномъ разсказѣ стремленіе тайнаго общества, принявшаго наименованіе *Народной Воли*, и причины, которыя, по мнѣнію его, заставили лицъ соціалистическаго образа мыслей перейти отъ мирной пропаганды къ политической борьбѣ, выразившейся въ по-

слѣднее время въ террористической формѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: «Въ 1874 и 1875 годахъ, когда преобладающимъ настроеніемъ въ партіи явилось желаніе идти въ народъ, слиться съ народною массою, отречься отъ той среды, въ которой мы были воспитаны, я тоже сочувствовалъ и раздѣлялъ взгляды этого направленія. Вѣроятно, я бы осуществилъ свою задачу, если бы этому не помѣшалъ арестъ. Конечно, если бы не этотъ арестъ, если бы не строгія мѣры властей по отношенію къ дѣятелямъ, ходящимъ въ народъ, то я бы ушелъ въ народъ и былъ до сихъ поръ тамъ. Цѣли, которыя я ставилъ, были отчасти культурнаго характера, отчасти соціалистическаго, а именно: поднять умственный и нравственный уровень массы, развить общинные инстинкты и наклонности, которые существуютъ въ народѣ, до соціалистическихъ инстинктовъ и привычекъ. Я былъ остановленъ арестомъ. Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, такъ сказать, патріархально что ли къ дѣятельности партіи; то ни крови, ни бунта, конечно, теперь не было бы. Мы всѣ не обвинялись бы теперь въ цареубійствѣ, а были бы среди городскаго крестьянскаго населенія. Ту изобрѣтательность, которую я проявилъ по отношенію къ метательнымъ снарядамъ, я, конечно, употребилъ бы на изученіе кустарнаго производства, на улучшеніе способа обработки земли, на улучшеніе сельско-хозяйственныхъ орудій, и т. д.». Затѣмъ подсудимый заявилъ, что ему остается повторить сущность переданныхъ въ обвинительномъ актѣ обсто-

ятельствъ, и на предложеніе первоприсутствующаго подтвердить таковыя, показалъ: «Видя обостреніе борьбы правительства съ партіей и предвидя, что ей придется прибѣгать къ такимъ средствамъ, на которыя она раньше не рѣшалась, я рѣшился запастись тѣми техническими и химическими свѣдѣніями, которыя для этого нужны. Я перечелъ все, что могъ достать на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, касающееся литературы взрывчатыхъ веществъ; старался идти, такъ сказать, au courant науки по данному вопросу, и все время, когда велась эта борьба, пока являлась необходимость для партіи въ техническихъ свѣдѣніяхъ, я содѣйствовалъ въ этомъ отношеніи партіи. Такимъ образомъ я участвовалъ въ покушеніяхъ подъ Москвою, Александровскомъ и Одессою и вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ изготовленіи снарядовъ. Затѣмъ, пріѣхавъ въ Одессу, я занимался подготовленіемъ вещей, необходимыхъ для взрыва. О московскомъ покушеніи я только зналъ, что оно должно совершиться. Относительно александровскаго покушенія мое участіе ограничивалось доставленіемъ туда спирали, которая не пошла въ дѣло. Затѣмъ я переѣхалъ въ Петербургъ. Всякій разъ, когда являлась надобность приготовлять динамитъ, я участвовалъ въ этомъ. Но нужно замѣтить, что мое участіе въ террорической дѣятельности ограничивалось исключительно научною, техническою сферою. Я говорю это не для того, чтобы снимать съ себя часть обвиненія, а просто по чувству справедливости. Я не принималъ участія въ об-

сужденіи вопроса о томъ, какимъ образомъ произвести взрывъ и гдѣ и какіе люди будутъ въ этомъ участвовать. Мое участіе было чисто научное. Я даже не зналъ относительно взрыва 5 февраля, что такой взрывъ будетъ. Я принималъ участіе въ приготовленіи динамита для этого взрыва, но о самомъ взрывѣ и о формѣ его я узналъ только изъ газетъ. Точно также чувство справедливости побуждаетъ меня заявить, что въ изготовленіи метательныхъ снарядовъ, т. е. въ изобрѣтеніи идеи, въ приспособленіяхъ участвовалъ не я одинъ. Это была скорѣе коллективная работа.

Первоприс. Для суда необходимо знать, приготовляя динамитъ и снаряды, знали ли вы, что они предназначаются для этой цѣли?

Подс. Кибальчичъ. Да конечно, это не могло не быть мнѣ извѣстно, Я зналъ и не могъ не знать. Я долженъ повторить еще то, что сказалъ относительно своего участія въ минѣ на Малой Садовой. Я не принималъ тамъ участія въ подкопѣ, и вся моя задача ограничивалась научными техническими совѣтами и указаніями и затѣмъ устройствомъ запала, Такъ. я долженъ былъ рѣшить вопросъ, какое количество динамита въ минѣ на Малой Садовой должно быть употреблено для того, чтобы, во первыхъ, достигнуть предположенной цѣли, а во вторыхъ — не принести никакого вреда частнымъ лицамъ, которыя находились бы на тротуарѣ, а тѣмъ болѣе въ домахъ. Я обсуждалъ этотъ вопросъ и рѣшилъ, что употребленное количество динамита было, такъ сказать, ми-

нимальнымъ, которое необходимо для того, чтобы достигнуть цѣли и не принести ущерба частнымъ лицамъ...

Первоприс. По этому вопросу вы можете еще высказаться во время экспертизы.

Подс. Кибальчичъ. Я не зналъ, что буду имѣть этотъ случай, поэтому я и коснулся теперь. И такъ, относительно устройства мины, найма помѣщенія, назначенія туда людей, и т. п. — въ этомъ я не принималъ участія. Но за нѣсколько дней я узналъ, какой способъ предполагается и гдѣ, узналъ также и время—1 марта. Относительно метательныхъ снарядовъ я долженъ замѣтить еще слѣдующее. Я вмѣстѣ съ другими лицами былъ на опытѣ и затѣмъ, какъ выражается Рысаковъ, читалъ лекціи по устройству снарядовъ. Я дѣйствительно дѣлалъ указанія и дѣйствительно былъ на опытѣ, но считаю нужнымъ заявить, что той личности, которая называется Тимофеемъ Михайловымъ, не было ни на опытахъ, ни на чтеніи этихъ лекцій. Вообще я его ни разу не видалъ въ квартирѣ Гельфманъ.

Закончивъ допросъ Кибальчича, первоприсутствующій обратился къ подсудимой Перовской съ вопросомъ, признаетъ ли она себя виновной по предъявленнымъ къ ней обвиненіямъ. На это подсудимая Перовская отвѣчала: «Я признаю себя членомъ партіи *Народной Воли*» и агентомъ исполнительнаго комитета. Относительно взглядовъ, которыхъ придерживается партія *Народной Воли* и которыхъ придерживаюсь и я, въ дополненіе къ словамъ моего товарища

я замѣчу только одно: партія *Народной Воли* отнюдь не считаетъ возможнымъ навязывать какія бы то ни было учрежденія или общественныя формы народу и обществу и полагаетъ, что народъ и общество рано или поздно примутъ эти взгляды и осуществятъ ихъ въ жизни. Что касается до фактической стороны, то я дѣйствительно признаю, что по порученію исполнительнаго комитета, какъ его агентъ, принимала участіе и въ покушеніи подъ Москвою 19 ноября 1879 года, и въ покушеніи 1 марта нынѣшняго года. Относительно участвующихъ лицъ въ послѣднемъ событіи я могу заявить одно: Гельфманъ, какъ хозяйка конспиративной квартиры, какъ членъ партіи *Народной Воли*, вовсе не примыкала къ террористической дѣятельности партіи. Она занималась только распространеніемъ ея программы. Поэтому она не участвовала въ совѣщаніяхъ, которыя собирались для террористическихъ попытокъ, точно также вообще не знала о ходѣ террористической дѣятельности. Относительно подсудимаго Михайлова я должна сказать, что онъ точно также не принималъ участія въ терророрической дѣятельности партіи, не готовился въ метальщики и не былъ 1 марта на квартирѣ, гдѣ собственно рѣшался планъ дѣйствій. Слѣдовательно, въ этомъ фактѣ онъ не принималъ никакого участія.

Первоприс. Въ виду вашего сознанія, я приглашаю васъ изложить подробнѣе ваше фактическое участіе, какъ во взрывѣ 19 ноября, такъ и въ преступленіи 1 марта.

Подс. Перовская. Я могу только повторить свои показанія...

Первоприс. Вы подтверждаете ваши показанія въ томъ видѣ, какъ они изложены въ обвинительномъ актѣ?

Подс. Перовская. Да, за исключеніемъ только той части показанія, гдѣ говорится о томъ, какъ я объяснила, какимъ образомъ партія *Народной Воли* пришла къ террористической дѣятельности....

Первоприс. Нѣтъ, я говорю относительно фактической дѣятельности....

Подс. Перовская. Фактическую часть я вполнѣ подтверждаю.

Подсудимый Желябовъ на предложенный ему первоприсутствующимъ по выводамъ обвинительнаго акта вопросъ о виновности отвѣчалъ: Я признаю себя членомъ партіи *Народной Воли*, и эта принадлежность является слѣдствіемъ моихъ убѣжденій. Въ организаторскомъ же отношеніи я состою агентомъ исполнительнаго комитета. Такъ какъ убѣжденія партіи, ея цѣли и средства достаточно подробно изложены моими товарищами, Кибальчичемъ и Перовскою, то я остановлюсь главнымъ образомъ на второй половинѣ моихъ объясненій — на организаціи. Я долго былъ въ народѣ, работалъ мирнымъ путемъ, но вынужденъ былъ оставить эту дѣятельность по той причинѣ, на которую указалъ подсудимый Кибальчичъ. Оставляя деревню, я понималъ, что главный врагъ партіи народолюбцевъ-соціалистовъ — власти.

Первоприс. Я долженъ предупредить васъ, что я не могу допустить въ вашихъ объясненіяхъ такихъ выраженій, которыя полны неуваженія къ существу-

ющему порядку управленія и къ власти, закономъ установленной. Вы можете высказывать ваши убѣжденія, несогласныя съ закономъ, но высказывайте ихъ въ такой формѣ, которая дала бы возможность васъ выслушать.

Подс. Желябовъ. Я это признаю. Какъ человѣкъ, изъ народа вышедшій, для народа работавшій, я такъ понималъ выгоду отъ политической борьбы.

Первоприс. Для суда не нужно знать теоріи; суду нужно знать ваши личныя отношенія къ дѣлу, личныя отношенія къ той партіи, къ которой вы принадлежите. Вы, напр., говоря объ организаціи, совершенно правильно замѣтили, что для опредѣленія роли каждаго изъ обвиняемыхъ можетъ имѣть значеніе разъясненіе организаціи, и вотъ въ этихъ предѣлахъ судъ выслушаетъ ваше объясненіе; теоретическія же воззрѣнія не могутъ быть предметомъ объясненій на судѣ.

Подс. Желябовъ. Совершенно вѣрно: я могъ бы держаться въ такихъ рамкахъ и къ нимъ возвращусь. Затѣмъ подсудимый вошелъ въ подробныя объясненія существующей будто бы организаціи тайнаго общества, основанной на подчиненіи младшихъ кружковъ старшимъ, сходящимся въ центральный. Послѣ чего Желябовъ продолжалъ: «Перехожу къ моей роли въ настоящемъ дѣлѣ. Я нѣсколько разъ участвовалъ въ подобныхъ предпріятіяхъ и заслужилъ довѣріе центра—исполнительнаго комитета, и вотъ на этомъ основаніи мнѣ въ этомъ предпріятіи была отведена роль организатора одной изъ частей предпріятія. Пред-

пріятіе это распадается на подкопъ и на нападеніе съ метательными снарядами, и вотъ нападеніе съ метательными снарядами исполнительнымъ комитетомъ поручено было организовать мнѣ, при чемъ исполнительный комитетъ указалъ мнѣ, что добровольцевъ, изъявившихъ согласіе идти на самопожертвованіе, лишь бы цѣль была достигнута, было всего 47 человѣкъ. Изъ нихъ 19, обусловливавшихъ свое участіе вмѣстѣ съ опытнымъ въ такомъ дѣлѣ человѣкомъ; остальные же выразили безусловное согласіе. Изъ этой категоріи лицъ мнѣ было предоставлено выбрать себѣ сотоварищей и дѣйствовать съ ними съ метательными снарядами, чѣмъ я и занялся, руководствуясь соображеніями не наибольшей ихъ пригодности, какъ говорится въ обвинительномъ актѣ, я къ этому еще возвращусь, а другими соображеніями....

Первоприс. Я считаю необходимымъ васъ предупредить, дабы не было усложненія дѣла: вы не должны теперь предъявлять объясненія по существу обвинительнаго акта: на это будетъ цѣлое судебное слѣдствіе.

Подс. Желябовъ. Я не буду возражать противъ обвинительнаго акта. Чтобы поскорѣе кончить съ этимъ вопросомъ, я скажу, что я подобралъ нужное количество лицъ, и замѣчу здѣсь, что количество было уже намѣчено исполнительнымъ комитетомъ, и моя обязанность состояла въ томъ, чтобы выбрать изъ числа этихъ лицъ сотоварищей и представить объ этомъ комитету на утвержденіе. Когда было утверждено, я вмѣстѣ съ этими лицами приступилъ къ

исполненію. Я для нападенія съ метательными снарядами пригласилъ къ себѣ единственно Рысакова; отношенія же мои къ Михайлову я выясню впослѣдствіи. Теперь же я утверждаю, что Михайловъ если, по словамъ Рысакова, и имѣлъ какое нибудь отношеніе къ дѣлу, то дѣлалъ это безъ моего вѣдома, послѣ моего ареста, и во всякомъ случаѣ это такой шагъ, который въ организаторскомъ отношеніи считается преступленіемъ. Теперь о подкопѣ. Совершенно вѣрно сказалъ Рысаковъ, что онъ ничего не зналъ о подкопѣ; это такъ и должно быть, потому что подкопъ велся, въ интересахъ осторожности, совершенно отдѣльно отъ нападенія съ метательными снарядами. Собственно нападавшіе могли знать о подкопѣ, могли участвовать въ немъ, но только въ томъ случаѣ, если группа, ведшая подкопъ, оказывала имъ довѣріе — это ихъ частное соглашеніе. Скажу отъ себя, что Рысакова изъ участниковъ подкопа, которыхъ я не стану называть, никто не зналъ, и оставляя на мою отвѣтственность привлеченіе того или другаго дѣятеля въ качествѣ метальщика, они бы конечно никогда не допустили, чтобы неизвѣстный человѣкъ принялъ участіе въ подкопѣ. Если это можно сказать относительно Рысакова, тоже самое относится, и еще съ большимъ основаніемъ, къ Михайлову, который о подкопѣ не могъ знать ровно ничего: это было бы младенчествомъ въ революціонномъ веденіи дѣла, а мы уже кое-что пережили. Для того, чтобы мой отвѣтъ на обвиненіе, изложенное въ обвинительномъ актѣ, былъ опредѣленнѣе, я те-

перь возвращусь къ самой формулировкѣ обвинительнаго акта. Я не признаю себя виновнымъ въ принадлежности къ тайному сообществу, состоящему изъ шести человѣкъ и нѣсколькихъ другихъ, такъ какъ сообщества здѣсь нѣтъ, здѣсь подборъ лицъ совершенно случайный, производившійся по мѣрѣ ареста лицъ и по нѣкоторымъ другимъ обстоятельствамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ лицъ принимали самое дѣятельное участіе и играли видную роль въ революціонныхъ дѣлахъ по различнымъ отраслямъ, но они не составляютъ сообщества по данному предпріятію. Михаиловъ этому дѣлу человѣкъ совершенно посторонній. Рысаковъ свои отношенія къ организаціи опредѣлилъ вѣрно: онъ состоялъ членомъ агитаціонной рабочей группы, которая относилась къ исполнительному комитету какъ его развѣтвленіе, какъ одна изъ отраслей. Данные обвиняемые обвиняются въ устройствѣ подкопа на Малой Садовой.

Первоприс. Я предложилъ вамъ вопросъ о васъ, и вы высказали свой взглядъ на организацію и отношенія ваши къ этой организаціи; этимъ вамъ и слѣдуетъ ограничиться.

Подс. Желябовъ. Если я и отклоняюсь, то это потому, во первыхъ, что объясненія подсудимыхъ касались частію теоретической стороны, и во вторыхъ, потому, что говоря шестымъ, я не могу безъ повторенія быть систематичнымъ въ изложеніи. Мои отношенія къ подкопу были таковы: я зналъ о немъ и принималъ участіе: какъ чернорабочій, рылъ землю, но участіе мое кончилось въ ночь со вторника на

среду, и это я докажу показаніями свидѣтелей: такъ какъ я былъ чернорабочимъ, то конечно, я зналъ о подкопѣ, зналъ лицъ, производившихъ его, и т. д.

Первоприс. А въ Александровскомъ?

Подс. Желябовъ. Моя роль тамъ была такая: въ Харьковѣ были сдѣланы кое-какія подготовленныя работы, но предпріятіе было рѣшено не такъ, какъ показываетъ Гольденбергъ, а «исполнительнымъ комитетомъ» 26 августа въ Петербургѣ. Для этого рѣшены были желѣзно-дорожныя предпріятія отъ Симферополя на Харьковъ, отъ Харькова на сѣверъ къ Петербургу и на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Выборъ мѣста и всѣ остальныя подробности плана не могли быть рѣшены 26 августа, но распредѣленіе лицъ было сдѣлано тогда же. Я, южанинъ, знаю хорошо мѣстныя условія, и по нѣкоторымъ еще другимъ соображеніямъ, я хотѣлъ дѣйствовать на югѣ и просилъ, чтобы мнѣ отвели мѣсто въ южныхъ предпріятіяхъ. Въ нихъ я и былъ участникомъ. Такъ, въ Александровскомъ, когда оказалась невозможность нападеній въ Крыму, я осматривалъ желѣзнодорожный путь отъ Симферополя, намѣтилъ пунктъ подъ Александровскимъ и изъ Харькова извѣстилъ объ этомъ «исполнительный комитетъ», спрашивая: могу ли я разсчитывать на средства, а также и на участіе? Мнѣ отвѣчали, что участники есть и что я могу, не стѣсняясь средствами, начинать. Для цѣли организовать предпріятіе, я отправился въ Харьковъ, гдѣ, кромѣ меня, находились Колоткевичъ и еще нѣкоторые другіе члены партіи, о которыхъ вы услышите на по-

слѣдующемъ судѣ.. Мы должны были обсудить предпріятіе коллегіально. Письмо мое въ Петербургъ было выраженіемъ не только моихъ личныхъ предположенія, но также и ихъ. Отвѣтъ «исполнительнаго комитета» былъ обсужденъ нами также коллективно. Затѣмъ «исполнительный комитетъ» ассигновалъ средства, назначилъ агентовъ, и я съ ними вмѣстѣ, а также при содѣйствіи новыхъ лицъ, «исполнительному комитету» неизвѣстныхъ и привлеченныхъ на мой страхъ, таковы были Окладскій и Яковъ Тихоновъ, отправились устраивать покушеніе подъ Александровскомъ. До этихъ поръ я въ Александровскѣ никогда не былъ. По полученіи отвѣта отъ «исполнительнаго комитета», чтобы начинать, я пріѣхалъ 1 октября въ Александровскъ изъ Харькова. День былъ ярмарочный. Въ дознаніи есть показаніе свидѣтеля Сагандака, который указываетъ обстоятельство моего пріѣзда, но, вѣроятно, онъ не вызывался въ судъ, потому что это свѣдѣніе не интересно, поэтому и я его не касаюсь, а скажу только, что, явившись въ городъ съ предположеніемъ устроить кожевенный, либо мыловаренный заводъ или макаронную фабрику, я дѣлалъ это просто какъ предлогъ, въ дѣйствительности же я пріѣхалъ чтобы зондировать почву. Изъ разговора со свидѣтелемъ я узналъ, что кожевенный заводъ будетъ тамъ умѣстенъ, и я на другой же день подалъ въ управу заявленіе о желаніи устроить заводъ и просилъ объ отводѣ подъ него земли на аренду. Объ этомъ состоялось постановленіе городской думы. Въ промежутокъ этого времени я съѣздилъ

въ Харьковъ и вмѣстѣ съ остальными участниками, прибывшими туда, я устроился въ квартирѣ Бовенко. Это было 7 октября. Я выѣхалъ оттуда 23 октября и за все это время велъ подготовительныя работы, и устройство кожевеннаго завода ничуть не прекращалось. Затѣмъ обстоятельство закладки мины подъ Александровскомъ фактически изложено совершенно вѣрно въ обвинительномъ актѣ, и я также подтверждаю это.... Можетъ быть, для суда важно, чтобы я подтвердилъ, что утромъ, 18 ноября, я вмѣстѣ съ другими участниками, выѣхалъ на повозкѣ къ мѣсту, гдѣ была заложена мина — это громаднѣйшій оврагъ: по отвѣсу 11 саженъ, по откосу больше. Вотъ въ этомъ мѣстѣ было заложено два снаряда по такому разсчету, чтобы они обхватывали цѣлый поѣздъ. Намъ извѣстно было, сколько вагоновъ должно быть въ Царскомъ поѣздѣ, и обѣ эти мины захватывали собою поѣздъ опредѣленнаго количества вагоновъ. И такъ, утромъ 18 ноября, получили раньше извѣщеніе отъ Прѣснякова о томъ, что царскій поѣздъ выѣдетъ такого-то числа или, правильнѣе сказать, не получили извѣщенія, такъ какъ по предшествовавшему уговору, неполученіе извѣстія должно было означать, что измѣненій нѣтъ, т. е. что поѣздъ выѣзжаетъ въ день, который былъ извѣстенъ намъ раньше; это я указываю потому, что мнѣ придется еще сказать, что Прѣснякова въ Александровскѣ не было. Такъ вотъ 18 ноября, судя по признакамъ, мы не сомнѣвались, что поѣздъ прослѣдуетъ въ опредѣленный часъ, и мы стояли на мѣстѣ, и

хотя внѣшніе признаки поѣзда заставляли сомнѣваться, чтобы это былъ поѣздъ царскій, тѣмъ не менѣе подъ поѣздомъ были сомкнуты батареи, согласно тому, какъ изложено въ обвинительномъ актѣ. Я замкнулъ батарею, т. е., соединилъ токи, но взрыва не послѣдовало. Оттуда мы отправились для коекакихъ опытовъ, чтобы распознать причину невзрыва. Спустя нѣкоторое время, мы вынули проводники, а снаряды оставили подъ рельсами, такъ какъ наши техники давали ручательства, что, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіе двухъ лѣтъ взрыва не послѣдуетъ. Въ то время начались уже заморозки, выпалъ снѣгъ: производить раскопку не было возможности; снаряды же могли намъ пригодиться весною; по всему этому мы ихъ оставили. Въ обвинительномъ актѣ совершенно вѣрно сказано, согласно показанію Бовенко, что раньше уѣхала моя хозяйка, затѣмъ другіе участники, наконецъ 23 ноября выѣхалъ и я изъ Александровска. Вотъ всѣ мои отношенія къ александровскому предпріятію. Больше я ничего не имѣю сказать.

Затѣмъ было приступлено къ спросу свидѣтелей.

Показанія очевидцевъ мы опускаемъ, такъ какъ эти показанія есть только повтореніе ихъ разсказовъ, помѣщенныхъ у насъ выше; послѣ нихъ начался допросъ другихъ свидѣтелей. Первой въ этомъ случаѣ спрошена была Холодковская; она, отвѣчая на вопросъ первоприсутствующаго, объяснила слѣдующее: «Рысаковъ переѣхалъ ко мнѣ 5 января и потомъ жилъ у меня недѣли полторы. Послѣ того приходитъ и говоритъ, что у него мать при смерти больна, что

онъ получилъ объ этомъ телеграмму и ѣдетъ домой. Онъ оставилъ у меня свои вещи. За комнату заплатилъ. Живя у меня, онъ велъ себя очень хорошо, занимался, ходилъ на урокъ. Онъ мнѣ говорилъ, что имѣетъ урокъ».

Тов. прок. Ваша квартира помѣщается на углу Пятой улицы?

Свид. Холодковская. У Греческаго проспекта.—В. Сколько онъ прожилъ у васъ?—О. Недѣли полторы не больше.—В. Посѣщалъ ли его въ квартирѣ кто нибудь?—О. Одинъ молодой человѣкъ, только я его не видала.—В. Наружность этого человѣка помните? посмотрите на скамью подсудимыхъ, не признаете ли кого нибудь?—О. Нѣтъ.—В. Больше никого не было у него?—О. Нѣтъ.—В. Куда онъ отъ васъ перешелъ?—О. Онъ сказалъ, что поѣдетъ на свою родину, такъ и отмѣтился.—В. Письма онъ часто получалъ?—О. Ни одного не получилъ.

Присяжн. пов. Унковскій. Вы никогда Рысакова, ни прежде ни послѣ, не знали?

Свид. Холодк. Нѣтъ.—В. Не знаете ли, какого онъ характера?—О. Ничего не знаю.

Свидѣтельница, жена коллежскаго регистратора *Ермолина*, на вопросъ первоприс., показала: «Я меблированныхъ комнатъ не содержу, а только одну комнату отдавала».—В. У васъ жилъ подсудимый Рысаковъ?—О. У меня жилъ Глазовъ.—В. Вы его узнаете здѣсь?—О. Глазовъ—вотъ тотъ крайній (указывая на Рысакова).—В. Что вы можете сказать, какъ онъ себя велъ за время проживанія у васъ?—О. Очень тихо;

онъ былъ скромный: я не замѣчала за нимъ ничего худаго.

Тов. пр. Ваша квартира гдѣ помѣщается?

Свид. Ермолина. На углу Девятой и Мытнинской улицъ.—В. Когда къ вамъ переѣхалъ Глазовъ?—О. 22 января.—В. Такъ, что онъ всего прожилъ у васъ очень не долго?—О. Мѣсяцъ и семь дней.—В. Онъ у васъ нанималъ одну комнату?—Да.—В. Сколько платилъ?—О. 12 рублей.—В. Какой онъ велъ образъ жизни?—О. Онъ днемъ никогда не бывалъ дома.—В. Рано уходилъ?—О. Въ 12, въ 11 и въ 9 часовъ.—В. Вставалъ рано или поздно?—О. Вставалъ и въ 8 часовъ; а въ будни вставалъ позже.—В. Возвращался домой когда?—О. Почти что ночью, часовъ въ 11 и въ 12.—В. По праздникамъ былъ дома?—О. Уходилъ раньше, чѣмъ въ будни.—В. Посѣщалъ его кто нибудь?—О. Да. Первый разъ было шесть человѣкъ, онъ седьмой.—В. Когда это было?—О. Какъ переѣхалъ, такъ чрезъ нѣсколько дней.—В. Всѣ шестеро мужчины?—О. Да.—В. Молодые или пожилые?—О. Всѣ молодые.—В. Долго оставались?—О. До 12 ночи.—В. А пришли рано?—О. Въ восьмомъ часу.—В. Въ теченіе всего времени, что онъ проживалъ у васъ, его посѣщалъ кто нибудь изъ числа этихъ шестерыхъ?—О. Да.—В. Часто посѣщали, каждый день?—О. Какъ придется.—В. Да вѣдь онъ приходилъ домой поздно ночью, когда же къ нему приходили гости?—О. Вечеромъ и утромъ, только дома не заставали.—В. По двое ходили?—О. По одному.—В. Было ли такъ, что приходили вмѣстѣ

съ нимъ?—О. Съ нимъ, нѣтъ; онъ, бывало, придетъ раньше, а потомъ къ нему придутъ гости.—В. Когда къ нему приходили молодые люди, то онъ запиралъ комнату или нѣтъ?—О. Нѣтъ.—В. Разговоръ они вели громко или тихо?—О. Тихо.—В. Не приходилъ ли кто либо изъ этихъ лицъ (указывая на скамью подсудимыхъ)? Свидѣтельница указала на Михайлова.—В. Въ числѣ шестерыхъ, приходившихъ въ первый разъ, этотъ былъ?—О. Не знаю, когда онъ приходилъ, но помню его личность.—В. Скажите объ обстоятельствахъ 1 марта—они вѣроятно сохранились въ вашей памяти—не помните ли, какъ провелъ этотъ день Рысаковъ, въ которомъ часу онъ всталъ и когда ушелъ?—О. Онъ всталъ въ восьмомъ часу.—В. А наканунѣ поздно пришелъ?—О. Нѣтъ, пришелъ въ одиннадцатомъ часу. Утромъ онъ всталъ въ восьмомъ часу: услышавъ стукъ въ его комнатѣ, и я встала. Онъ пришелъ на кухню и говоритъ: «вотъ какъ я рано нынче всталъ: что бы мнѣ постоянно въ будни такъ вставать, потому что мнѣ такъ велятъ».—В. Кто?—О. Онъ говорилъ, что служитъ въ какой-то конторѣ, и тамъ говорятъ, что онъ поздно является. Я сказала: «Я васъ бужу каждый разъ, но вы опять засыпаете». На это онъ отвѣчалъ: «Ну, я буду самостоятельно вставать», и потомъ сказалъ, что хочетъ бѣлье отдать прачкѣ въ понедѣльникъ.—В. Не спрашивали вы его, куда онъ такъ торопится?—О. Спрашивала, «куда», говорю? У васъ служба, стало быть, есть? «Да», говоритъ, «есть». Я спрашиваю: «что же, у васъ въ конторѣ постоянная

служба»? Онъ мнѣ на это отвѣтилъ: «какая служба, просто въ гости иду».—В. Не сказалъ ли онъ: «все равно служба?» О. Да, сказалъ.—В. Не замѣтили ли вы, что онъ 1 марта былъ въ особомъ настроеніи?—О. Онъ былъ трогательный... началъ разговаривать со мною, а раньше почти никогда не говорилъ.—В. Онъ обыкновенно былъ молчаливъ?—О. Да.—В. А тутъ сдѣлался разговорчивымъ? О. Да. В. Былъ онъ возбужденъ?—О. Да.—В. Но не печаленъ?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Хартулари. Вы только что признали Михайлова за лицо, посѣщавшее Рысакова. Вы это точно припоминаете?

Свид. Ермолина. Да.—В. Когда васъ спрашивали объ этомъ на дознаніи, вы объ этомъ не заявляли?—О. Я тогда не узнала его, а теперь узнаю.—В. Почему же не узнали?—О. Онъ былъ тогда раскраснѣвши.

Гос. прок. По поводу показаніи свидѣтельницы, я имѣю честь обратить вниманіе особаго присутствія Правительствующаго Сената на то обстоятельство, что, какъ видно изъ дознанія, подсудимый Михайловъ былъ предъявленъ свидѣтельницѣ Ермолиной 3 марта, немедленно вслѣдъ за арестованіемъ его, послѣ вооруженнаго сопротивленія, оказаннаго имъ въ Телѣжной улицѣ.

Свид., вдова поручика, *Бѣлько-Даровская*, на вопросы первоприсутствующаго, показала: «Когда Рысаковъ учился въ реальномъ училищѣ въ городѣ Череповцѣ, то жилъ въ числѣ другихъ мальчиковъ у

меня».—В. Объясните, что вамъ о немъ извѣстно?—О. Когда онъ у насъ жилъ, то былъ мальчикъ хорошій: потомъ я слышала, что предъ Рождествомъ онъ былъ подъ присмотромъ полиціи, и думала, что это простой слухъ, какъ вообще разносятся сплетни.—В. Когда онъ жилъ у васъ?—О. Годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ онъ ушелъ отъ меня, окончивъ курсъ въ реальномъ училищѣ, и уѣхалъ, чтобы поступить въ Горный институтъ.

Тов. прок. Въ которомъ классѣ училища онъ былъ, когда сталъ жить у васъ?

Свид. Енько-Даровская. Онъ жилъ у меня нѣсколько лѣтъ.—В. У васъ были и другіе ученики?—О. Да.—В. Онъ отдѣльную комнату занималъ?—О. Всѣ вмѣстѣ жили, по 2, по 4 человѣка въ одной комнатѣ.—В. Онъ былъ у васъ на хлѣбахъ?—О. Да.—В. Сколько онъ платилъ?—О. Онъ платилъ по 15 рублей самъ за себя, а потомъ за него сталъ платить Громовъ.—В. Хорошо онъ учился?—О. Да.—В. Поведенія былъ скромнаго?—О. Да. Другіе мальчики бывало поспорятъ между собою, а онъ былъ хорошій.—В. Не замѣчали ли вы, чтобы онъ велъ дурную жизнь?—О. Нѣтъ, онъ былъ скромный.—В. Былъ разговорчивый мальчикъ?—О. Иногда разговорится.—В. Видали ли вы, чтобы на него имѣлъ кто-нибудь вліяніе?—О. Нѣтъ, я жила съ племянницей, и она ему давала уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ.—В. Много онъ читалъ?—О. Много.—В. На каникулы уѣзжалъ?—О. Да, лѣтомъ уѣзжалъ къ родителямъ.—В. Всегда уѣзжалъ къ родителямъ?—

О. Всегда, а вотъ на праздникъ Рождества онъ у насъ не былъ.—В. Уѣзжая въ Петербургъ, онъ говорилъ, что хочетъ вступить въ Горный институтъ?—О. О немъ хлопоталъ князь Волконскій.—В. Не случалось ли ему въ разговорахъ съ вами высказывать свои взгляды относительно будущей дѣятельности?—О. Онъ всегда былъ поведенія хорошаго; иногда, напримѣръ, услышитъ, что мальчики выражаютъ вольныя мысли, такъ онъ опровергалъ это все.—В. Это до отъѣзда въ Петербургъ?—О. Да.—В. Что же, имѣли на него вліяніе другіе? Какой характеръ у него былъ, мягкій?—О. Лаской съ нимъ можно было сдѣлать все, и онъ послушается.—В. Такъ что вы сохранили о немъ воспоминаніе, какъ о мальчикѣ хорошемъ?—О. Да.—В. И васъ удивило то обстоятельство, по которому вы теперь вызваны въ качествѣ свидѣтельницы?—О. Да.—В. Потому, какъ велъ себя Рысаковъ, проживая въ Череповцѣ, вы не можете себѣ объяснить того, какъ случилось настоящее событіе?—О. Нѣтъ, не могу объяснить.

Прис. повѣр. Унковскій. Онъ жилъ у васъ пять лѣтъ?

Свид. Енько-Даровская. Да.—В. До осени 1879 года?—О. Нѣтъ, до лѣта, до 20 іюня.—В. Вы удостовѣряете, что онъ характера былъ мягкаго?—О. Да, мы, бывало, съ другими мальчиками поспоримъ, они погрубятъ, а мнѣ этотъ мальчикъ очень нравился, и я жалѣю его, просто, какъ сына.—В. Въ училищѣ онъ также былъ примѣрный?—О. Другіе ученики шалятъ, а онъ поведенія былъ весьма хороша-

го. Первый годъ онъ плохо учился, но потомъ сталъ развиваться довольно хорошо.—В. Онъ былъ набожный мальчикъ?—О. Набожнѣе другихъ: онъ больше другихъ и съ охотой ходилъ въ церковь. Я разъ какъ-то сказала ему, что вотъ когда поступишь въ Горный институтъ, въ Петербургѣ, то пожалуй, перемѣнишь свои мысли. Но онъ мнѣ сказалъ, что не пойдетъ на такія вещи, потому что много читалъ. Я стариннаго духа, и мнѣ горько видѣть такихъ людей.

Свидѣтельница, учительница гимназіи *Кулакотина*, показала: «Рысаковъ жилъ въ Череповцѣ въ домѣ моей тетки, какъ квартирантъ, въ числѣ прочихъ мальчиковъ. Я жила въ этомъ же домѣ, и когда ученики младшаго класса въ чемъ нибудь затруднялись, я имъ разъясняла уроки. Во все время Рысаковъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ и по поведенію и по ученію, былъ всегда прилеженъ. Затѣмъ, когда онъ поступилъ въ Горный институтъ, то оттуда писалъ мнѣ нѣсколько писемъ, въ которыхъ говорилъ о томъ, какъ онъ поступилъ. Писалъ о своихъ занятіяхъ, говорилъ также, что онъ съ большимъ удовольствіемъ посѣщаетъ лекціи, что онъ сошелся лишь съ немногими изъ товарищей, что все время проводитъ въ занятіяхъ въ библіотекѣ Горнаго института. Въ августѣ 1880 года, я перешла въ Новгородъ, и онъ мнѣ написалъ туда два письма, въ которыхъ спрашивалъ, какъ я устроилась. Я ему отвѣтила на это и спрашивала о его родныхъ. Онъ мнѣ написалъ, что недавно пріѣхалъ изъ отпуска отъ

родныхъ и сообщилъ мнѣ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. На это письмо я ему не отвѣчала, потому что у меня было очень много занятій и еще потому, что письмо его затерялось и я забыла его адресъ.

Тов. прок. Вы учительница гимназіи?

Свид. Кульчицкая. Да. В. Скажите пожалуйста о характерѣ Рысакова за время пребыванія его въ Череповцѣ, въ домѣ вашей тетки. Что онъ имѣлъ характеръ мягкій, воспріимчивый? — Да, это былъ мальчикъ мягкаго характера. — В. И слабый, можно сказать? — О. У него была нѣкоторая настойчивость, но всегда на него можно было подѣйствовать лаской. — В. Какъ на него можно было подѣйствовать лаской или логикой, убѣжденіемъ? — О. Мнѣ кажется, скорѣе лаской. — В. Дѣйствуя на его чувства? — О. Да. — В. Съ товарищами въ какихъ онъ былъ отношеніяхъ? — О. Былъ хорошъ. Я никогда не замѣчала особенныхъ ссоръ и особой дружбы. — В. Не слыхали ли вы его сужденій относительно порядка, сужденій политическихъ? — О. Нѣтъ. — В. Вообще эти вопросы не интересовали его тогда? — О. Нѣтъ. — В. Въ кружкѣ его товарищей не было ли подобныхъ разговоровъ? — О. Я не слыхала. — В. По письмамъ изъ Горнаго института не замѣтили ли вы въ немъ нѣкоторой перемѣны? — О. Нѣтъ, не нашла никакой. — В. Вы семью его знаете? — О. Знаю. Когда его отдавали въ третій классъ, то тогда пріѣзжала мать, а потомъ къ нему пріѣзжалъ и отецъ. Это было тогда, когда онъ находился въ самомъ послѣднемъ классѣ, или же въ предпослѣднемъ. — В. Можете ли вы сообщить, какія

были его отношенія къ семьѣ и въ частности къ отцу?—О. Отца онъ очень любилъ.—В. Отецъ переписывался съ нимъ?—О. Да.—В. Часто получалъ онъ письма?—О. Нѣтъ, не часто, потому что отецъ его часто бывалъ въ разъѣздахъ по своимъ занятіямъ.—В. По послѣднему письму къ вамъ въ Новгородъ вы перемѣны въ Рысаковѣ не замѣтили?—О. Особеннаго ничего не было, кромѣ того, что эти письма были короче прежнихъ.—В. Они не содержали въ себѣ разсказа о его занятіяхъ въ институтѣ?—О. Онъ писалъ, что когда вернулся, то предался занятіямъ и спрашивалъ, какъ я устроилась въ Новгородѣ.—В. Вы въ Петербургѣ его не видѣли, не навѣщали?—О. Нѣтъ.

Прис. пов. Унковскій. Какъ долго жили вы у тетки?

Свид. Кулаковская. Пять лѣтъ.—В. Въ теченіе всего этого времени жилъ у васъ Рысаковъ?—О. Да, но потомъ онъ уѣхалъ, я еще годъ оставалась въ Череповцѣ.—В. Когда вы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* прочитали, что въ числѣ лицъ, покушавшихся на жизнь Государя Императора, находился и Рысаковъ, васъ это удивило?—О. Ужасно.—В. Вы являлись въ тотъ день къ губернатору?—О. Да.—В. Вамъ казалось, что это была ошибка? Вы подъ этимъ впечатлѣніемъ и пошли къ губернатору?—О. Всѣ данныя, которыя я прочитала въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, указывали, что это былъ онъ, но потому, какимъ я его знала, мнѣ трудно было повѣрить, что это онъ.—В. Рысаковъ былъ набожный?—О. Онъ охотнѣе другихъ ходилъ въ церковь,

когда это приходилось дѣлать.— В. Послѣ того, какъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ, вы больше его не видали?—О. Нѣтъ.

Свидѣтель, инспекторъ Горнаго института Бекъ. Предъ поступленіемъ въ институтъ, въ сентябрѣ 1879 года, Рысаковъ представилъ свидѣтельство объ удовлетворительномъ окончаніи курса въ реальномъ училищѣ и былъ допущенъ къ повѣрочному экзамену, но принятъ былъ въ институтъ только вольнымъ слушателемъ, такъ какъ въ документахъ, представленныхъ имъ, не достало, кажется, увольнительнаго свидѣтельства отъ общества. Онъ началъ заниматься, а свободное отъ занятій время проводилъ въ библіотекѣ института, гдѣ я его часто видѣлъ. Онъ преимущественно занимался чтеніемъ математическихъ книгъ. Мѣсяца три спустя, въ ноябрѣ или декабрѣ, прошелъ слухъ, что Рысаковъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи, питается однимъ чаемъ и чернымъ хлѣбомъ съ солью. Такъ какъ у насъ студентамъ перваго курса не выдается пособія, то я, чтобы провѣрить, дѣйствительно ли Рысаковъ находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи и, въ случаѣ нужды, помочь ему, послалъ справиться къ нему на квартиру. Экзекуторъ доложилъ мнѣ, что Рысаковъ проживаетъ гдѣ-то на углу 15-й линіи Васильевскаго острова и Большаго проспекта, занимаетъ уголъ, пространство между печкой и стѣной, и, какъ сообщили экзекутору, пьетъ только чай съ чернымъ хлѣбомъ. На основаніи вотъ этихъ данныхъ я сдѣлалъ представленіе директору, которое и поступило

въ совѣтъ съ предложеніемъ, чтобы Рысакову дано было пособіе. Совѣтъ это утвердилъ. Потомъ Рысаковъ выдержалъ экзаменъ, перешелъ во второй курсъ и началъ слушать лекціи съ начала сентября 1880 года. Послѣ рождественскихъ каникулъ онъ рѣже сталъ посѣщать институтъ, потомъ вдругъ скрылся. Относительно посѣщенія лекцій студенты не подвергаются особому контролю, и отсутствіе Рысакова я оставилъ безъ вниманія. Я думалъ, что онъ, можетъ быть, боленъ, хотѣлъ помѣстить его въ госпиталь; но отъ него никакого заявленія не поступило.

Тов. прок. Внѣ стѣнъ института наблюденія надъ студентами не было, слѣдовательно матеріалъ о характерѣ, о направленіи студентовъ вы получаете во время посѣщенія студентами, въ томъ числѣ и Рысаковымъ, лекцій?

Свид. Бекъ. Да.—В. На основаніи этихъ данныхъ, какое онъ впечатлѣніе произвелъ на васъ?—О. Впечатлѣніе человѣка, занимающагося дѣломъ.—В. Замѣтно было, что онъ посѣщалъ лекціи исправно?—О. Постоянно.—В. Со стороны его характера что вы замѣтили? — О. Онъ держался особнякомъ, по крайней мѣрѣ я не видалъ, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь сближался въ институтѣ.—В. Вы говорите, что Рысаковъ держалъ себя особнякомъ?—О. Да.—В. О перемѣнѣ въ образѣ жизни Рысакова вы говорите, что къ концу 1880 года онъ сталъ рѣже посѣщать институтъ?—О. Въ 1881 году, послѣ рождественскихъ каникулъ, онъ началъ рѣже ходить.—В. А въ августѣ, сентябрѣ, октябрѣ?—О. Продолжалъ за-

ниматься.—В. Вы имѣете возможность удостовѣриться въ посѣщеніи студентами института?—О. Я часто ходилъ въ библіотеку, раза 3 или 4 въ день, и часто видѣлъ его тамъ.—Вы оказывали ему пособіе одинъ или нѣсколько разъ?—О. Нѣсколько разъ. Первый разъ по бѣдности, второй—когда перешелъ на другой курсъ, то ему нужно было отправиться на практическія занятія, и такъ какъ онъ человѣкъ бѣдный, то ему было дано пособіе, не помню лишь сколько, кажется рублей сорокъ. Затѣмъ въ августѣ внесли за слушаніе лекцій 30 или 40 рублей, такъ какъ онъ перешелъ въ слѣдующій курсъ. — В. Сколько разъ вы узнавали про обстановку Рысакова? — О. Только одинъ разъ.—В. Она была крайне бѣдна?— Экзекуторъ говорилъ, что онъ занималъ одинъ уголъ.— В. Спрашивали вы у Рысакова, отъ кого онъ получаетъ средства къ жизни?—О. Нѣтъ, не спрашивалъ.

Свидѣтельница, дочь урядника *Артимонова*, показала: 4 января я вывѣсила билетъ на сдачу комнаты. Потомъ мнѣ кухарка говоритъ, что приходилъ какой-то господинъ, и она сказала, что комната маленькая, а большой нѣтъ. Оказалось, что это приходилъ Ельниковъ. Я попросила его придти въ 10 часовъ утра. Это было около 7 или 8 января. Онъ далъ мнѣ рубль задатку, а я спросила, чѣмъ онъ занимается, кто онъ такой? Онъ отвѣтилъ, что занимается просто въ конторѣ письменною работою. Я попросила его быть скромнѣе; онъ сказалъ, что у него никто не бываетъ, что онъ выходитъ изъ дому въ 10 часовъ утра, а приходитъ въ 11 часовъ ночи.

Я предложила ему ключъ, чтобы, если когда поздно вернется, самому войти въ квартиру. Потомъ онъ передалъ мнѣ деньги за квартиру 1 февраля чрезъ кухарку. Приходили къ нему гости, но ихъ было немного; слышала мужскіе и женскіе голоса. Велъ себя Ельниковъ скромно. Я спрашивала кухарку, кто такіе приходили, и она сказала, что все такіе же, какъ и онъ; въ лицо же я сама никого не видала.

Тов. прок. А служанка имѣла возможность видѣть гостей?—*Свид. Арт.* Да.—В. При производствѣ дознанія вамъ былъ предъявленъ трупъ человѣка?—О, Да.—В. Вы признали въ этомъ трупѣ вашего бывшаго жильца?—О. Да, признала потому что за три дня до смерти его видѣла.—В. Это тотъ самый, который подъ фамиліею Ельникова снималъ у васъ комнату?—О. Да.—В. Показывали вамъ его платье, ключъ?—О. Показывали. Ключъ былъ отъ наружной двери квартиры, я ему отдала.—В. У него было много вещей съ собою?—О. Онъ былъ очень бѣдный. Я на третій день пришла посмотрѣть въ его комнату и видѣла, по его книгамъ, что онъ просто какой-нибудь конторщикъ.—В. Ваша квартира помѣщается на Симбирской улицѣ?—О. Да.—В. Это мѣсто глухое?—О. Кажется, ничего... Я первый разъ живу на Выборгской.

Затѣмъ было спрошено еще нѣсколько свидѣтелей, которые дали показанія относительно остальныхъ подсудимыхъ и этимъ судебное слѣдствіе было закончено.

Начались пренія. На прокурорскую трибуну взошелъ прокуроръ Муравьевъ и началъ говорить обвинительную рѣчь.

Это было слово могучее, подъемъ духа громадный: изъ за оффиціальнаго обвинителя выступилъ русскій человѣкъ, простой руский человѣкъ, до глубины души возмущенный цареубійствомъ и крамолой возникшею на Руси. Это было не обвиненіе, а нравственная, сокрушающая казнь подсудимыхъ. Какъ ни старались они казаться спокойными и равнодушными, но самоувѣренность въ лицѣ и позѣ Желябова исчезла, Перовская опустила глаза и даже румянецъ пробился на безцвѣтномъ лицѣ ея, Кибальчичъ видимо покраснѣлъ, а Рысаковъ не зналъ куда ему глядѣть; сконфуженными казались и Гельфманъ и Михайловъ. Имъ должно было быть тяжело. Противъ нихъ изувѣрства стоялъ на прокурорской трибунѣ человѣкъ во всеоружіи своего убѣжденія въ правотѣ порядка, въ силѣ и мощи государственной власти, вѣрующій и проникнутый основами, на которыхъ держится человѣческое общество: началами семьи, нравстенности, религіи. Прокуроръ съ безпощаднымъ анализомъ раздѣвалъ, если можно такъ выразиться, до-нага подсудимыхъ и смѣлою рукой сдергивалъ съ нихъ ложную маску дѣятелей за идею, страдальцевъ за убѣжденія. Рѣчь его была продолжительна, онъ говорилъ съ 10 часовъ утра до 5 съ четвертью пополудни и конецъ его рѣчи вытекалъ самъ собой изъ поднятаго имъ на высоту дѣла патріотическаго чувства: онъ требовалъ для злодѣевъ высшей кары, которая отни-

маеть у человѣка его лучшее благо, но которая тутъ законна, необходима и должна поразить виновниковъ злодѣянія. Она необходима, потому что противъ цареубійцъ и крамольниковъ нѣтъ другаго средства государственной самозащиты. «Человѣческое правосудіе, говорилъ прокуроръ, съ ужасомъ останавливается предъ ихъ злодѣяніемъ и съ горестью убѣждается, что для тѣхъ, кто его совершилъ, не можетъ быть мѣста среди Божьяго міра. Отрицатели вѣры, поборники всеміриаго разрушенія и всеміриаго безначалія, враги права и нравственности, безпощадные развратители молодости, всюду несутъ они свою страшную проповѣдь бунта и крови, отмѣчая убійствомъ свой отвратительный слѣдъ. Дальше имъ идти некуда. 1 марта они переполнили мѣру злодѣйства. Довольно страдала отъ нихъ наша родина и въ вашемъ лицѣ, гг. судьи, она свершитъ надъ ними свой судъ. Да будетъ же убіеніе лучшаго изъ Монарховъ послѣднимъ злодѣяніемъ ихъ земнаго преступнаго поприща. Людьми отвергнутые, отечествомъ проклятые, предъ Престоломъ Всевышняго Бога пусть дадутъ они отвѣтъ въ своихъ злодѣяніяхъ, а потрясенной Россіи возвратятъ ея миръ и спокойствіе».

За нимъ говорили защитники, рѣчи ихъ были вялы, слабы, да и что могли они сказать въ защиту изувѣровъ?

Особое присутствіе Сената приговорило всѣхъ преступниковъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, которая и была приведена въ исполненіе надъ ними утромъ 3 Апрѣля.

X.

Крамольники

Казнь совершена. Виновники, хотя къ несчастію и не всѣ, уничтожены. Но кто же эти виновники? Ихъ называютъ нигилистами, соціалистами и т. п. Сами они на судѣ выдаютъ себя за дѣятелей, работающихъ на благо народа. Но правда-ли это? Во первыхъ названія этимъ дѣятелямъ, кромѣ названія убійцъ, приписать никакого нельзя. Во вторыхъ работаютъ они не на благо, а на погибель народа, за что и пользуются необыкновенною народною любовію, любовію доходящею до того, что народъ при видѣ ихъ дрожитъ отъ негодованія и готовъ разнести ихъ въ клочья. Откуда же взялись эти народолюбцы? Есть ли они порожденіе наше, родное, или же они занесены къ намъ съ чужбины?

Въ шестидесятыхъ годахъ явились люди, рѣзко отличавшіеся отъ всего русскаго общества. Они отрицали все, не признавали Бога, церкви, отвергали все въ мірѣ и готовы были, кажется, отвергать даже свое существованіе. Съ такими, будто-бы, убѣжденіями, существовали и женщины, но онѣ въ этомъ отношеніи старались перещеголять и мущинъ. Онѣ занимались не только болтовней, отрицающей все, онѣ хотѣли даже рѣзко выдѣлиться и костюмомъ: стригли

волосы, носили синіе очки, костюмъ на нихъ былъ надѣтъ какой то странный—полумужской, полуженскій, чистотою и опрятностію не отличались. Не смотря на глупую болтовню, они все таки не имѣли претензіи разсуждать о политическихъ вопросахъ и мѣшаться въ политику. Да и болтовня вся эта не была ихъ убѣжденіемъ. Нигилизмъ, какъ они называли свое ученіе, былъ ни болѣе ни менѣе какъ рисовка, но отнюдь не убѣжденіе; да и какое убѣжденіе можетъ быть у недоучившихся мальчишекъ и дѣвченокъ, когда они заканчивали свое образованіе самыми элементарными научными свѣдѣніями, думали же и того меньше. Достаточно было пустаго случая, чтобы всѣ эти убѣжденія разсыпались прахомъ. Отвергавшіе Бога, при видѣ смерти, прибѣгали прежде всего къ тому же Богу. Пошлость и пустота были отличительными признаками нигилистовъ; а можетъ быть, эта самая пустота и была причиною того, что изъ среды нигилистовъ выдѣлился особый классъ болѣе вредныхъ людей «народниковъ». Раздѣляя воззрѣнія нигилистовъ, народники возмечтали заниматься политикой. Будучи сами недоучками, безъ всякихъ знаній, они задумали учить народъ. Для этого они отправлялись въ народъ, пробирались на фабрики, мало того старались проникнуть вездѣ и всюду, чтобы распространять не ученіе, а ядовитую пропаганду, которая разъѣдающимъ образомъ дѣйствовала на недоразвитыхъ молодыхъ людей и темный народъ. Раздавая самыя нелѣпыя сказки, возмутительнѣйшія прокламаціи, проповѣдуя вражду противъ правительства, рисуя себя вмѣстѣ

съ тѣмъ защитниками народа, они вносили, большею частію въ подростающее поколѣніе, смертельнѣйшій ядъ. Какое имъ было дѣло до того, что гибли молодыя неразвившіяся еще силы, что эти силы вмѣсто служенія родинѣ, обществу, дѣлались негодяями и гибли? А погибло народу много. Съ этого времени начались у насъ политическіе процессы, тянувшіеся почти безъ перерыва съ конца шестидесятыхъ годовъ и до настоящаго времени. На скамьѣ подсудимыхъ кого ни являлось только. Но замѣчательно, что всѣ эти погибшіе люди неразвитые, между тѣмъ какъ нѣкоторые изъ нихъ были руководителями другихъ. Кромѣ наглости и нахальства, судьи ничего не видѣли отъ нихъ. И эти-то люди хотѣли быть преобразователями, хотѣли разрушить все старое и ничего не создать новаго, преобразить міръ въ первобытный хаосъ. Какъ же послѣ этого могло отнестись къ нимъ общество, что могло оно выразить имъ, какъ не презрѣніе?!

Но этого мало, событіе 1-го марта показало, до чего можетъ извратиться человѣческая натура. На судѣ предстали отщепенцы, изувѣры, которые называютъ себя партіей, силой, желавшей запугать всѣхъ и все. Мало того, они имѣли наглость заявить о какомъ-то своемъ устройствѣ и какъ курьезъ мы приводимъ изъ одной французской газеты выдержку объ этомъ устройствѣ.

Ея основы суть: 1) фанатизмъ; 2) тайна; 3) іерархическое дробленіе, при помощи котораго низшіе отдѣлы не знаютъ, что дѣлаютъ высшіе; 4) терроръ;

5) солидарность; 6) подкупъ. Въ армію соціальной революціи принимаются лишь тѣ, кто имѣетъ причину ненавидѣть правительство или метить кому либо изъ должностныхъ лицъ, или кто воспитанъ въ революціонномъ духѣ или, наконецъ, кто по своему характеру, склоненъ къ бунту. Революціонное правительство такъ искусно въ вербованіи своихъ союзниковъ, что выбранные ими молодые люди и молодыя женщины отказываются отъ преимущества брачнаго союза, отъ прелестей семейной жизни, всецѣло отдаются дѣлу нигилизма и ведутъ бродячую жизнь. Революціонная армія раздѣлена на нѣсколько отдѣленій и подъ-отдѣленій, подчиненныхъ одному правящему центру. Отдѣленія и подъ-отдѣленія не знаютъ другъ друга; они сообщаются между собою лишь при посредствѣ одного человѣка. То же самое слѣдуетъ сказать о сношеніяхъ между обыкновенными отдѣленіями и центральными и между центральными и верховнымъ комитетомъ. Члены подъ-отдѣленій не знаютъ членовъ отдѣленій, а эти послѣдніе не знаютъ членовъ центра. Та же организація была принята карбонаріями. Нѣкоторые увѣряютъ, будто нигилисты распадаются на «эскадроны», и каждый изъ эскадроновъ состоитъ изъ 5, 10 или 15 членовъ, и управляется старостой, который имѣетъ сношеніе съ начальникомъ двадцати эскадроновъ; послѣдній, съ своей стороны, находится будто бы въ сношеніяхъ съ исполнительнымъ комитетомъ, но лишь черезъ посредство делегата комитета. Исполнительный комитетъ служитъ центромъ нигилистическаго союза. По-

добное іерархическое дѣленіе невольно развиваетъ дисциплину. Но ни дисциплина, ни тайна не соблюдались бы такъ строго, если бы надъ всѣми не царилъ терроръ, исходящій отъ исполнительнаго комитета. Всякая измѣна, всякое шпіонство, всякая попытка проникнуть тайну—наказывается смертью. Личная солидарность нигилистовъ, т. е. обязательство каждаго оказывать помощь другимъ, понятно, составляетъ одну изъ главныхъ силъ организаціи. Такимъ образомъ, революція является чѣмъ-то въ родѣ братства, во имя котораго каждый членъ ассоціаціи становится отвѣтственнымъ за дѣйствія другаго. Наконецъ, одною изъ силъ организаціи является подкупъ, который пускается въ ходъ, чтобъ вырвать у служащаго лица тайну его вѣдомства, у офицера и унтеръ-офицера—данные приказы, у полиціи—свѣдѣнія, которыми она располагаетъ о нигилистахъ. Подкупъ практикуется посредствомъ денегъ и женщинъ.

Устройство это, конечно, ни болѣе, ни менѣе какъ мечта празднаго воображенія. Никакой партіи, никакого устройства этой партіи, разумѣется, не существуетъ. Изувѣры же эти представляютъ собою не болѣе какъ шайку изъ нѣсколькихъ человѣкъ, помѣшавшихся только на томъ, чтобы произвести смуту.

XI.

Что намъ нужно дѣлать.

Что же мы наконецъ должны дѣлать для уничтоженія зла, которое выросло, прижилось среди насъ и которое составляетъ наше несчастіе, нашъ позоръ?

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на воспитаніе и образованіе нашихъ дѣтей. Тѣ школы, откуда вышли изверги, требуютъ немедленно преобразованія. Посадить человѣка на преподавательское мѣсто и назвать его учителемъ слишкомъ недостаточно. Нужно прежде всего знать, что за человѣкъ этотъ учитель. Въ послѣднее время развилось не мало у насъ учителей, которые вмѣсто строгаго отношенія къ дѣлу, большею частію либеральничаютъ, заигрываютъ съ учениками, желаютъ сдѣлаться между ними популярными, для чего и позволяютъ ученикамъ разсуждать зачастую о томъ, о чемъ имъ и вѣдать не надлежитъ. Это зло необходимо прекратить и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Затѣмъ мы должны говорить противъ зла. Говорить вездѣ и всюду. Врагъ невидимъ, намъ неизвѣстенъ онъ и, можетъ быть, находится возлѣ насъ; слышавъ наше презрѣніе и гнушеніе его дѣятельностію, онъ

поймеТЪ, что здѣсь дѣлать ему нечего, что здѣсь онъ безсиленъ и слабъ, и сознаніе своего безсилія парализируетъ его дѣйствія и заставитъ, быть можетъ, обратиться на путь истины.

Громадную услугу можетъ оказать и печать. Пусть пишутъ всѣ, пишутъ что думаютъ. Врагъ, прочитавъ вашу честную рѣчь, сразу узнаетъ, что вы не сдѣлаетесь его жертвою.

Кромѣ того намъ самимъ, всѣмъ безъ изъятія, нужно думать объ уничтоженіи зла. Понятно, одно правительство не въ состояніи уничтожить зародившіеся плевелы.

Каждый изъ насъ долженъ и обязанъ зорко и строго слѣдить за всѣмъ, что творится передъ нами; каждый изъ насъ, отбросивъ предразсудокъ, обязанъ считать своимъ святымъ долгомъ при первой возможности уничтожать зло.

Борьба со зломъ не безчестіе, а честь!

XII.

Слова и рѣчи.

Приводимъ замѣчательнѣйшія рѣчи, появившіяся по поводу кончины Государя.

Рѣчь, сказанная въ Исаакіевскомъ соборѣ, 2-го марта, предъ панихидою по въ Бозѣ почившемъ Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ.

Православные соотечественники!

Неизмѣримое бѣдствіе постигло наше отечество. Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ вчера скончался.

О, если бы могли сказать только то, что Онъ скончался, что Онъ, какъ смертный человѣкъ, достигъ указаннаго Ему Промысломъ предѣла земной жизни! Какъ ни безмѣрна была бы потеря, какъ ни тяжка скорбь Россіи, все же мы могли бы съ вѣрою и дерзновеніемъ обратиться къ Отцу небесному, стали бы умолять Его милосердіе растворить нашу скорбь небеснымъ утѣшеніемъ, подать отраду землѣ русской, не лишить ее любви, которую Господь въ такой преизобильной мѣрѣ явилъ ей въ Особѣ почившаго вели-

каго Монарха; наша скорбь могла бы, по крайней мѣрѣ, искать себѣ утѣшенія.

Но кончина нашего Государя есть, больно и тяжко сказать, *кончина великаго мученика на русской землѣ.* Отдавъ всѣ свои силы такимъ великимъ подвигамъ на благо народа, какихъ никогда еще наше отечество не видало отъ своихъ Вѣнценосцевъ, Царь-Освободитель въ благодарность за это не нашелъ въ своей Россіи даже безопасности для собственной своей жизни. Смертельныя, жестокія раны, прекратившія Его жизнь, нанесены Ему не на полѣ брани со врагами, а въ Его собственной столицѣ, не среди чуждыхъ племенъ или народовъ, а среди Его вѣрноподданныхъ, не вдругъ и не нечаянно, а послѣ многократныхъ уже попытокъ со стороны русскихъ же злодѣевъ. Да: не смотря на наше многомилліонное множество, мы не съумѣли уберечь отъ злодѣевъ этого Ангела русской земли, это сердце, дышавшее только миромъ и любовію; у насъ похитили это сокровище добра, съ безпримѣрною красотой и чистотою свѣтившее русской землѣ и согрѣвшее ее; мы не отстояли и не сохранили этой жизни, въ которой наша величайшая слава, наша гордость предъ иноземцами, надежда и прибѣжище единовѣрныхъ и единоплеменныхъ намъ народовъ, радость и украшеніе нашей святой и православной церкви.

Государь нашъ не скончался только, но и убитъ въ Своей собственной столицѣ... мученическій вѣнецъ для Его священной Главы сплетенъ на русской землѣ, въ средѣ Его подданныхъ... Вотъ что дѣлаетъ скорбь

нашу невыносимою, болѣзнь русскаго и христіанскаго сердца—неизлечимою, наше неизмѣримое бѣдствіе нашимъ вѣчнымъ позоромъ.

Или развѣ можетъ что бы то ни было возстановить нашу народную честь и вознаградить нашу среди такихъ позорныхъ обстоятельствъ совершившуюся утрату?!

Къ тебѣ, Отецъ нашъ небесный, невольно порываются наши разбитыя сердца: но дерзнемъ-ли мы и о чемъ дерзнемъ умолять Твою безпредѣльную благость, когда сами не съумѣли, къ нашему же собственному преуспѣянію въ добрѣ и благоденствіи, воспользоваться тѣми великими дарами, которые были намъ ввѣрены отъ Тебя въ Особѣ и дѣаніяхъ почившаго Государя нашего?

Возври на нашу скорбь и болѣзнь, не отрини и не погуби насъ до конца, о неисчетная Благостыня!

Пробави милость Твою къ намъ, Господи, въ Августѣйшемъ Преемникѣ великаго Монарха и не отрини настоящихъ моленій нашихъ объ упокоеніи души усопшаго Раба Твоего благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

Протоіерей *Іоаннъ Янышевъ*.

Рѣчь, произнесенная преосвященнымъ Амвросіемъ, епископомъ Дмитровскимъ, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ по принесеніи вѣрноподданнической присяги Благочестивѣйшему Государю Императору Александру Александровичу, и совершеніи установленнаго молебствія.

Глава и первообразъ Помазанниковъ Божіихъ Господь Іисусъ Христосъ во время Своего торжественнаго служенія спасенію людей неоднократно подвергался опасности смерти отъ своихъ враговъ: то хотѣли свергнуть Его съ горы, то взять чрезъ тайно подосланныхъ воиновъ, но Евангелисты замѣчали: *никто же возложи нанъ руки, яко не у бѣ пришелъ часъ Его* (Іоанн. 7, 30).

Но вотъ въ саду Геѳсиманскомъ, послѣ крѣпкой молитвы, Онъ будитъ спящихъ учениковъ Своихъ и говоритъ: *пріиде конецъ, пріиде часъ... се предаяй Мя приближися* (Мар. 14, 41, 42).

Пять разъ Государь нашъ Александръ Николаевичъ подвергался опасности смерти отъ руки враговъ, но Промыслъ Божій чудесно спасалъ Его, потому что еще не пришелъ часъ Его. Но вотъ, когда мы успокоились на упованіи, что Онъ огражденъ отъ враговъ, что всѣ опасности миновали, *пріиде конецъ, пріиде часъ*. Чувствовало ли Его сердце, что возвращаясь во дворецъ послѣ обычныхъ мирныхъ занятій по службѣ и посѣщенія родственнаго семейства, онъ встрѣтитъ на пути своемъ убійцъ со смертоносными орудіями въ рукахъ, и что часъ Его пробилъ!..

Мы сокрушаемся, что Онъ не довольно берегъ Себя, что мы не довольно тщательно Его сохраняли; но оставимъ безплодныя сожалѣнія о томъ, чего не сдѣлали и не могли сдѣлать человѣческія силы и предусмотрительность. Онъ самъ зналъ что̀ дѣлалъ. Онъ чувствовалъ себя орудіемъ Промысла Божія. Онъ съ вѣрою и сознаніемъ проходилъ Свой крестный путь. Онъ ожидалъ и былъ готовъ пасть искупительною жертвой за спасеніе отечества. И вотъ драгоцѣнная жизнь принесена, неповинная кровь пролита. Государь,—одинъ изъ величайшихъ,—Освободитель милліоновъ людей своихъ и чужихъ, безпримѣрный благодѣтель своего царства и человѣчества, палъ отъ рукъ убійцъ,—и по землѣ Русской проходитъ то чувство ужаса и страданія, съ которымъ по словамъ Евангелиста расходились нѣкогда съ Голгофы зрители страданій и смерти нашего Спасителя: *и вси пришедшіи народы на позоръ сей, видяще бывающая біюще перси своя возвращахуся* (Лук. 23, 48).

Онъ уничтожилъ у насъ рабство, отмѣнилъ позорныя тѣлесныя наказанія, далъ свободу мысли, свободу слова, свободу самоуправленія, свободу правосудія, свободу составленія обществъ для дѣлъ благотворенія и пользы отечества; Онъ открылъ Своему великому царству всѣ пути къ истинѣ, справедливости, добру, чести, величію и славѣ. Но Онъ зналъ, что по этимъ путямъ къ совершенству нельзя вести людей насильно, что къ каждому гражданину не можетъ быть приставленъ сторожъ и руководитель, что свободные люди должны умѣть пользоваться

свободой и защищать ее. И съ какою невозмутимостію и долготерпѣніемъ, съ какою неистощимою благостію Онъ смотрѣлъ на проявленія нашей новой жизни по новымъ дарованнымъ намъ началамъ! Только что не говорилъ Онъ лично каждому изъ насъ: «смотрите, свободные люди, сколько у васъ недостатковъ, какіе у васъ недуги, сколько у васъ враговъ внутреннихъ, незримыхъ, отъ которыхъ не можетъ защитить васъ никакая внѣшняя власть,— враговъ истины, порядка вашихъ отечественныхъ преданій, вашей національной силы, вашего преуспѣянія и счастія. Становитесь сами на свои ноги, сами о себѣ заботьтесь, ищите истины, правды, добродѣтели, будьте счастливы, какъ Я этого вамъ желаю. А Я готовъ умереть за васъ». И вотъ онъ умеръ, напоивъ родную землю своею кровію. И эта завѣтная кровь во всѣ грядущіе вѣка будетъ говорить нашему отечеству, что величіе и счастіе свободныхъ народовъ достигается самосознаніемъ, самозащитой, трудомъ, подвигомъ.

И какъ ясны на самой кончинѣ нашего возлюбленнаго Государя знаменія особаго промышленія о Немъ Божія! Душа Его взята отъ земли въ лучшія минуты человѣческой жизни, очищенная говѣніемъ, покаяніемъ, пріобщеніемъ Тѣла и Крови Христа Спасителя, въ тихомъ и мирномъ настроеніи сердца и совѣсти. Возблагодаримъ Господа, что имѣли такого Великаго Царя, Отца и Благодѣтеля, что получили отъ Него неоцѣненные дары для благоустроенія отечества, что видѣли въ Немъ примѣръ любви, полагающій душу

за други своя. Утѣшимся мыслью, что прiявъ кончину мученическую, сопровождаемый въ вѣчную жизнь молитвами облагодѣтельствованныхъ Имъ миллiоновъ людей, Онъ станетъ предъ Престоломъ Божiимъ со свв. Владимiромъ и Александромъ Невскимъ ходатаемъ за землю Русскую, которую возлюбилъ *даже до смерти*. Но да будетъ эта смерть чертою и гранiю, отдѣляющею время нашихъ недоразумѣнiй, погрѣшностей и заблужденiй отъ грядущаго времени нашего исправленiя. Исторiя нашего отечества отмѣчаетъ новую главу новаго царствованiя.

Мы дали присягу въ вѣрности нашему Благочестивѣйшему Государю Александру Александровичу, мы клялись именемъ Божiимъ служить Ему съ нелицемѣрною вѣрностью до пожертвованiя за Него жизнью. Дадимъ еще обѣтъ надъ священною кровью почившаго Отца Его и нашего за насъ пролитою, всѣми силами и средствами содѣйствовать новому Государю нашему въ возстановленiи здравомыслiя, порядка и мира въ нашемъ отечествѣ.

Ободримся, почившiй Государь оставилъ намъ Сына, унаслѣдовавшаго отъ Него и всего своего рода высокiя качества царственныя и человѣческiя. Мы присягнули Императору зрѣлому возрастомъ, прiобыкшему къ правленiю, испытанному въ бояхъ, крѣпкому духомъ и характеромъ, знающему и любящему свой вѣрный, покорный и великiй народъ. Будемъ молить Господа, да благословитъ Его и насъ на грядущiе труды и подвиги для чести и блага отечества.

Рѣчь предъ панихидою о въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ, произнесенная 2-го марта въ Гродненскомъ соборѣ епископомъ Донатомъ.

«Люди мои! Народъ мой! Какое зло я сдѣлалъ вамъ? Чѣмъ обидѣлъ васъ?» Такъ устами пророковъ спрашивалъ Богъ древнихъ евреевъ, и говорилъ имъ: «Я, какъ орловъ, вызвалъ васъ изъ Египта, перенесъ васъ черезъ море и пустыни. Я питалъ васъ въ пустынѣ манною, поилъ водою изъ камня. Я наводилъ страхъ на народы вашимъ именемъ». Также устами церкви спрашиваетъ евреевъ Мессія—Іисусъ Христосъ и говоритъ имъ: «Я воскресилъ вашихъ мертвецовъ, Я исцѣлилъ вашихъ слѣпыхъ, прокаженныхъ и бѣсноватыхъ; просвѣтилъ васъ небеснымъ ученіемъ. Я далъ вамъ свободу отъ грѣха и вѣчной смерти: а вы за манну напоили Меня оцтомъ, за воду—желчью. За свободу изъ Египта и отъ грѣха и вѣчной смерти вы связали Меня, какъ злодѣя, нанесли Мнѣ раны и пригвоздили ко кресту. Люди мои! Народъ мой! Какое зло Я сдѣлалъ вамъ, чѣмъ обидѣлъ васъ?»

Подобно Божественному Страдальцу и всемірной жертвѣ Божія гнѣва и народнаго ослѣпленія, взываетъ къ намъ изъ другаго міра царственная жертва Божія гнѣва на насъ и злобнаго ослѣпленія безумцевъ. «Народъ Мой! Дѣти дорогой Мнѣ Россіи! Какое зло Я сдѣлалъ вамъ? чѣмъ обидѣлъ васъ? Не Я-ли от-

далъ всю жизнь Мою заботамъ о вашемъ счастіи Не Я-ли вложилъ въ него всю Мою любовь? Не Я-ли далъ свободу милліонамъ вашихъ рабовъ? Не Я-ли открылъ имъ пути къ просвѣщенію и лучшей граж данственности? Не Я-ли уравнялъ всѣхъ васъ предъ Моими законами и въ правахъ образованія и защиты отечества? Умножилъ способы просвѣщенія и защиты отъ внѣшнихъ враговъ? За что-же злодѣйская рука, вооруженная новыми изобрѣтеніями науки разрушенія, обагрила Моею царственною кровью землю русскую, отняла у Меня жизнь въ Моей столицѣ? Осквернила ее злодѣяніемъ цареубійства? Похитила у Моихъ царственныхъ дѣтей отца, у народа глубоко любящаго его Государя?

Матерь моя—церковь православная! Гдѣ же сила молитвъ твоихъ пастырей о здравіи и долгоденствіи Твоего перворожднаго сына? Мудрые сановники—сотрудники моего царствованія! Гдѣ же ваша дальновидная проницательность въ устраненіи народныхъ золъ? Представители просвѣщенія и воспитанія! Почему разливаемый вами свѣтъ не озарилъ мрачную душу злаго замысла? Доблестное воинство Мое, взлелѣянное Моею любовью! Гдѣ-же твоя сила крѣпкая? Почему она не сохранила Мнѣ жизни отъ врага тайнаго? Народъ мой, всегда стѣною окружавшій меня и всегда восторженно встрѣчавшій меня! Отчего-же огнемъ твоей любви ко мнѣ ты не расплавилъ каменной души немногихъ выродковъ твоихъ и не сдѣлалъ невозможнымъ злодѣянія цареубійства на святой русской землѣ?

О, видно, устранена была отъ Меня десница Всевышняго, многократно охранявшая Меня отъ покушеній на Мою жизнь, когда любовь ко мнѣ многихъ милліоновъ Моихъ вѣрныхъ подданныхъ не сохранила для нихъ Моей жизни!» Такъ вѣщалъ-бы намъ изъ другаго міра почившій Императоръ, еслибъ мы могли услышать его голосъ.

Возлюбленные сыны Россіи! Мысленно станемъ вокругъ гроба великаго, по благодѣяніямъ своему народу, Императора Александра Николаевича, при жизни прозваннаго Освободителемъ, и спросимъ самихъ себя: за какія наши всенародныя вины Господь попустилъ наказать насъ, вмѣстѣ съ голодомъ и моромъ, величайшимъ несчастіемъ—неожиданной смертью Государя Императора Александра Николаевича? Нѣкогда Господь открывалъ чрезъ пророковъ, что Онъ отнимаетъ добрыхъ царей у народа за его нечестіе. Не умноженіе-ли невѣрія между нами и развращенія, не оскудѣніе-ли общественной доблести призвали на землю русскую кару Божію? О, не упорствуй на нихъ родная наша страна! не испытывай крѣпкую десницу Всевышняго: устанетъ-ли она бить тебя!... Въ облегченіе нашей неутѣшной скорби о почившемъ въ Бозѣ мученикѣ за грѣхи земли русской, Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, и для выраженія нашей безграничной любви къ нему, вознесемъ нашу горячую молитву къ Богу объ упокоеніи въ небесномъ своемъ царствѣ души благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича». (*«Современность»*.)

Рѣчь предъ панихидою по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, 2 марта 1881 года въ 8 часовъ вечера.

..... И такъ въ великой русской семьѣ не стало священной Главы семейства, въ великомъ Русскомъ государствѣ не стало великаго могущественнаго Государя, не стало Того, Кто всю жизнь свою посвящалъ на благо своихъ вѣрноподданныхъ! Нѣтъ ни одного сословія, ни одного званія, улучшенія быта котораго не коснулась-бы благодѣтельная рука въ Бозѣ почившаго Государя: Онъ былъ отцомъ въ собственномъ смыслѣ для всѣхъ вѣрноподданныхъ Его и другомъ всего человѣчества! Спросите крестьянскаго мальчика--кто открылъ ему широкій и легкій путь къ ученію; спросите бывшаго въ крѣпостной зависимости крестьянина—кто освободилъ его отъ этого тяжелаго вѣковаго рабства; спросите русскаго солдата—кто улучшилъ и облагородилъ его бытъ; спросите всѣхъ и каждаго—всѣ единогласно засвидѣтельствуютъ величайшую государственную мудрость, любовь и великодушіе въ Бозѣ почившаго Государя Александра Николаевича! Спросите серба, болгарина—кто такъ много облагодѣтельствовалъ ихъ?—Александръ II-й, Царь Русскій, Царь-Освободитель!—Всего добраго, многополезнаго и исчислить нельзя, а при мысли о страшномъ ужасающемъ событіи,

какъ громомъ поразившемъ всю русскую землю, уста отказываются говорить: теперь, православные, не время и не мѣсто разглагольствію; теперь время плача, глубокой душевной скорби, теперь время теплой молитвы. — *Упокой* *) *Господи душу усопшаго раба Твоего, Благочестивѣйшаго Государя нашего Александра Николаевича въ вѣчныхъ Твоихъ обителяхъ!* Двадцать шесть лѣтъ Государь царствовалъ, двадцать шесть лѣтъ достойно носилъ Онъ царскій вѣнецъ, и въ вѣчности несомнѣнно будетъ украшенъ нетлѣннымъ вѣнцомъ: Онъ погибъ какъ мученикъ отъ рукъ неслыханныхъ злодѣевъ! Аминь. *Свящ. П. Р.*

Рѣчь по прочтеніи Высочайшаго Манифеста 1-го марта и предъ присягою на вѣрноподданство Государю Императору Александру Александровичу, 8-го марта 1881 года.

Привѣтствую васъ, православные и правовѣрные, съ новымъ Всероссійскимъ Государемъ Александромъ Александровичемъ! — Сколько печали, слезъ и душевныхъ страданій принесено каждому русскому послѣднимъ событіемъ въ Петербургѣ, столько же и утѣшенія принесено истинно русскому человѣку извѣстіемъ о благополучномъ восшествіи на прародительскій всероссійскій престолъ благочестивѣйшаго Го-

*) При этихъ словахъ, вслѣдъ за проповѣдникомъ всѣ присутствовавшіе въ храмѣ—человѣкъ до 300—набожно перекрестились.

сударя Александра Александровича. По извѣстіямъ газетъ, въ Петербургѣ обстоитъ все благополучно. Тысячи народа толпятся на площади предъ Зимнимъ дворцемъ, гдѣ пока покоятся священные останки Царя Мученика; эти тысячи молятся о упокоеніи въ вѣчныхъ обителяхъ Отца Небеснаго въ Бозѣ почившаго Государя и эти тысячи радостно встрѣчаютъ молодаго Царя при входѣ и выходѣ Его изъ Зимняго дворца: дружное, громкое, долго несмолкаемое русское «ура» оглашаетъ площадь при появленіи Его Величества съ Его Августѣйшимъ семействомъ. Значитъ, горе и радость одинаково вмѣщаются въ сердцѣ русскаго человѣка, горе и радость сливаются во едино чувство: и отъ горя плачетъ руссій человѣкъ и отъ радости плачетъ, плачетъ и радуется!—Господи! что это за чувство такое,—глубокое, сознательное и въ то-же время безотчетное!!—Возблагодаримъ Господа, что Онъ на русское царство поставилъ мужа по сердцу Своему, мужа, полнаго силъ тѣлесныхъ и духовныхъ,—благочестивѣйшаго Государя Александра Александровича; возблагодаримъ Господа, что Онъ не оставилъ милостію Своею дорогаго нашего отечества... Поклянемся, православные, въ томъ, чтобы вѣрой и правдой послужить новому Царю, какъ мы служили въ Бозѣ почившему Государю Александру Николаевичу; будемъ цѣловать святое евангеліе и животворящій крестъ Господень съ непреложнымъ намѣреніемъ и обѣщаніемъ душу свою—жизнь положить за вѣру, отечество и Царя.—Богъ да поможетъ намъ исполнить

нами обѣщанное и да поможетъ Богъ Благочестивѣйшему Государю нашему Александру Александровичу утвердить царство его на многія лѣта, на счастіе и радость всѣхъ вѣрноподданныхъ Его. *Спаси Господи люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды Благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестомъ Твоимъ жительство.* Аминь. *Св. П. Р.*

с. Пенеровки Балашовскаго уѣзда.

Слово, произнесенное въ церкви Техническаго училища 15 марта въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, предъ началомъ панихиды, законоучителемъ училища свящ. В. М. Славскимъ.

Сегодня вся необъятная Русская земля, глубоко смущенная въ своей совѣсти страшнымъ преступленіемъ, тяжко опозоренная гнуснымъ злодѣйствомъ, жертвою котораго палъ лучшій изъ монарховъ, благороднѣйшій изъ людей настоящаго вѣка, величайшій благодѣтель человѣчества, сегодня, говоримъ, скорбная земля Русская отдаетъ послѣдній печальный долгъ своему великому Царю, уже давно получившему имя Освободителя, а нынѣ народнымъ сознаніемъ и голосомъ сопричисленному къ лику страстотерпцевъ, великомучениковъ. Нынѣ Русь Святая, Боголюбивая и царелюбивая, оскорбленная въ самыхъ завѣтныхъ

святѣйшихъ своихъ чувствахъ святотатственнымъ цареубійствомъ, въ послѣдній разъ мысленно повергается предъ дорогимъ прахомъ Царя Мученика, моля Всевышняго объ упокоеніи чистой души почившаго и въ то же время вымаливая себѣ прощеніе въ томъ, что она не сумѣла сберечь драгоцѣнную жизнь Его, что она, великая и могучая, не смогла охранить своего завѣтнаго сокровища, своей народной святыни отъ покушеній и поруганій шайки злодѣевъ-злоумышленниковъ. Эти злодѣи потому такъ часто покушались на драгоцѣнную жизнь Царя нашего, что видѣли въ ней оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Такъ нашъ новый возлюбленный Царь въ Своемъ Высочайшемъ Манифестѣ объяснилъ намъ причину, почему убійцы постоянно искали души почившаго Благодѣтеля Россіи. Онъ много творилъ добра своему и чужимъ народамъ и тѣмъ смущалъ и сердца служителей зла и разрушенія и разжигалъ въ нихъ ненависть и злобу къ себѣ. Умъ, извращенный ложными ученіями, сердце, испорченное эгоизмомъ и самолюбіемъ, всегда такъ именно высказываются. Для лучшаго уясненія этой истины я припомню вамъ одинъ случай изъ жизни Христа Спасителя. Когда Онъ воскресилъ Лазаря, уже смердящаго, беззаконный синедріонъ іудейскій, собравшись въ чрезвычайное засѣданіе, разсуждалъ: что намъ дѣлать съ этимъ человѣкомъ? Онъ много чудесъ творитъ. Если оставимъ Его такъ, то всѣ въ Него увѣруютъ и придутъ Римляне и овладѣютъ и мѣстомъ нашимъ и народомъ (Іоан. 11, 47—48). Непризван-

ные радѣтели народа, самозванные охранители его духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ рѣшили убить Христа за то, что Онъ много чудесъ творилъ, то есть являлся истиннымъ, величайшимъ, Божественнымъ благодѣтелемъ Еврейскаго народа и всего рода человѣческаго,—слѣпые народные вожди свои условныя, узкія, лживыя, нелѣпыя понятія о народномъ благѣ ставили выше, цѣнили дороже тѣхъ истинныхъ благъ, которыхъ народъ искалъ у Христа, а Христосъ давалъ народу. Не подобное ли сему случилось съ нашимъ Царемъ-Мученикомъ? Онъ поистинѣ осыпалъ народъ свой великими благодѣяніями. Давъ предъ Богомъ обѣтъ обнимать своею царскою любовію и попеченіемъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ всякаго званія и состоянія отъ благородно владѣющаго мечомъ на защиту отечества до скромно работающаго ремесленнымъ орудіемъ, отъ проходящаго высшую службу государственную до проводящаго на полѣ борозду сохою или плугомъ, Онъ нерушимо свято исполнилъ свой царскій великій обѣтъ. Вся жизнь Его была безпрерывнымъ подвигомъ любви на бляго Русскаго народа и всего человѣчества. Да! Русь смѣло на весь міръ можетъ провозгласить, что ея Царь *самодержавный*, Царь съ *неограниченными правами* власти, что мнимымъ мудрецамъ кажется соблазномъ и безуміемъ, вмѣстѣ съ православнымъ народомъ своимъ, который кичливая своимъ просвѣщеніемъ Европа называетъ народомъ варварскимъ, въ теченіе своего царствованія для блага человѣчества, для его высшихъ, благороднѣйшихъ интересовъ,

для его истинной свободы и истиннаго достоинства одинъ сдѣлалъ больше чѣмъ вся современная ему просвѣщенная Европа. Такой Царь долженъ былъ смущать умы и возбуждать злобу тѣхъ, которые въ слѣпотѣ своей потеряли способность видѣть и понимать духъ жизни, душу народную, благо безусловное, и замкнули свои помыслы въ мертвыхъ отвлеченныхъ формулахъ, которыя они потому особенно возлюбили, что незаконно окрестили ихъ именемъ либеральныхъ. Они обнимаютъ мечту, они ловятъ вѣтеръ, а живаго народа, его насущныхъ духовныхъ потребностей, его души и исторіи они не знаютъ и не понимаютъ. Отуманилась у нихъ голова отъ ложныхъ ученій, извратилась ихъ нравственная природа, и истинное добро стало для нихъ непонятно и ненавистно. Искалѣченные умственно, извращенные нравственно, несчастные и преступные безумцы совершили наконецъ по истинѣ адское дѣло: убили, искалѣчили того Царя, который выше всѣхъ своихъ современниковъ держалъ знамя человѣчества и больше всѣхъ ихъ совершилъ великаго подъ этимъ священнымъ для Него знаменемъ. Они думали своимъ злодѣйствомъ замутить и потрясти Россію. Но ошиблись они въ своихъ расчетахъ. Невинная кровь Царя-Освободителя сдѣлала Его кроткій, свѣтлый образъ еще болѣе любезнымъ въ глазахъ вѣрнаго и преданнаго Ему народа; мученическая кончина Царя-Благодѣтеля и Отца своихъ подданныхъ еще крѣпче чѣмъ когда-нибудь связала Русскій народъ съ Царствующимъ Домомъ, еще глубже, чѣмъ было доселѣ, внѣд-

рила въ душу и сознаніе народа его исконное вѣковѣчное вѣрованіе, что Царь самодержавный по истинѣ есть священный залогъ и оплотъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа, что въ живомъ нераздѣльномъ союзѣ съ Нимъ всего народа—несокрушимая сила дорогаго нашего отечества, что истинное благо наше въ томъ, чтобы жить своею самобытною, національною жизнію, что долгъ каждаго вѣрнаго сына Россіи свято хранить священные завѣты, преданія, вѣрованія, идеалы Русскаго народа, а не пресмыкаться предъ Европой и ея внѣшними формами жизни, возникшими изъ инаго, чуждаго намъ духовнаго склада, изъ иныхъ, къ счастію неизвѣданныхъ нами, историческихъ судебъ. Однимъ словомъ, настоящее тяжкое испытаніе, постигшее Россію, какъ и прежнія тяжелыя годины, дало Русскому народу всѣмъ существомъ своимъ почувствовать, что самодержавіе и православіе - единственныя несокрушимыя твердыни его величія и благоденствія. Посему-то Русскій народъ, смиренно покоряясь поразившему его удару, ищетъ облегченія своей безмѣрной скорби во храмахъ Божіихъ, изливаетъ свою скорбную душу въ слезныхъ молитвахъ за Царя-Мученика и заявленіяхъ пламенной любви и безграничной преданности своему новому Монарху, который сталъ для него безмѣрно дороже, потому что народъ невольно чувствуетъ свою великую вину предъ Его незабвеннымъ Родителемъ. Помолимся и мы вмѣстѣ со всею Русскою землею, да упокоитъ Господь чистую душу почившаго Царя-Великомученика въ селеніяхъ праведныхъ и да про-

стигъ Онъ, Милосердый, грѣхи Россіи предъ собою самою и предъ Царемъ своимъ. Аминь.

Слово, сказанное 8-го марта въ каѳедральномъ соборѣ въ день чтенія всемилостивѣйшаго Манифеста о восшествіи на Престолъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

Вотъ уже и недѣля прошла послѣ того ужаснаго кроваваго событія, которое совершилось злодѣйскою рукою въ столицѣ нашего отечества. А между тѣмъ мы все еще подъ впечатлѣніемъ этого страшнаго событія, которое отнимаетъ возможность и соображать и мыслить. И не хочется вѣрить, а невѣрить нельзя,— и это приводитъ къ ужасному безвыходному настроенію духа. Умъ цепенѣетъ, мысль отказывается служить при одномъ представленіи этого событія. Близко ли, далеко ли мы стоимъ отъ дѣлъ государственныхъ, но ужасное цареубійство, совершенное у насъ, на Руси, среди бѣлаго дня, въ столицѣ, посреди милліоннаго населенія, потрясаетъ всѣ основы мыслящаго духа, и наводитъ на страшныя, помрачающія разсудокъ, думы. Что же это значитъ? Чего хотятъ убійцы? Чего добивается эта подпольная крамола? Добивается ли она общаго разстройства государственнаго, чтобы при этомъ достигнуть своего? Да чего же? Должны же знать эти люди, составляющіе незначительное, ничтожное меньшинство, что при

этомъ они же первые должны пасть жертвою общей ярости и мести. Мстятъ ли за что Царю-мученику? Но кто же не знаетъ, что вся жизнь Его была рядомъ благодѣяній для всего царства, рядомъ великихъ учрежденій и нововведеній, которыя рѣзко отличаютъ и возвышаютъ Его царствованіе предъ другими царствованіями. Онъ великъ былъ не только какъ Царь многолюднаго царства, но и какъ истинно рѣдкій человѣкъ, какъ воплощенная доброта. Его милосердная, истинно христіанская душа, какъ искра Божія, такъ и свѣтилася во всѣхъ его дѣлахъ и начинаніяхъ. Неужели это и не нравилось злодѣямъ въ Немъ? Неужели потому болѣе и болѣе они озлоблялись противъ Него, что съ каждымъ годомъ Его царствованія болѣе и болѣе упрочивалось и водворялось все честное, трудовое и благонамѣренное. И прежде не разъ покушаясь на жизнь Государя Императора и совершивши теперь убійство,—развѣ они не знаютъ, что имъ не жить—не существовать; и не ошибемся, если скажемъ, что они, какъ уже погибшіе во всѣхъ отношеніяхъ, и совершили это злодѣйство во имя только злодѣйства, безъ всякой надежды на какое либо для себя спасеніе. Да! Страшные, ужасные люди! Несчастное, погибшее отродіе, среди грѣшнаго рода человѣческаго!

А Тебѣ, почившій нашъ Государь, что мы скажемъ, представляя Тебя лежащаго во гробѣ, обагреннаго Твоею кровію отъ руки злодѣя, и такъ мученически кончившаго жизнь?! Такою ли кончиною должны были закончиться дорогіе дни Твои?! Такими ли болями и

муками долженъ былъ совершиться Твой переходъ въ загробную, вѣчную жизнь?! Или и Тебѣ суждено пасть жертвою также, какъ пали великіе благодѣтели и поборники истины и правды, которые за правду и истину были и убиваемы, и гонимы, и поругаемы?!

Не намъ, не намъ испытывать пути Провидѣнія Божія! Нѣтъ! Намъ нужно еще искупить эту жертву, которая изъ за насъ же принесена теперь. Ибо среди насъ эти люди—злодѣи родились, выросли и воспитались, и созрѣли въ то гибельное отродіе, которое должно бы давно быть истреблено и уничтожено не только благомыслящими людьми, но даже стихіями міра?! Зачѣмъ же мы дали возможность и быть и жить между нами такимъ злодѣямъ! Да, это ужасное цареубійство падаетъ страшнымъ позоромъ на всѣхъ насъ, такъ какъ оно совершилось среди насъ, нами же выращеннымъ поколѣніемъ! Чѣмъ же мы искупимъ этотъ гнѣвъ Божій на насъ, — это явное намъ наказаніе за то, что мы не умѣли дорожить, не умѣли цѣнить и охранять такого великаго благодѣтеля, какимъ былъ для насъ почившій Государь. О! многимъ, многимъ изъ насъ, можетъ, придется искупить кровь этого неповиннаго Мученика, и особенно тѣмъ, которые сами чувствуютъ вину за собою въ томъ или другомъ отношеніи. Не намъ испытывать пути Провидѣнія Божія,—но наше дѣло подумать о себѣ, заглянуть въ свою жизнь, чтобы именно въ ней видѣть главную вину того великаго горя, которое мы переживаемъ въ настоящее время, — той великой опасности, какая можетъ грозить и каждому

изъ насъ, если подобные крамольники будутъ еще жить и усиливаться въ нашемъ отечествѣ. Что же мы должны дѣлать, съ чего должны начать, чтобы отвратить гнѣвъ Божій на ны движимый, и снискать опять Его милости?

Прежде всего мы должны обновиться и жить вѣрою въ Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, Того Великаго Страдальца, который искупилъ насъ Своею смертію отъ вѣчнаго позора и проклятія. И эта вѣра пусть живетъ въ насъ какъ твердый незыблемый камень, живетъ и проявляетъ себя и въ мыслахъ, и въ чувствахъ, и въ желаніяхъ, и въ стремленіяхъ. Да соединитъ и сплотитъ она насъ всѣхъ между собою, какъ одну семью, какъ одну крѣпкую и незыблемую общину, которую не въ силахъ не только поколебать двѣ — три, даже десятки какихъ нибудь жалкихъ, погибшихъ личностей, позволяющихъ себѣ нечистыми своими устами прикасаться святыни и подымать свой умъ на все Божественное. Да изгонятся отъ среды насъ эти и подобныя личности, и да не будетъ имъ мѣста и пристанища между нами! Тогда они поймутъ свою отчужденность и одиночность, и рано или поздно всѣ истребятся собственною своею смрадною смертію, не повредивши чистаго и непорочнаго состава вѣрующихъ. Пусть каждый твердо и нелицемѣрно стоитъ за вѣру Христову и ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ какому бы то ни было вольномыслію пускаться въ разсужденія въ нашихъ общихъ собраніяхъ, составляющихся между нами. Да изгонится изъ среды насъ таковой!

Да не будетъ ему мѣста между нами! Пусть онъ живетъ и бродитъ какъ тѣнь, какъ привидѣніе, если не хочетъ обратиться и покаяться. Среда общественная— великое дѣло, и кто устоитъ противъ ея кары! Не нужно только никому потворствовать, никому поблажать, кто бы онъ ни былъ.

Мы должны искупить жертву, принесенную за насъ, строгою нравственною (истинно христіанскою) жизнію, въ такой степени, въ такой чистотѣ и безупречности, которая, какъ въ зеркалѣ, отражаетъ въ себѣ чистаго и непорочнаго христіанина. Его вѣра твердая должна быть видна и въ его жизни. Семейный ли онъ человѣкъ,—его семейная жизнь пусть представляетъ тѣ по-истинѣ отрадныя проявленія патріархальной, святой жизни, которая невольно вызываетъ сердце на благодареніе Господу, что есть еще между нами добрыя, богобоязненныя семьи, гдѣ и страхъ Божій, и уваженіе къ старшимъ, и любовь ко всему доброму и хорошему; гдѣ скромно и тихо зрѣютъ и созрѣваютъ добрыя сѣмена, посѣваемыя заботливою и неустанною рукою добрыхъ и богобоязненныхъ родителей. И дай Богъ, чтобы не только не оскудѣвали между нами подобныя семьи, но число ихъ болѣе и болѣе возрастало, ко благу, счастію и возвышенію и церкви и государства. Одинокій ли онъ человѣкъ,—пусть живетъ строгою, безупречною жизнію, чтобы не позорить себя, и не подрывать невольно того уваженія къ себѣ, которое долженъ имѣть въ общинѣ, чтобы имѣть значеніе и вліяніе на другихъ. А для сего мы никогда не должны смотрѣть сквозь

пальцы на ту распущенность, которая не только иногда терпится между нами, но даже и поощряется и находитъ подражателей. Пусть распутники и вольнодумцы, какъ и хульники и оскорбители вѣры, не имѣютъ мѣста и пристанища между нами; пусть всѣ растлители и совратители другихъ будутъ чужды нашей средѣ. Вѣдь и злодѣи, покушавшіеся прежде на жизнь Государя, и теперь такъ злодѣйски убившіе его, и они тоже не признаютъ никакихъ нравственныхъ законовъ, для нихъ тоже нѣтъ ничего святаго, дошли до полнаго безстыдства. А вѣдь они вышли изъ среды же насъ; и вотъ во что созрѣли! Вотъ чѣмъ хотятъ проявлять и проявляютъ свою жизнь!

Мы должны искупить смерть благодѣтельнѣйшаго Государя вѣрною и нелицемѣрною службою, полною преданностію и покорностью новому Монарху нашему, при такомъ ужасномъ, потрясающемъ событіи, восходящему на Престолъ своихъ предковъ. Что Онъ долженъ чувствовать, что Онъ долженъ переживать въ эти минуты, страшныя минуты, стоя у гроба своего Мученика—Отца и Государя?! Что онъ долженъ ощущать, видя Его Царственное лицо, смотря на его смѣжившіяся очи, на вѣки закрывшіяся для настоящей жизни, отъ руки какого-нибудь злодѣя, среди мукъ и страданій?! И за что же? Неужели за то, что Онъ рядомъ мудрыхъ узаконеній призывалъ всѣхъ къ честному и полезному труду, и выводилъ наружу праздность и тунеядство, и менѣе и менѣе давалъ имъ мѣста въ государствѣ, какъ не только безполезнымъ,

а вмѣстѣ и вреднымъ членамъ общества?! Или, какъ говоритъ Всемилостивѣйшій Манифестъ новаго Монарха: «Онъ палъ отъ руки злодѣевъ потому, что въ Его жизни видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа». Нѣтъ! Мало намъ имѣть преданности только,— но сколько вмѣстѣ нужно съ нашей стороны и глубокаго чувства сострадапія къ новому Монарху при одномъ представленіи тѣхъ ужасныхъ и потрясающихъ минутъ, съ коими Онъ будетъ опускать въ могилу драгоцѣнные останки по-истинѣ Великаго Государя. Можетъ ли Онъ забыть когда-либо, въ продолженіи всей своей жизни, это ужасное начало своего царствованія. Твердымъ неопустительнымъ исполненіемъ своихъ по отношенію къ Нему обязанностей мы должны болѣе и болѣе залѣчивать эту страшную рану, нанесенную Его сердцу. Вотъ Онъ и обращается къ намъ съ своимъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ и прямо говоритъ, что «подъемлетъ тяжкое бремя, Богомъ на Него возложенное, но съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь». Проситъ Всемогущаго Бога направить Его силы къ устроенію счастія всѣхъ вѣрноподданныхъ и повторяетъ обѣтъ Великаго своего Родителя посвятить всю жизнь попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи. Не ясно ли, чѣмъ мы должны отвѣчать на эти драгоцѣнныя для насъ слова Монарха нашего?! Кто не понимаетъ теперь, какъ вѣрно и нелицемѣрно должны мы служить, чтобы осуществились самымъ дѣломъ и величіе и слава и могущество Россіи!

Мы должны искупить смерть мученическую нашего Великаго Государя и Отца честнымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ всѣхъ своихъ обязанностей частныхъ ли то, общественныхъ, или государственныхъ. Должны служить и дѣлать свое дѣло, какъ слѣдуетъ, не ожидая напоминанія поставленныхъ надъ нами властей. Гдѣ же власти и какому бы то ни было надзору услѣдить за тѣми, кои, потерявши и стыдъ и совѣсть, относятся недобросовѣстно къ своему дѣлу, безстыдно прикрываясь только личиною благонамѣренности и добросовѣстности. Сколько между нами, можетъ быть, найдется такихъ, которые дѣлаютъ дѣла слишкомъ мало, или ничего. Въ такихъ-то людяхъ и развивается болѣе всего и себялюбіе и личная выгода, изъ за которыхъ они ко всему прочему и ко всѣмъ относятся не только безразлично, но даже и совершенно безучастно. Было бы имъ только хорошо, а до другихъ имъ дѣла нѣтъ. А сколько можетъ быть между нами и такихъ, которые вмѣстѣ, и относясь недобросовѣстно къ своему дѣлу, искажаютъ законы, обстановляя самое вопіющее дѣло такими формами законности, которыя только прикрываютъ беззаконность. Можно ли исчислить все зло, проистекающее отъ подобнаго рода людей и дѣятелей общественныхъ?! Это разрушители и сокрушители всего того, что другіе такъ усиленно, такъ старательно созидаютъ. А чрезъ это въ основаніи подрываютъ довѣріе къ правительству, поселяютъ недоразумѣніе и какое-то недовѣріе и къ самому закону; они разрушаютъ самыя естественныя отношенія взаимнаго

нашего довѣрія другъ къ другу, и поселяютъ недовѣріе ко всему и ко всѣмъ. Подобные люди—такіе же враги и злодѣи нашего отечества, какъ и тѣ, которые явно и открыто злодѣйскою рукою возстаютъ противъ него.

Да не смущается сердце истиннаго сына отечества, если служитель слова Божія, подъ вліяніемъ разнородныхъ чувствъ и общаго, великаго постигшаго насъ горя, можетъ быть, и высказалъ что либо рѣзкое?! Что же дѣлать Святой церкви, въ лицѣ ея служителей, когда она и Богомъ, и Царемъ, и долгомъ своей совѣсти, призвана и на обличеніе, и на умоленіе всѣхъ сыновъ и Церкви и Отечества къ святому и чистому исполненію своихъ обязанностей?! Что же дѣлать ей, насажденной на землѣ самимъ Господомъ, когда на ней лежитъ святая обязанность предостерегать неопытныхъ, указывать на опасныхъ и зловредныхъ людей, чтобы они, сами погибшіе, не увлекали и другихъ въ погибель. Горе, постигшее насъ, такъ велико, событіе такъ возмутительно и страшно, что Святая церковь, возмущенная и потрясенная со всѣми вѣрными сынами отечества, видитъ въ совершившемся именно прямое наказаніе Божіе за наши грѣхи и недостоинства и за нашу слабость вѣры.

Господи, Боже Преблагій! Пробави милость Твою къ намъ. Благослови вѣнецъ наступившаго лѣта Царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего Александра Александровича. Даруй Ему силы и возможность побѣдить и побороть то зло крамольное, которое такъ укоренилось въ нашемъ отечествѣ.

Умудри Его прежде всего на это дѣло, чтобы Онъ могъ возвратить намъ тихую и мирную жизнь, и мы подъ сѣнію Его Царствованія долго, долго жили во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Аминь.

Протоіерей *А. Родиславовъ.*

По окончаніи панихиды протоіерей А. М. *Колобелинъ* произнесъ слѣдующую рѣчь:

Русское православно - народное чувство, во вниманіе и благодарность и къ обыкновеннымъ людямъ, оказавшимъ особыя заслуги на пользу государства, церкви и общества, увѣковѣчиваетъ славу ихъ имени какими—либо видимыми, навсегда остающимися, памятниками. Въ переживаемое нами страшное время, Россія въ лицѣ умерщвленнаго ея врагами добродѣтельнѣйшаго изъ монарховъ и лучшаго изъ лучшихъ людей Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, лишилась величайшаго Благодѣтеля, смерть котораго горько оплакиваютъ не только милліоны Россіянъ и Славянскихъ племенъ Востока, но и всѣ цивилизованные народы земнаго шара вмѣстѣ съ ихъ правителями и правительствами; ибо изъ нихъ многіе неоднократно пользовались благодѣяніями миролюбивой политики могущественнаго Миротворца Императора Русскаго Александра II, нынѣ въ Бозѣ почившаго. Дарованныя имъ Россіи величайшія блага, какъ-то: уничтоженіе у насъ рабства, отмѣна позорныхъ тѣлесныхъ наказаній, свобода мысли, свобода слова, свобода самоуправленія, свобода правосудія, свобода составленія обществъ для дѣлъ благотворенія

и пользы отечества, открытіе Русскому царству всѣхъ путей къ истинѣ, справедливости, добру, чести, величію и славѣ, извѣстны всѣмъ вѣрнымъ сынамъ нашего обширнѣйшаго отечества. Только недруги Русскаго народа, домогающіеся произвести въ немъ смуту и волненіе и тѣмъ лишить его того могущества и благоденствія, которыя возможны лишь при твердомъ и непоколебимомъ союзѣ его съ державнымъ Престоломъ Монарха, только эти враги и злоумышленники способны и могутъ взводить на почившаго Вѣнценосца безсмысленную, но дерзкую клевету,— якобы Онъ предвосхитилъ у Россіи какія-то естественныя ея права. Этихъ безумныхъ клеветниковъ и враговъ государственнаго и общественнаго строя и порядка, во всеуслышаніе всего міра, громко обличаютъ и единодушно клеймятъ позоромъ за ихъ безбожное дѣло всѣ народы цивилизованныхъ странъ, поспѣшившіе выразить Русскому народу свое сочувствіе по случаю постигшаго его страшнаго несчастія: всѣ монархи, правительства, парламенты и штаты въ Европѣ и по ту сторону Атлантическаго океана шлютъ адресы соболѣзнованія; всѣ восхваляютъ добрый и великодушный характеръ въ Бозѣ почившаго Императора Александра II; всѣ ставятъ Его въ рядъ благороднѣйшихъ благодѣтелей человѣчества и высказываютъ, что великодушный, высокомыслящій, кроткій, милостивый Монархъ похищенъ у благодарнаго, преданнаго Ему народа.

Въ первопрестольной столицѣ Москвѣ — сердцѣ Россіи,—въ которой глубоко вкоренено чувство вѣр-

ноподданнической преданности Русскимъ Самодержцамъ, возникла патріотическая мысль — близъ того страшнаго мѣста, гдѣ совершено кровавое жертвоприношеніе возлюбленнѣйшаго Русскаго Царя соорудить по всенародной подпискѣ зданіе, въ к[illegible]мъ призрѣвались бы, въ числѣ возможно большемъ, безпріютныя и бѣдныя жертвы несчастныхъ случаевъ событій и войнъ.

Мы — Калужане — ближайшіе сосѣди вѣрноподданнѣйшихъ граждань первопрестольной Москвы, творя нынѣ, въ девятый день кончины Вѣнценоснаго Мученика, блаженныя, вѣчной славы достойныя памяти Государя Императора Александра Николаевича, молитвенное о Немъ поминовеніе, не замедлимъ откликнуться на призывъ Москвы, удѣлимъ свои посильныя лепты на приведеніе къ исполненію истинно-патріотическаго предпріятія, которымъ достойно будетъ почтена память Того, Кто самъ весь былъ любовь, весь милосердіе.

Пусть у мѣста, — заключимъ наше слово воодушевленными словами вѣрнаго истолкователя чувствъ Москвичей, а съ ними и всего вѣрноподданнаго населенія земли Русской, — пусть у мѣста, гдѣ доселѣ не перестають раздаваться плачь и рыданіе по Великомъ Мученикѣ — Царѣ, не замолкнутъ во вѣкъ молитвы страдальцевъ, обязанныхъ своимъ успокоеніемъ Его святой памяти; пусть на мѣстѣ, гдѣ пролилась Его кровь, ежегодно, въ печальный день ужаснаго событія, совершается молитвенное поминовеніе великаго, любезнаго Россіи и всему славянству Имени.

Слово, сказанное въ Калужскомъ каѳедральномъ соборѣ, 15 марта 1881 года въ день погребенія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра II.

И устрѣлиша стрѣлцы въ царя Іосію, и умре, и погребенъ бысть со отцы своими: и весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. 2 Парал. 35; 23 и 24.

Великое горе постигло нѣкогда древній народъ Іудейскій. Царь его *Іосія, подобенъ* которому *не бысть предъ нимъ, иже бы обратился ко Господу всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всею крѣпостію своею по всему закону Моисееву, и по немъ не воста подобенъ ему* (2 Парал. 35. 20), внезапно бывъ раненъ стрѣлами непріятельскими въ войнѣ съ иноплеменниками, *умеръ* еще рано, въ полномъ развитіи силъ своихъ, на 39 году отъ рожденія. (Тамъ же 20—24; 4 Царств. 22; 1) *и погребенъ бысть со отцы своими: и весь Іуда*, т. е. весь народъ Іудейскій, и *Іерусалимъ*, столица царства Іудейскаго, *плакаша объ Іосіи*.

Братіе! И насъ постигло подобное горе... И мы лишились Царя... Плачемъ теперь мы, плачутъ столицы, плачутъ города и деревни, плачетъ вся Россія... И какъ не плакать? Кого мы лишились? Какого Царя? Какъ въ Іудейскомъ народѣ, послѣ раздѣленія народа на два царства, не было ни прежде, ни послѣ Іосіи, ни одного царя подобнаго ему по благочестію, по

ревности къ закону и по заботливости о народѣ: такъ и у насъ, между Русскими Государями, особенно послѣдняго времени, до оплакиваемаго нами Государя Александра Николаевича не было подобнаго Ему по многимъ качествамъ и дѣламъ царскимъ. Онъ былъ крѣпко преданъ вѣрѣ православной. Мы видѣли Его, мы слышали Его вѣру въ Бога особенно въ дни несчастій, постигавшихъ Его и насъ съ Нимъ... Какъ Онъ горячо молился тогда въ храмахъ, часовняхъ, смиренно преклоняя колѣна свои предъ Богомъ Спасителемъ, проливая слезы! Какъ во всеуслышаніе всѣхъ онъ исповѣдалъ, что одинъ Богъ спасалъ Его, что жизнь Его въ рукахъ Промысла, что все упованіе Его въ Богѣ! Онъ ревностно заботился о распространеніи вѣры между невѣдущими Бога истиннаго; Онъ бдительно охранялъ свою вѣру и церковь отъ козней и нападеній иновѣрныхъ; много Онъ сдѣлалъ для поднятія образованія пастырей и служителей церкви и для матеріальнаго обезпеченія ихъ. По всѣмъ дѣламъ Его относительно вѣры и церкви мы можемъ, какъ сказано объ Іосіи, сказать и о нашемъ незабвенномъ Царѣ Александрѣ Николаевичѣ, что Онъ былъ обращенъ къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею и всею крѣпостію своею. А какъ онъ любилъ народъ свой! Кто можетъ измѣрить великую любовь Его къ намъ? Имъ уничтожено у насъ рабство, отмѣнены позорныя тѣлесныя наказанія, дана свобода мысли и слова, дарованы свобода самоуправленія, свобода правосудія, свобода составленія обществъ для дѣлъ благотворенія и пользы отечества;

всѣмъ гражданамъ отечества безъ различія сословій. Имъ предоставлены равныя права къ достиженію знанія, образованія и служебнаго положенія. Однимъ словомъ Онъ открылъ въ Своемъ великомъ царствѣ всѣмъ равно многоразличные пути къ истинѣ, добру, справедливости, чести, благосостоянію, величію и славѣ. Двадцать шесть лѣтъ Онъ царствовалъ у насъ и надъ нами и, какъ свидѣтельствуютъ ближайшія къ Нему лица, Его сутрудники (Рѣчь министр. финанс. Грейга въ Москвѣ), всѣ дни Его царствованія, не только будніе, но и праздничные, до глубокой ночи, и не только въ тиши кабинета, но и въ пути, были посвящены думѣ, попеченію и трудамъ ко благу своего народа. И не человѣческая только любовь проявлялась въ Немъ, чисто племенная, узкая, боязливая, но истинно христіанская, широкая, всеобъемлющая, безстрашная, самопожертвованная. Не одни мы, но и народы и племена Востока, освобожденные Имъ отъ пятисотлѣтняго ига, извѣдали и прославляютъ эту истинно-христіанскую любовь Его, и вся Европа и весь міръ знаетъ и проповѣдуетъ о сей любви Его. Любилъ Онъ Бога и Богъ любилъ Его. Мы знаемъ это изъ неоднократныхъ опытовъ чудеснаго заступленія и избавленія Его отъ опасностей смерти. Любилъ Онъ свой народъ, и кто же истинно русскій не любилъ Его, кто не благоговѣлъ предъ своимъ Царемъ-Освободителемъ?

И вотъ не стало у насъ этого любящаго и любимаго Царя! Отлетѣлъ отъ насъ Ангелъ русской земли! Смерть похитила у насъ это сокровище добра, съ

безпримѣрною красотою и чистотою свѣтившее русской землѣ и согрѣвавшее ее! И мы лишились нашего Благодѣтеля, нашей славы, нашей радости, нашей надежды и утѣшенія.

И какъ лишились мы своего Царя-Отца? О, если бы мы могли сказать только то, что Онъ умеръ, какъ всякій смертный человѣкъ, естественною смертію! Тогда въ покорности волѣ Бога, полагающаго предѣлы жизни человѣческой, мы могли бы искать утѣшенія себѣ. Но смерть Его неестественна; Онъ убитъ, въ своей столицѣ, среди бѣлаго дня, среди народа своего... убитъ своими же дѣтьми — извергами!.. Іудеи плакали о своемъ царѣ Іосіи. У нихъ было одно горе, что они по волѣ Божіей лишились добраго царя, и слезы могли облегчать ихъ горе. Но для насъ мученическая кончина Царя-Отца — не одно горе, но стыдъ и позоръ и великое несчастіе, — явное проявленіе гнѣва Божія къ намъ. Мы плачемъ, но слезы не облегчаютъ нашего горя. Нынѣ день погребенія Царя-Мученика; земля сокроетъ отъ насъ останки Его истерзаннаго тѣла. Мы будемъ долго плакать и послѣ сего, вспоминая Его; но слезы однѣ не могутъ никогда смыть стыда нашего съ лица и позора, и не отвратимъ ими гнѣва Божія, явно выразившагося на насъ въ болѣзненной, мученической кончинѣ Царя.

Да, братіе, эта насильственная, мученическая кончина Царя нашего не есть несчастіе собственно для Него, не есть проявленіе гнѣва Божія къ Нему. Онъ умеръ послѣ принятія Имъ таинства исповѣди

и причащенія Св. Таинъ наканунѣ смерти, слѣд. послѣ полнаго примиренія съ Богомъ, — это одно не допускаетъ и мысли о гнѣвѣ Божіемъ къ Нему: первый взрывъ смертоноснаго снаряда прошелъ для него безъ вреда,—это явный знакъ благоволенія и любви Божіей къ Нему. Затѣмъ мы видимъ, какъ Царь, не смотря на явную опасность, не смотря на предостереженія окружавшихъ, движется христіанскою любовію къ пострадавшимъ за Него и спѣшитъ оказать имъ знаки своего высокаго участія, состраданія и утѣшенія. И въ это время злодѣйская рука наноситъ Ему смерть. Не явно ли, что Богъ, оказывавшій Ему любовь и благоволеніе въ жизни, до конца возлюбилъ Его и, прославивъ Его на землѣ славою и честію у всѣхъ народовъ, восхотѣлъ прославить Его и небесною славою, увѣнчать Его вѣнцомъ мученическимъ, а насъ поразить гнѣвомъ своимъ, наказать горемъ и несчастіемъ чрезъ лишеніе добродѣтельнаго Царя?.. За что? За наши грѣхи, грѣхи многіе и тяжкіе!..

И не слезами унынія мы можемъ отвратить гнѣвъ Божій, движимый на насъ, и смыть сколько нибудь позоръ съ лица нашего за цареубійство, но только слезами искренняго и всенароднаго раскаянія, немедленнымъ и рѣшительнымъ исправленіемъ и строгимъ благочестіемъ.

Теперь могила открыла нѣдра свои и земля готова навсегда скрыть отъ насъ останки Царя-Мученика. Если не теперь, то когда еще благовременнѣе принести очистительное покаяніе въ грѣхахъ? Пора уже

и придти къ сознанію ихъ. Исповѣдуемъ же всенародно, что мы виновны въ мученической смерти Царя нашего, виновны прежде всего тѣмъ, что не съумѣли уберечь Его отъ нападенія горсти злодѣевъ, не нечаянно, но такъ давно и такъ дерзко угрожавшихъ Ему и намъ,—виновны въ томъ, что дали и воспитаться имъ среди насъ, въ нашихъ семьяхъ и школахъ. Но этотъ грѣхъ нашего недомыслія, нашей лѣни и косности,—грѣхъ тяжкій противъ Царя-Мученика, есть только слѣдствіе болѣе тяжкихъ грѣховъ противъ Бога.

Грѣхи же, которыми мы привлекли на себя явный гнѣвъ Божій,—это, во первыхъ, въ иныхъ отреченіе отъ вѣры православной и полное пренебреженіе къ уставамъ церкви, въ другихъ холодность къ вѣрѣ, безсердечное и лицемѣрное исполненіе однихъ внѣшнихъ обрядовъ;—это,—во вторыхъ, великая распущенность нравовъ, проявляющаяся такъ нерѣдко въ самовольномъ и беззаконномъ расторженіи брачныхъ семейныхъ узъ, въ явномъ и безстыдномъ незаконномъ сожительствѣ, въ дерзкомъ и площадномъ ругательствѣ и сквернословіи, котораго однако же никто не останавливаетъ;—это, далѣе,—грѣхъ крайней невоздержности во всемъ, въ пищѣ, въ питіи, въ одеждѣ: посты рѣдко кто соблюдаетъ, пренебреженіе ими проникло даже и въ простой народъ; пьянство всѣмъ глаза колетъ, роскошь въ одеждѣ становится не по средствамъ и богатымъ. Отсюда, отъ невоздержности, породились лихоимство, взяточничество, искательство и стремленіе къ наживѣ всякими способами. Строго,

скажете, и жестко обличеніе? Теперь не время спорить. Откройте глаза и уши, посмотрите въ свою совѣсть. Они,—этимо и свидѣтели,—подтвердятъ вамъ слова мои. Теперь не время самооправданія. Предъ могилою Мученика Царя намъ нужно только плакать и каяться. Принесемъ же предъ лицемъ всевидящаго Бога всѣ и каждый покаяніе въ сихъ и другихъ своихъ грѣхахъ.

Обѣ столицы, плача о царѣ, безвременно и мученически скончавшемся, спѣшатъ умилостивить гнѣвъ Божій и успокоить свою совѣсть жертвами на храмъ и богадѣльные дома во имя Царя-Мученика. Дѣла милости—это прекрасные плоды покаянія и вѣрныя средства къ примиренію съ Богомъ. Было бы грѣшно и стыдно, если бы кто изъ насъ отказался отъ участія въ сихъ жертвахъ на вѣчную память о Царѣ-Благодѣтелѣ.

Но и этого мало для отклоненія гнѣва Божія, движимаго на насъ. Іудеи плакали объ Іосіи, но плачемъ не отвратили отъ себя гнѣва и наказанія Божія, еще прежде предреченнаго имъ—за беззаконія ихъ, когда они опять пошли тѣмъ же путемъ нечестія и беззаконія, какими ходили до Іосіи. И жертва вещественная не всегда бываетъ выраженіемъ истинной любви къ Богу и людямъ, а нерѣдко исходитъ изъ тщеславія и лицемѣрія. Для отвращенія гнѣва Божія, послѣ покаянія, необходимо искреннее и рѣшительное исправленіе и обращеніе на путь истины и добродѣтели. И прежде всего очистимъ себя отъ всякаго вольнодумства въ истинахъ вѣры и покоримся съ

дѣтскою покорностію вѣрѣ православной и учительницѣ вѣры—святой Церкви. Есть ли сколько нибудь благоразумія предпочитать авторитетъ какого нибудь ученаго человѣка авторитету божественному?.. Нынѣ св. Церковь предлагаетъ нашему взору и поклоненію Св. Крестъ Христовъ. Всмотритесь въ него, вдумайтесь,—и вы поймете, что только въ Распятомъ на Крестѣ и въ Евангеліи Его заключается непреложная истина, вѣрный путь къ добру и жизнь плодотворная. Вѣра во Христа Спасителя пусть будетъ отселѣ основаніемъ всѣхъ нашихъ мнѣній, сужденій и убѣжденій.

А любовь къ Спасителю и Его закону Евангельскому да будетъ основою всей дѣятельности нашей во всѣхъ родахъ жизни, семейной, общественной и государственной, чтобы во всѣхъ дѣлахъ нашихъ святилось Его преславное Имя—Господа нашего Іисуса Христа: будемъ такъ жить, чтобы не хулилось нашими поступками святое званіе христіанское, но покажемъ, что мы дорожимъ имъ, что мы истинно новые люди, народъ святой, рабы Христовы. Убоимся Бога и праведнаго гнѣва Его! Дадимъ теперь, предъ могилою Царя-Мученика, обѣтъ оставить всякую ложь и нечистоту и жить достойно христіанскаго званія!

И послѣ покаянія и обѣщанія исправленія мы уже съ большимъ дерзновеніемъ и упованіемъ можемъ обратиться къ Богу и просить Его и за себя да проститъ милосердый грѣхи наши, и за Царя, котораго оплакиваемъ, да упокоитъ Его въ селеніяхъ пра-

ведныхъ, въ ликѣ страстотерпцевъ и избранныхъ своихъ!

Боже преблагій! Отврати отъ насъ гнѣвъ Твой праведный, дай намъ время на покаяніе и исправленіе! Сердце чисто созижди въ насъ и духъ правый обнови во утробахъ нашихъ! Пошли благодать Твою намъ, безъ которой мы немощны и безсильны сдѣлать что либо доброе, да начнемъ творить во всемъ Твою святую волю! А Царя отца нашего Александра Николаевича упокой со святыми Твоими въ небесномъ царствіи Твоемъ. Аминь. Протоіерей *Іоаннъ Любимовъ.*

Рѣчь, произнесенная на панихидѣ по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ въ греческой петербургской посольской церкви настоятелемъ архимандритомъ Неофитомъ.

Увы! что я скажу вамъ, многоскорбные, погруженные въ горе, объятые ужасомъ, братія мои! Какъ открою я уста для совершенія этого печальнаго священнодѣйствія, я, объятый самъ глубочайшею печалью и ужасомъ въ виду совершившагося позорнѣйшаго злодѣянія! *Кто дастъ главѣ моей воду и очамъ источникъ слезъ*, да оплачу это? Какое ужасное дѣло! Какое величайшее бѣдствіе! Какое, приводящее въ содроганіе, позорное убійство! О ужасъ! умерщвленъ преступнѣйшими руками Помазанникъ Божій! Палъ сильный, спасающій новаго Израиля! Палъ

великій и ревностнѣйшій покровитель и защитникъ православія! Палъ Тотъ, въ благороднѣйшемъ сердцѣ котораго соединены были такія и столь великія добродѣтели! О! кто можетъ перенести это безъ глубочайшей печали и трепета? О Православная Россія, кто можетъ не раздѣлять съ тобою твоего горя! О Православная Россія, до сихъ поръ бывшая для всего міра примѣромъ послушанія, любви къ порядку, почтенія къ закону, самой горячей и всецѣлой преданности къ поставленной отъ Бога верховной власти — какой злой, какой ненавистнѣйшій, необузданный демонъ прельстилъ тебя? Кто могъ бы представить, что въ твоей столицѣ совершится дѣло, по своей гнусности безпримѣрное въ лѣтописяхъ міра? Увы! Увы! Проливай горьчайшія слезы, православный русскій народъ: твой отецъ, твоя слава, твоя гордость, Освободитель твой, котораго первѣйшею и главнѣйшею заботою было твое благоденствіе, твоя честь, твое духовное и нравственное преуспѣяніе, твое величіе, убитъ нечестивѣйшими чудовищами въ образѣ людей, врагами Бога, врагами твоей вѣры, твоего славнаго будущаго! Рыдай Россія, рыдай объ этой тяжкой невозвратимой твоей потерѣ! *Стенай, лей ручьемъ слезы день и ночь, не давай себѣ покоя, не спускай зѣницъ очей твоихъ* (Плачь Іереміи, гл. II, ст. 18).

Какой ораторъ въ состояніи исчислить и по достоинству восхвалить Его великія мѣропріятія, Его славныя и удивительныя дѣянія? Кто изъ бывшихъ на славномъ престолѣ русскомъ совершилъ столько великихъ дѣяній въ теченіи двадцати шести лѣтъ?

Кто можетъ не благословлять за нихъ благословенное имя Его? Не возвѣщаютъ ли объ нихъ и чужеземцы? Не прославляется ли ими, не почитается ли и не признается ли Онъ и отъ нихъ, какъ лучшій изъ государей? Много ли столько же добрыхъ, добродѣтельныхъ и просвѣщенныхъ государей можетъ представить намъ исторія? Кто былъ болѣе Его благороденъ, кротокъ, кто болѣе Его отличался величіемъ дѣлъ своихъ: великодушіемъ, справедливостію и благочестіемъ? Плачьте, плачьте, православные Россіяне, васъ постигло непоправимое несчастіе! Какъ палъ могучій, какъ погибъ Боговѣнчанный Монархъ?

Будемъ плакать, будемъ рыдать и мы, не здѣсь только, но и повсюду живущіе эллины, что сынъ Императора Николая, Государь первой изъ державъ — нашихъ благодѣтельницъ, Тотъ, на кого мы послѣ Бога надѣялись, Тотъ, Кто былъ жарчайшимъ защитникомъ правъ народа нашего, лучшимъ другомъ его — погибъ. Плачьте, рыдайте христіане восточные! Склоните свои славныя головы и бейте себя въ геройскую грудь, герои Черной Горы: вашего великаго Благодѣтеля и Друга нѣтъ уже болѣе въ живыхъ. Плачьте, братья сербы: вашъ великій Покровитель, исторгнувшій васъ изъ неминучей и величайшей опасности, и многократно на дѣлѣ доказавшій вамъ свою любовь, переселился изъ настоящей жизни! Плачьте, скорбите, братья болгары: Того, Кто столько за васъ перенесъ, столько принесъ жертвъ, освободивши отъ тяжкаго ига кровожадныхъ турокъ, Кто далъ вамъ свободу и все, что вы теперь имѣете, нѣтъ уже

болѣе въ живыхъ! Наполняйте своими воплями ваши храмы, дома, города, села, деревни, поля, горы! Скорбите всѣ православные служители Вышняго: Великій Покровитель православія, благочестивѣйшій Императоръ Александръ Николаевичъ сдѣлался жертвою безбожныхъ злодѣевъ! Скорбите всѣ чтущіе добродѣтель: добродѣтельнѣйшій, человѣколюбивѣйшій и миролюбивѣйшій Государь Россіи изъятъ изъ среды живыхъ!

Кому могло бы придти на мысль, что найдутся люди, которые дерзнутъ поднять святотатственныя руки на такого Мужа и выполнить свою богоненавистную цѣль? Какая неблагодарность! Какое безуміе! Какой позоръ! О нечестіе, о безбожіе, возмогшее задумать и рѣшиться на такое дѣло! Какъ горьки, какъ разрушительны плоды твои! Вредоносные учители нечестія, какіе ужасы вносите вы въ человѣчество!

О солнце! почему ты не скрыло свѣта своего, чтобъ гнусные злодѣи не увидѣли Христа Господня въ ту минуту, какъ поднимали на Него свою преступную руку? О земля! почто не разверзла ты нѣдръ своихъ и не поглотила этихъ преисподнихъ демоновъ, какъ Даѳана и Авирона, когда они собирались исполнить свое адское намѣреніе?

О лучшій изъ государей! Какой другъ добродѣтели не удивлялся добродѣтелямъ, которыя украшали Твою Августѣйшую главу? Кто въ состояніи произносить Твое имя безъ благоговѣнія и безъ благословеній? Память Твоя для всѣхъ священна! О благостнѣйшій Монархъ, котораго ангельское сердце горѣло желаніемъ блага для твоихъ подданныхъ! Навѣрно,

въ послѣднія минуты Твоей славной жизни не столько причиняла Тебѣ страданій боль отъ нанесенныхъ Тебѣ ранъ, сколько неблагодарность злодѣевъ, неблагодарность, которая возмутила нѣкогда Самого Бога любви! Въ эти ужасныя минуты Ты могъ бы сказать, какъ Юлій Цезарь: «и ты туда же, Брутъ»? «Вы, для которыхъ я столько сдѣлалъ, которыхъ столько любилъ, которымъ посвятилъ всю свою жизнь, вы-то ее и отнимаете у меня?» И въ послѣднія минуты Твоей жизни Ты пребылъ неизмѣннымъ въ Твоей вѣрѣ въ Бога; Ты предалъ чистую душу Твою Своему Творцу и Господу Твоему, какъ истинный мученикъ добродѣтели и благочестія! Моли Господа за многолюбимую Тобой Россію, моли, чтобъ не постигъ ее грозный гнѣвъ Его за пролитіе Твоей невинной крови, о священная и досточтимѣйшая жертва!

Всевышній Боже! Почто ты покинулъ насъ? Почто всемощная десница твоя не спасла и еще разъ твоего Помазанника? За что толикій гнѣвъ твой на насъ? Боже милости и щедротъ! Упокой душу усопшаго раба твоего, благочестивѣйшаго Императора Александра Николаевича, идѣже мученики твои и всѣ святые упокоеваются; ниспошли, Господи, утѣшеніе Его Преемнику; покрой, защити, охрани и укрѣпи Его и весь Августѣйшій Императорскій Домъ. Ты Богъ нашъ, на Тебя уповаемъ и Тебѣ славу возсылаемъ со единороднымъ Твоимъ Сыномъ и Святымъ Твоимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь. *(Голосъ № 86).*

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Пророчество . . . . 1.
II. Предзнаменованія . . . . 7.
III. Катастрофа . . . . 14.
IV. Мученическая кончина . . . . 22.
V. Разсказы очевидцевъ . . . . 27.
VI. Выносъ въ Петропавловскій соборъ . . . . 51.
VII. Погребеніе Императора . . . . 57.
VIII. Царствованіе Императора Александра II . . . . 66.
IX. Судъ и кара надъ преступниками . . . . 117.
X. Крамольники . . . . 156.
XI. Что намъ нужно дѣлать . . . . 162.
XII. Слова и рѣчи . . . . 164.

Цѣна 1 руб. сер.

Обертка и титулъ печатаны въ типографіи Ф. Іогансонъ.
Москва, Покровка, Лялинъ пер., д. Прѣснова.